

Абеленцева О. А.

К вопросу о способах аутентификации актов

Для заверки публично-правовых и частноправовых актов XVII столетия в зависимости от их функционального назначения и статуса авторов документов использовались разные способы аутентификации — печать, припись дьяка, справа подьячего, рукоприкладные записи челобитчиков, поручителей или лиц, бравших на себя какие-либо обязательства. Для каждого вида документа известны традиционно употребляемые при его заверке способы аутентификации. При описании разных групп документов из архива Успенского Тихвинского монастыря сравнительный анализ способов их заверки показал, что в отношении нескольких видов обычно используемые способы заверки актов не применялись в тех случаях, если документ являлся автографом должностного или частного лица, от имени которого он составлялся. Например, традиционно отписи (квитанции) об уплате налогов, сборов, уплате монастырем оброка, полученные от должностных лиц, заверялись приписью дьяка и справой подьячего. Но в случае, если подьячий собственноручно писал отпись, такая двойная аутентификация не требовалась. Выписи об уплате таможенных пошлин должны были заверяться специальными печатями. Но в отдаленных районах Обонежской пятины Новгородского уезда, где осуществлялся вылов и продажа крупных партий рыбы, не было таможен. Их функции исполняли уполномоченные лица, которые не имели печатей. В этих случаях аутентификацией служил автограф уполномоченного лица или его рукоприкладная запись на документе. Те же особенности наблюдаются и в случае с частноправовыми актами. Если документ, написанный писцом, требовал указания имени свидетеля сделки («послуха») или рукоприкладной записи лица, от имени которого был составлен, то собственноручно написанный в этом не нуждался. В архиве Успенского Тихвинского монастыря есть примеры такого способа оформления оброчных записей, отпускных крестьянам и денежных кабал. Природа такого подхода к аутентификации документов не совсем понятна, так как в XVII в. в случае спорных ситуаций нельзя было прибегнуть к графологической экспертизе. Можно предположить, что доверие к такого рода документам основывалось на укорененном в сознании православных людей сакральном отношении к письменному слову.

Абросимова Т.А.

От тактики компромисса к восстанию (осень 1917 г.)

Проблемой моего исследования в этом году было изучение тактики большевиков накануне Октября 1917 г. Эта проблема чрезвычайно важна хотя бы для понимания как конкретно на практике определялся, утверждался и начал реализовываться план подготовки к восстанию..

В изучении этого вопроса особенно помогли изданные в разное время протоколы заседаний ЦК, ПК РСДРП(б) за 1917 г., а также протоколы районных комитетов большевиков за этот же период, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт - Петербурга.

Благодаря этим протоколам, которые являются бесценными свидетельствами для историков, становится доступной позиция каждого выступающего и представляется возможность проанализировать степень ответственности каждого участвовавшего в заседании.

В проводимом исследовании была поставлена задача показать пути и механизмы выработки тактической линии партии большевиков для осуществления прихода к власти.

Именно в этот сентябрьско-октябрьский период тактика компромисса большевиков с партиями социалистического толка была заменена на необходимость вооружённого столкновения. Акцент сделан на многочисленных внутривнутрипартийных острых дискуссиях между умеренными и радикальными большевиками, дискуссиях в которых наблюдалось стремление, а иногда и нежелание, найти точки соприкосновения.

Сразу после корниловского мятежа, в августе 1917 г. рассматривалась ситуация в которой был возможен компромисс между большевиками и партиями социалистического толка.

Но уже в середине сентября В.И. Ленин предлагал отказаться от тактики компромисса и немедленно начать восстание.

Члены ЦК РСДРП(б), в своём большинстве, считали восстание преждевременным и игнорировали указание Ленина. Ленин негодовал.

На заседаниях ЦК и ПК большевиков, в острых дискуссиях, решался вопрос о выработке тактики. Умеренные большевики выступали против немедленного проведения восстания.

Страсти были накалены до предела. В итоге, большинство поддержало ленинскую резолюцию.

Оставшиеся в меньшинстве умеренные большевики, в союзе с сомневающимися однопартийцами, в спорах со сторонниками Ленина, сумели притормозить начало восстания. что определённо, сыграло положительную роль, помогло избежать преждевременности восстания и лучше к нему подготовиться.

В целом, нет сомнений, успех и резко возросшую популярность большевиков к осени 1917 г. , обеспечила правильно избранная тактика. Большевистская тактика проводилась с учётом настроения и нужд масс, большевики черпали из этого источника наиболее эффективные методы решения возникавших проблем. В определении тактики роль Ленина трудно переоценить.

Успеху большевиков также способствовал существовавший у них свободный дискуссионный подход к обсуждению вопросов развития революции.

Аликин М.Б.

Определения составляющих восковых и воскосоляных смесей методом ИК-Фурье спектроскопии

При анализе изделий из воска часто встречаются образцы, представляющие собой смесь воска, модифицированную различными натуральными или синтетическими добавками. Целью данного исследования являлась разработка аналитического подхода к идентификации количественного состава смеси воска с различными составляющими методом ИК-Фурье спектроскопии.

В качестве эталонной смеси использовалась смесь пчелиного воска, содержащие от 5 до 95 масс. % парафина как наиболее сложного для определения. Смеси были получены гомогенизацией расплавов двух компонентов механическим смешением в течение 10 мин. Серию из трех ИК-спектров, полученную для каждого остывшего до комнатной температуры образца (рис. 1а), использовали для построения калибровочной кривой, демонстрирующую взаимосвязь между результатами измерений и известными концентрациями анализируемого вещества (рис. 1б).

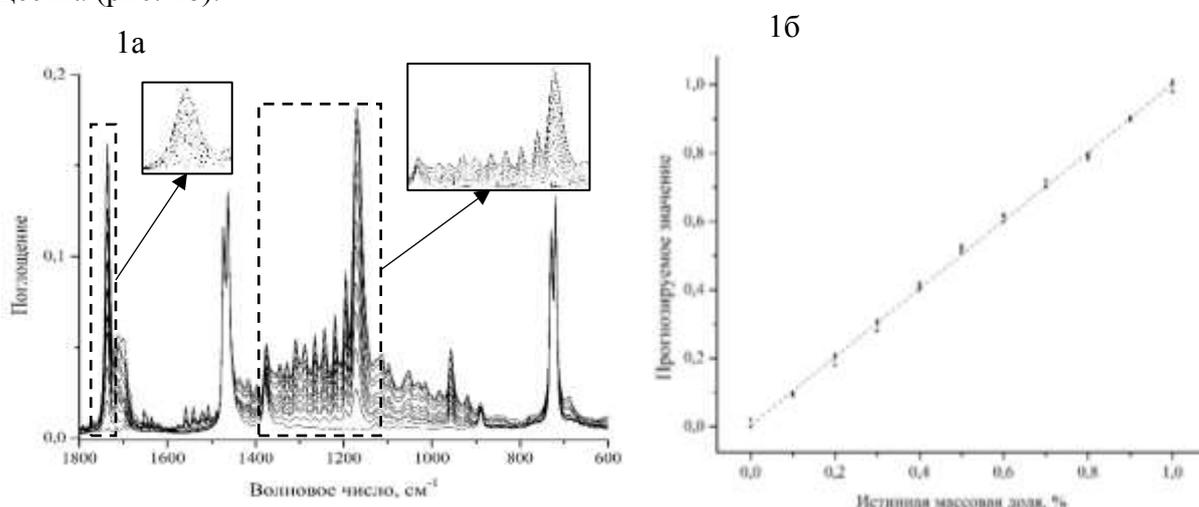

Рисунок 1 – ИК-Фурье спектр воска, парафина и смеси с содержанием парафина от 5 до 95 масс. % (1а). Калибровочный график значения доли парафина в составе по сравнению с прогнозируемым значением (1б)

При анализе спектральной области 1100-1750 см⁻¹ эталонных смесей воска с парафином, установлено линейное уменьшение интенсивности полос 1730 и 1170 см⁻¹ по мере увеличения содержания парафина в смеси, которые легли в основу аналитического подхода, позволяющего определить количественный состав исследуемой добавки для неизвестных образцов.

Андреева Т. В.

Вопрос о независимости Греции в политике России первой четверти XIX века

Вопрос о независимости Греции являлся центральным в европейской политике всю первую треть XIX века. Греческая революция 1821–1829 гг. была лишь заключительным этапом процесса национального возрождения Эллады, тесно связанного с борьбой геополитических и экономических интересов ведущих европейских держав. Активную позицию в «греческом вопросе» занимала Россия, стремившаяся в его решении реализовать, как свои внешнеполитические задачи, так и национально-освободительные устремления греков. Создание самостоятельного христианского греческого государства рассматривалось как составная часть программы политического, вероисповедного и социально-экономического развития Балканского региона Европы как форпоста России.

В начале XIX в. победы в русско-турецких войнах екатерининского царствования, прочно связавшие историческую судьбу греков с Россией, необходимость усиления ее позиций на Балканах, важность торговой и политической экспансии и укрепления обороны черноморских и дунайских границ – все это обусловило покровительственную политику Александра I в отношении Греции, вероисповедную и социальную поддержку христианского населения Оттоманской Порты. Она определялась не только стремлением императора защитить христианскую веру, но и реализовать идею «единой христианской Европы» созданного им в 1815 г. Священного союза. Ведь важнейшим принципом Союза являлось объединение европейских народов на основе христианства, утверждение приоритета общеевропейских интересов над национальными.

Но уже с начала 1820-х гг. политика Александра I в отношении «греческого вопроса» приобрела нестабильный, прагматический характер, связанный, как с революциями, так и «натиском» Европы. Известие о начале греческого восстания в марте 1821 г. поставило перед Александром I альтернативу – либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции против «законной» власти; либо в общеевропейских интересах предоставить греков их собственной участи и таким образом стабилизировать социально-политическую обстановку. И российский император выбрал второй путь, который вполне отвечал политической идеологии Священного союза. Позиция Александра I также определялась общим противостоянием ведущих европейских держав действиям России, направленным на утверждение ее влияния в Греции и в целом на Балканах. Помимо этого, война с Турцией из-за «мятежных греков» означала нанести удар по легитимистским принципам Священного союза.

Однако эскалация геноцида православного населения в Османской империи, убийство Константинопольского патриарха Григория V способствовали радикализации российской политики в отношении греческого вопроса. В августе 1821 г. дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны. При этом Александр I рассчитывал, что секретные протоколы конгрессов Священного союза в Ахене и Троппау-Лайбахе обеспечат общую санкцию европейских стран – субъектов союзных отношений – на войну России против Турции. Однако этого не произошло. Пытаясь сдерживать усиление российского влияния, правительства ведущих европейских держав опасались появления независимого греческого государства и стремились сохранить status quo. Для всей Европы Греция являлась колыбелью западной цивилизации и под давлением филэллинизма европейского общественного мнения со второй половины 1820-х гг. Франция стала помогать революционной Греции, субсидировав ее армию, а Англия финансово поддерживала и контролировала греческий флот.

Утрата же Россией социально-экономического и торгового влияния на Балканах, усиление негативного отношения российского общества к восточной политике заставили Александра I активизировать решение «греческого дела». 9 января 1824 г. союзным дворам

была разслана «Записка об умиротворении Греции» (Mèmoire sur la pacification de la Grèce), так называемый «Мемуар». В документе от имени Александра I предлагалось компромиссное решение греческого вопроса. Поскольку Турция никогда не признает в каком-либо формате политическую независимость Греции, то на данном этапе, считал император, возможен только «промежуточный вариант греческой независимости». В «Мемуаре» предлагалось разделить материковую Грецию на три самоуправляющихся княжества, подобно Дунайским, при сохранении сюзеренитета Порты над греческой территорией с уплатой ей ежегодно дани. Независящие от Турции в своей торговой деятельности и внутреннем управлении, княжества должны были находиться под защитой международного права. Однако, бесплодные переговоры на Петербургской конференции с февраля по апрель 1825 г. послов Франции, Австрии и Пруссии (Англия отказалась участвовать) продемонстрировали: крах императорской утопии «объединенной Европы», кризис Священного союза, нежелание европейских кабинетов создать греческую государственность «руками» России. В результате Александр I отказался от общеевропейской политики. В инструкции российским послам от 14 августа 1825 г. объявлялось о прекращении обсуждения с правительствами «греческого вопроса» и подчеркивалось, что Россия более не станет обращаться «к совету Европы», а будет действовать в соответствии только со своими национальными интересами. Начались прямые переговоры с Портой.

Анисимов Е. В.

Русская дипломатия на исходе Северной войны

В многогранной дипломатической истории Северной войны (1700–1721 гг.) есть немало тем, которые остаются малоизученными. Одна из них — история союзов. Создание Северного союза (России, Саксонии, Дании) было непременным условием начала войны со Швецией и когда в 1700 г., под ударами шведов, союз рухнул, Петр приложил огромные усилия, чтобы восстановить его и привлечь к нему другие страны. Это удалось после победной Полтавы 1709 г. Более того, успешные действия союзников в Померании в 1712 г. привели к тому, что к союзу примкнул Ганновер, курфюрст которого в 1714 г. стал английским королем Георгом I. Дружественные отношения России с могущественной Англией открыли дорогу к скорейшему завершению войны и победе над Швецией. Но внезапно в 1717 г. русско-английские отношения ухудшились. Причиной стал т. н. «Мекленбургский проект» Петра. Царь, выдав царевну Екатерину Ивановну за мекленбургского герцога Карла-Леопольда и разместив в Мекленбурге контингент русских войск, намеревался закрепиться тут надолго с тем, чтобы оказывать влияние на ситуацию в Северной Германии. Георг I, чьи ганноверские владения соседствовали с Мекленбургом, и который сам претендовал на роль лидера Северной Германии, резко восстал против этого и потребовал вывода русских войск. К этим требованиям присоединилась Дания. Петр — опытный, расчетливый дипломат, известный своим умением вести сложные переговоры, вопреки советам кн. Б. И. Куракина, резко встал на путь конфронтации с Англией. Европейские державы и раньше с тревогой смотрели на усиление России в Европе, восприняли действия Петра как сигнал для начала компании по изоляции России. Как писал И. И. Голиков, они «начали избавляться от толь страшного сочлена и выживать его из Германии». Было несколько моментов, когда можно было восстановить прежние союзнические отношения, но вопреки советам своих дипломатов, государь был непримирим. Досада Петра объяснима не только крушением имперских планов в Северной Германии. Им руководили оскорбленные чувства самодержца, который, не зная никаких ограничений внутри страны, распространял представления о своей власти и могуществе на международную сферу и ожидал, что союзники, видя силу России, как он писал, «одумаются». Но этого не произошло, и смыслом прежде рациональной политики Петра стала месть Георгу, Ганноверу и Англии. В 1720 г. царь направил в Лондон беспрецедентный мемориал «О тяжких обидах, нанесенных нам от дворов Ганноверскаго и Английскаго». По тону, стилю он является необычным для петровской дипломатии. Целью его было нанести моральный вред Георгу I, личность которого — вопреки этики тех времен — царь подверг всяческим оскорблениям, он откровенно вмешался во внутренние дела Англии и даже обвинил ганноверцев в смерти своего родившегося у

Екатерины на территории Ганновера сына Павла. Англия тотчас разорвала отношения с Россией, что сказалось на распаде Северного союза и сепаратных мирах со Швецией бывших союзников России. Однако могущество России было так велико, что, даже оказавшись в изоляции (прорванной только после смерти Петра), Россия «дожала» Швецию и добила вожделенного Ништадского мира.

Асташкин Д.Ю.

Партийное руководство культурой Новгородской области в послевоенный период 1945-1953 гг.

По концепции Д.С. Лихачева, «культура» гораздо шире театра, музея, эстрады, музыки, литературы, в нее должны входить: религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Однако партийное руководство воспринимало культуру утилитарно - как пропагандистский инструмент под названием «культурно-просветительная работа».

Региональные особенности. За время нацистской оккупации Новгородской земли были разрушены многие учреждения культуры, имелся большой дефицит кадров. Чтобы поправить ситуацию, в созданную Новг. область были направлены ленинградцы. Так, из 2100 руководителей областных организаций 400 человек приехали из Ленинграда. Но эта интеллигенция была малочисленной и концентрировалась только в Новгороде. Поэтому культуру в область несли не специалисты с профильным образованием, а партийные пропагандисты (инструкторы, лекторы) и комсомольские активисты (свыше 20 районных агитбригад). В целом же, вся региональная система управления Новгородской областью возникла практически с нуля, в том числе и система управления культурой.

Партийная вертикаль. С конца 1920-х годов советские органы управления подчинены партийной воле их решений, что порождало безынициативность, иждивенческие настроения и бюрократизм. Работники культуры воспринимали управление культуры как снабженческую организацию, а партийные органы как руководящую инстанцию. Соответственно, определяющими оставались решения съездов и постановления пленумов ЦК КПСС. После очередного постановления ЦК ВКП (б) Новг. обком созывал для инструкций областное совещание заведующих отделами культпросветработы и заведующих районными библиотеками. А те потом организовывали районные совещания, где инструктировали сельский актив. Руководство культурных учреждений подсказывало населению «правильное» восприятие объектов искусства. При библиотеках и избах-читальнях учреждались (по планам работы) читательские кружки, они же проводили читательские конференции о прочитанных книгах.

Формы работы. Основой взаимодействия культурных учреждений и партийного начальства были планы (на месяц, квартал, год) и соответствующие отчеты, в которых их целью всегда ставилась творческая пропаганда решений ВКП(б). Наибольшее внимание вызывали у партийного руководства сезонные кампании (выборы, посевная, сбор урожая и др.). Для их творческой поддержки привлекались все новгородские силы (концертные бригады, агитбригады, кинопередвижки) и ленинградские гастролеры. Реакция публики мало интересовала как отчитывающихся, так принимающих отчет. Так что в отчетах есть только количественные показатели: число показов и число зрителей. Иногда фиксировались вопросы слушателей, заданные лектору или, в редких случаях, критика художественного уровня.

Кино. Как отмечают А.Н. Чистиков и Ф.К. Ярмолич, кино с точки зрения воздействия на складывание когнитивной системы человека располагает более широким инструментарием, чем традиционные формы политико-идеологической и культурно-просветительной работы, поэтому кинематограф в системе политической пропаганды и просветительной деятельности в советский период занимал особое положение. Новг. область не имела средств для собственного кинопроизводства на всем протяжении исследуемого периода, поэтому областной комитет партии просил ленинградских кинематографистов изготовить кинохронику. Основной же задачей Новг. управления кинофикации являлся кинопрокат, что было сложно сделать в послевоенных условиях. Не хватало как самой аппаратуры, так и деталей для ее ремонта, квалифицированных кинотехников. Пока восстанавливались кинотеатры, разрушенные в ходе

войны, действовать приходилось изношенным кинопередвижкам. Их часто сопровождали агитфургоны, это позволяло расширить визуальный канал восприятия пропаганды.

Ситуация с кино регулярно отслеживалась секретарем обкома по пропаганде и агитации, а все затруднения вызывали критику. Плохая кинофикация районов не только затрудняла попаганду, но и напрямую подрывала авторитет советской власти. Ведь население могло сравнивать советскую кинопропаганду с оккупационной не в пользу первой.

Другой формой работы стало проведение тематических кинофестивалей. Планы их проведения Новгород. управление кинофикации согласовывало с секретарем обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Сам кинофестиваль включал в себя проведение собраний, бесед, лекций, выставок, выступления кружков самодеятельности, встречу с передовиками предприятий, колхозов, совхозов, с участниками войны.

Выводы. Со времен Радищева Новгородская земля воспринимается как символ российской провинции, а литературный символ российской провинции подходит “город Н.” вполне подходит и советскому городу Новгороду. Таким образом, мы можем экстраполировать новгородскую послевоенную историю на другие регионы РСФСР, пострадавшие от оккупации. Более того, некоторые практики руководства культурой послевоенного времени пережили сталинский аппарат и воспроизводятся по-прежнему.

Базарова Т.А.

Дело о «чернокнижнике» Степане Недосекове в материалах Архангелогородской губернской канцелярии

Первый русский город за Северным полярным кругом — Пустозерск — был основан осенью 1499 г. В XVII в. он стал местом ссылки и заключения разбойников и противников церковных реформ. В результате губернской реформы Петра I Пустозерский уезд вошел в состав Архангелогородской губернии. Значительная часть материалов, связанные с управлением уездом, решением финансовых и судебных вопросов, отложилась в фонде Архангелогородской губернской канцелярии (Архив СПбИИ РАН. ф. 10).

В 1719 г. в Пустозерск прибыл осужденный по делу царевича Алексея Петровича князь С. Щербатов с семьей. Через два года в городе за Полярным кругом появился сосланный «за некоторое воровское намерение и бездельные слова» капрал бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка Степан Мороз. Вскоре после прибытия он начал писать доносы и на ссыльных, и на офицеров. Поссорился он и с Семеном Щербатовым. Отвечая на обвинения бывшего капрала, князь донес на местного жителя Степана Недосекова, которого объявил чернокнижником. Донос немедленно заинтересовал власти в Архангельске; началось следствие. С. Недосекова под караулом привезли в Архангелогородскую канцелярию, затем в Москву. В январе 1724 г. «чернокнижника» с «волшебным письмом в тетрадке» доставили в Преображенский приказ, где он дал более подробные показания. Затем его отправили назад в Архангельск, чтобы продолжить розыск на месте. По дороге Степан Недосеков скончался. 21 января 1724 г. был издан указ Петра I, по которому еретические и «волшебные» дела по Духовному Регламенту надлежало вести в Синоде. «Волшебное письмо» отправили в Холмогоры архиепископу Холмогорскому и Важскому Варнаве. После смерти С. Недосекова расследование прекратили, а пресловутое письмо затерялось.

Итак, в научной литературе встречаются только отрывочные сведения о быте и повседневной жизни ссыльных петровского времени, так как власти ограничивали их неформальные контакты с гарнизоном и местными жителями. Однако анализ делопроизводственных материалов губернских канцелярий показывает, что на практике это сделать было невозможно. Конфликты в ряде случаев выливались в судебные разбирательства, материалы которых сохранились в фондах приказных изб и губернских канцелярий. Изучение такого рода документов дает новые факты по истории повседневной жизни отдаленных гарнизонов, а также условий содержания и быта ссыльных преступников.

Баринов Д.А.

О способах доставки нелегальной литературы в Ленинград 1920-х гг.

Первое десятилетие советской власти стало периодом активной политической борьбы. С одной стороны, в ней участвовали партии, сформировавшиеся еще до революции 1917 г. – меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты; с другой, представители различных оппозиционных течений внутри ВКП(б) – троцкисты, зиновьевцы, группа демократического централизма, «Рабочая правда» и др. Все названные группы на протяжении 1920-х гг. прошли путь от легальной борьбы к подпольной. Эсеры и меньшевики были поставлены вне закона в 1922-1923 гг., внутривластная оппозиция в 1927 г. решением XV съезда ВКП(б).

Ведение борьбы на нелегальном положении неизбежно предполагало налаживание связей с заграничными сторонниками. В случае с социалистами и анархистами эту необходимость диктовала сама логика устройства их движения, когда политический и теоретический центр, а также главный печатный орган находились в европейских странах. Для левой оппозиции задача поддержания контактов со сторонниками вне СССР встала в начале 1928 г., и позднее дополнилась перепиской с самим Троцким и его окружением. Ввиду скудной источниковой базы, эта проблема не становилась предметом отдельного исследования. Отталкиваясь от материалов ОГПУ (из Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и ЛО) и источников личного происхождения постараемся определить основные пути проникновения нелегальной литературы и корреспонденции в Ленинград.

1. По сравнению с другими регионами и городами СССР Петроград-Ленинград имел ряд географических преимуществ для нелегальных контактов. Первое преимущество заключалось в близости финской границы, которая к тому же в то время была слабо демаркирована. Этим активно пользовались, например, эсеры. Под руководством Б.В. Чернова (сына В.М. Чернова) в деревне Большие Яколомьяки (совр. Всеволожский район Ленинградской области) была «завербована» крестьянская семья, которая знала тайные переходы через финскую границу. Они привозили письма, статьи и журналы в Петроград вместе с дровами, продуктами и т.д., и увозили очерки, написанные эсерами о положении в СССР. Известно, что «ходоки» через границу были среди анархистов, они же устраивали приграничные встречи с матросами-участниками Кронштадтского восстания.

2. Положением Ленинграда, как крупного морского порта активно пользовались члены левой оппозиции, начиная с 1928 г. Тогда многие надежды на перемену сталинского курса возлагались на давление иностранных коммунистов, поэтому поиск каналов связи с Европой был крайне актуален. В этот период усилилась агитация на Балтийском флоте. Известно, что активная работа велась также в Интернациональном клубе моряков, где через матросов иностранных судов неоднократно удавалось передавать корреспонденцию заграничным сторонникам. Один из представителей группы демократического централизма устроился на пароход им. Калинина, совершавший заграничные рейсы – таким образом удалось обмениваться материалами с левыми немецкими коммунистами из Ленинбунда.

3. Использовались ресурсы официальных советских и иностранных учреждений. Через торговые представительства в Швеции пересылались материалы эсеров и меньшевиков. Меньшевики также передавали материалы из СССР через финляндское консульство. Сторонники левой оппозиции в Кенигсберге в начале 1930-х гг. успешно пересылали литературу через сотрудников советского торгового представительства.

4. Другим способом избежать перлюстрации писем были «анонимные» послания. Т.е. письма (в т.ч. шифрованные), отправленные не персонально, а на адрес учреждения, или людей, не участвовавших на прямую в политической работе. Как мы установили, таким способом были посланы некоторые материалы по адресу Медицинского института, военного госпиталя и др. И местные оппозиционеры впоследствии распространяли их среди своих товарищей. Известны случаи, что письма не шифровались но переводились на эсперанто и отправлялись на адрес знатоков этого языка.

Подобные способы доставки литературы продолжали существовать, по меньшей мере, до начала 1930-х гг.

Баскакова Ю.П.

Исследование изменений документов до и после реставрации

Отбор памятников письменности для консервации и реставрации – очень сложный и многофакторный процесс, главный вопрос которого – это необходимость вмешательства и сохранения документа в первозданном виде, со всеми следами бытования. В первую очередь осуществляется визуальный осмотр документов, и на реставрационном совете определяется степень руинированности и необходимости реставрации документов. Далее уже с отобранными документами проводятся необходимые физико-химические исследования документов перед реставрацией: микологические исследования, микроскопия, просмотр в УФ, определение pH водной вытяжки, определение состава по волоку, определение проклейки. Каждое из этих исследований очень важно, т.к. помогает реставратору определиться с дальнейшими действиями с памятником. Так, проведение микологических исследований — это первостепенное исследование, которое определяет, где будет храниться документ во время реставрации, а также каковы будут первые реставрационные действия с ним. Если на нем есть жизнеспособные микроорганизмы, для него потребуется отдельный чистый бокс (комната) для их удаления. и только после этого с ним можно будет работать, и он не будет опасен для других памятников. Микроскопия необходима для просмотра, как всего документа, так и отдельных участков, вызывающих сомнения, для подтверждения поражения или загрязнения объекта, изменения физических свойств носителя письменности (бумаги, пергамента, холста), изменения свойств чернил, красок. Просмотр в УФ- свете позволяет увидеть как биоповреждения, так и предыдущие вмешательства в документ, будь то полномасштабная реставрация, или просто прорисовка отдельных слов, букв. Также это позволяет увидеть давно угасший текст, прочесть его, и сфотографировать. Таким образом, исследователь получает наглядное представление о том, где расположены места для более тщательной проработки при реставрации. Определение pH водной вытяжки документа, является основополагающим определением физического состояния материала, т.к. бумажная основа имеет свойство со временем окисляться, что в свою очередь приводит к разрушению материала, и он становится рыхлым и ломким. Есть специальные методики для восстановления pH, и после каждой подобной манипуляции необходимо заново измерять pH и смотреть, насколько успешно прошёл процесс, и при необходимости повторять, до тех значений, которые удовлетворяют реставратора. Определение состава по волокну необходимо для точного подбора методики реставрации, в зависимости от основного материала документа, для подбора материала восполнения утрат, подклейки или дублирования при необходимости.

Эти исследования показывают, насколько успешно прошла консервация и реставрация. Так мы узнаём, насколько улучшилось состояние памятника, насколько он стал прочнее после подклейки или дублирования, измеряя pH, понимаем, насколько основа стала менее кислой, и можем оценить улучшение его физического состояния по объективным параметрам, а не органолептически. Также мы можем в УФ диапазоне рассмотреть места, где были очаги биоповреждений, места следов бытования или печатей. Также материалы во времени отличаются светимостью в УФ, и в УФ свете хорошо видны края старой основы материала и новых восполнений. Видны следы дорисовки новыми чернилами и красками текстов и рисунков соответственно. Все это в комплексе создает картину проделанной работы и дальнейшей жизни памятника, способы его хранения и возможности его исследования, экспонирования.

Басов И.М.

АНТИВЕДОВСКАЯ ПОЛЕМИКА В ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТНОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XVI-XVII ВВ.

Во многом благодаря Я. Тазбиру в историографии закрепилось представление о Польше XVI-XVII вв. как о «державе без костров». Тем не менее, костры были: со времени первого официального польского суда над ведьмой (1436 г.) до середины XVI в. известно о 65

процессах . При этом до к. XVI в. суды над ведьмами проводились в условиях молчания о феномене ведовства со стороны польской печати, чем отчасти можно объяснить сравнительно малое количество судебных процессов. Проблема ведьм не стояла сколько-нибудь остро до 1580-х гг. С этого момента польские судебные книги фиксируют учащение процессов над ведьмами: за одно десятилетие прошло больше процессов, чем за всё предыдущее столетие. Эта статистика отражает некие социальные перемены, происходившие в польском обществе, которое вдруг начали волновать ведьмы. Тема ведьм появляется в печатной культуре перед первым всплеском гонений. В 1587 г. Я. Янушовский публикует в своей типографии трактат Я. Кохановского под названием «Wgózki» («Гадания»), спустя два года Янушовский (под псевдонимом Я. Подвожецкий) публикует одноименный трактат. «Гадания» 1589 г. в том числе ставят вопрос недопустимости колдовства. На страницах трактата Янушовский описывает ведовские ритуалы и утверждает, что колдуны (которых он объединяет понятием «язычники») ходят среди простых людей, внешне не выдавая себя. Занимая ожидаемую позицию крайнего неприятия, автор представляет колдунов как крайнюю форму отхождения от нормы . При том, что «язычники», по мнению Янушовского, противны Богу, они же представляют собой Его назидательное знамение, свидетельствующее о приближении Судного дня .

Параллельно с Янушовским активно печатается надворный проповедник П. Скарга, отметившийся непримиримой критикой инакомыслия. В своих проповедях Скарга так же использует тему ведовства. Здесь характерен мотив «греха, оставшегося без наказания»: он присутствует у Янушовского, называвшего единственной причиной, по которой «язычники» ещё живы, милосердие Бога; он присутствует и у Скарги, сетовавшего на то, что «грехи, которые духовным правом сдерживались, теперь и суду не предаются» . К тому же Скарга стал одним из первых польских памфлетистов, печатным словом заклеивших профессиональных оппонентов сатанистами, и тем самым приравняв их к ведьмам, которых, согласно поверью, с нечистой силой объединяет договор. При этом Скарга использовал образ договора как продажи себя в рабство Дьяволу.

Второй пик гонений рубежа веков приходится на 1620-е гг. Примечательно, что параллельно в Польше впервые публикуется «Молот ведьм». Автор перевода, повторяя мотив «греха без наказания», в предисловии с сожалением отмечает, что «в Речи Посполитой живёт много ведьм, которых суды не карают».

Мы заключаем, что между печатью к. XVI – н. XVII вв. и активностью антиведовских процессов наблюдается корреляция. Вероятнее всего, имело место взаимовлияние: авторы, неотделимые от общества своего времени, воспринимали его настроения, в то же время, будучи сторонниками проскрипции инакомыслящих (очевидно, что в польской полемике антиведовская и контрреформационная тема связаны), авторы транслировали свой дискурс, влияя на общественные настроения.

Список литературы

1. Adamczyk J. Czary i magia w praktyce sądów kościelnych na ziemiach polskich w późnym średniowieczu (XV – połowa XVI wieku) // Karolińscy pokutnicy i polskie średniowieczne czarownice. Konfrontacja doktryny chrześcijańskiej z życiem społeczeństwa średniowiecznego / red. M. Koczerska. Warszawa: DiG, 2007. S. 91-264.
2. Podworzecki J. Wroźki. Kraków: Drukarnia Łazarzowa, 1589.
3. Skarga P. Kazania na niedziele i święta całego Roku. Kraków: Drukarnia Piotrkowczyka, 1595.
4. Tazbir J. Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII wieku. Warszawa: Iskry, 2009. 231 s.
5. Wyporska W. Witchcraft in Early Modern Poland, 1500-1800. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.
6. Ząbkowicz S. Przedmowa // Sprenger J. Młot na czarownice. Kraków, 1614.

Башнин Н.В.

Описи архиерейских домов 1701-1702 гг.

Согласно указу Петра I, все архиерейские дома и их вотчины следовало описывать «царедворцам людям добрым». И. А. Булыгин выявил описи строений и имущества только двух архиерейских домов – Белгородского и Тамбовского, а также и описание вотчины Сарской и Подонской кафедры во Владимирском уезде. Однако это не самые крупные вотчинники. Описания еще 17 кафедр Булыгину остались не известны. В 2000–2010-х гг. были выявлены и

введены в научный оборот описи строений и имущества Вологодского и Суздальского архиерейских домов. Принципиальным является тот факт, что оба документа найдены в региональных архивах, вне комплекса документов Монастырского приказа (ф. 237) в РГАДА. Таким образом это подтверждает мнение М. С. Черкасовой о важности внимания к региональным архивам во время поиска источников о церковной реформе Петра I.

До сих пор не найдено описание крупнейшей архиерейской кафедры – Новгородской. При этом в черновике наказа переписчикам, который найден среди бумаг Вологодского архиерейского дома, указан Новгородский уезд: «Переписчику, во архиерейском доме и в монастырех вышеписанное все управя, ехать в Новгороцкой (в ркп. зачеркнуто – Н. Б.) уезд, в вотчины святейшаго патриарха, и в архиерейские и в монастырские села и в деревни, а приехав, в тех вотчинах переписать крестьянские и бобыльские дворы». К тому же известен указ Петра I ландрихтеру Ингерманландской губернии Я. Н. Римскому-Корсакову от 20 февраля 1707 г. о возвращении земли Новгородскому архиерейскому дому и монастырям этой епархии. Эти факты говорят о том, что описание Новгородского дома Св. Софии было произведено.

В фонде 236 (Патриарший приказ) в РГАДА Н. В. Соколова выявила переписные книги вотчин Патриаршего дома 1701–1703 гг. Заметим, что в этом же фонде хранится описание Устюжской епархии 1697 г. и, несмотря на хронологическую близость, в 1701 г. было проведено следующая опись, список с нее выявил и использовал Н. И. Суворов (сейчас этот документ не найден). Прочитываем заголовок этого источника, который привел историк: «Лета 1701 году сентября в день выписка из переписных книг переписи столника Андрея Михайловича Вешнякова дому преосвященного Иосифа архиепископа Великоустюжского и Тотемского домовою всякой казне». Опись 1701 г. зафиксировала в Великоустюжском архиерейском доме 1200 руб., 199 золотых и 85 ефимков, в штате было 83 человека, в вотчине значилось 34 деревни (130 дворов) и 448 душ м.п. М. С. Черкасова обращает внимание на близость трех описаний Устюжской кафедры: 1697, 1699–1700 (по указу патриарха после смерти устюжского владыки) и 1701 гг.

Также пока нет сведений о документации 1701–1703 гг. по семи архиерейским домам: Рязанскому, Псковскому, Казанскому, Смоленскому, Нижегородскому, Холмогорскому и Астраханскому.

Сравнительный анализ описей архиерейских домов позволил прийти к следующим выводам. Очевидным является наблюдение о том, что объем описи и, следовательно, подробность фиксации сведений определялись не только размерами и количеством объектов, которые следовало описать, но и личностью переписчика и его подходом к описанию.

В целом же структура, методы проведения описаний и состав описательных статей (за некоторыми исключениями) были типичными для делопроизводства XVII в. Претерпело некоторые изменения оформление документов – все описи были составлены в «дестевых» тетрадах, на них стоят пометы о получении их в Монастырском приказе. Наиболее же существенным отличием от предыдущей эпохи, когда государство тоже периодически контролировало имущество церкви, стал запрет тратить деньги, использовать документы для совершения сделок: все было опечатано и учтено. Таким образом государственная власть ввела контроль над ранее самостоятельной хозяйственной деятельностью архиерейских кафедр и монастырей. В ряде случаев это стало препятствием для осуществления церковных обязанностей. Опечатанное имущество ждало новых светских лиц для использования его в государственных целях.

Бередникова В.Е.

Органы руководства партизанским движением в Ленинградской области: формирование, задачи, кадровый состав

Деятельность партизанского движения, развернувшееся в тылу противника в годы Великой Отечественной войны на территории СССР, оказало значительное влияние на ход боевых действий, подорвав боеспособность вражеской армии. В историографии широко отражена история партизанского движения на территории Белорусской и Украинской ССР и

ряде областей РСФСР. В то же время, организация партизанского движения на территории Ленинградской области остаются крайне слабо изученными.

В этой связи особый интерес представляет вопрос создания руководящих органов партизанским движением. В составе соединений ленинградских партизан в период Великой Отечественной войны по разным оценкам воевало 30-35 тысяч человек, что несопоставимо с численностью партизан, действовавших в других областях и республиках Советского Союза. Однако именно на ленинградской земле партизанское движение приобрело организованный характер.

В Ленинграде и Ленинградской области работа по созданию партизанских соединений и органов руководства партизанским движением началась в июле 1941 г. Создание партизанских отрядов было возложено на райкомы и горкомы партии, которые должны были заниматься подбором руководящего и личного состава, а также подготовкой продовольственных запасов для партизан. Вместе с тем, без централизованного руководства создать масштабную и слаженно действующую сеть партизанских соединений не удалось.

В июле 1941 г. создается первый партийный орган руководства партизанским движением на территории Ленинградской области – тройка, основные задачи, которой заключались в установлении связи с действующими отрядами, координации и предоставлении материально-технического обеспечения. Параллельно тройке по руководству партизанским движением при Военном совете Северного (позднее – Ленинградского) фронта действовал отдел по организации и руководству партизанским движением в тылу противника. Наличие нескольких руководящих структур затрудняло управление созданными соединениями и снижало их боеспособность.

Централизация руководства произошла 27 сентября 1941 г. с созданием Ленинградского штаба партизанского движения, задачи которого во многом совпадали с задачами ранее существовавшей тройки. Деятельность Штаба, имевшего четкую структуру, на протяжении 1941-1943 гг., позволила добиться значительного роста эффективности деятельности партизанских соединений. В то же время, сохранялся ряд существенных проблем: отсутствие связи с действующими соединениями, дезертирство, слабое материально-техническое обеспечение, дезорганизованная переброска партизанских отрядов в тыл противника, недостаточное обучение и т. д.

Значительную роль в организации партизанского движения играл кадровый состав. Партийные работники, которым было поручено в первые месяцы войны заниматься созданием партизанских отрядов и формированием специализированных баз, не имели достаточной подготовки и опыта в ведении партизанской борьбы. Сказывался и человеческий фактор: партийные работники-организаторы бросали вверенные им участки и бежали в советский тыл. Появление органов, осуществлявших централизованное руководство партизанами, отчасти решило эту проблему, но и привело к появлению новых.

Бехтер А.П.

Неизданные граффити и дипинти зи раскопок Ольвии 1960-х – 1970-х гг.

Археологические исследования теменоса и агоры Ольвии, в течение многих лет проводившиеся под руководством Е.И. Леви и А.Н. Карасева, дали крайне богатый и разноплановый материал. Помимо строительных остатков монументальных сооружений, было обнаружено также большое количество граффити и дипинти, однако, большая их часть не только не опубликована полноценным образом, но и просто неизвестна широкой научной общественности. Ольвийские материалы указанного периода в основной своей массе поступали в ЛОИА, где объективно нет условий для хранения предметов, представляющих музейную ценность. Часть предметов из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева за период с 1960 по 1974 г., происходящих в основном с агоры, была передана для изучения в Москву Ю.Г. Виноградову, после смерти которого А.Ю. Виноградов передал обнаруженные в архиве исследователя керамические фрагменты С.Р. Тохтасеву. После трагической гибели последнего чудом уцелевшие при пожаре черепки были изъяты из его квартиры и в настоящий момент находятся

в ИИМК РАН, ожидая передачи в Государственный Эрмитаж. К сожалению, ни одному из этих выдающихся исследователей не удалось полноценно опубликовать указанные материалы.

В коллекцию входят 98 объектов с граффити или дипинти, а также шестнадцать глиняных кружков диаметром от полутора до двух с половиной см, предположительно, выполнявших роль псефов (жетонов для судебного голосования). Три фрагмента были найдены на территории Восточного теменоса, прочие объекты происходят с агоры.

С известной долей условности их можно разделить на две большие группы: общественного и частного характера. Тексты первой группы в свою очередь можно разбить на две подгруппы, базирующиеся на археологическом контексте. Материалы первой происходят с участка Е8, где были открыты остатки гимнасия. Это одиннадцать граффити, маркирующих посуду, находившуюся в полисной собственности (десять чернолаковых сосудов аттического производства и краснолаковое блюдо местного изготовления). Другая большая группа текстов происходит с участка Е3, где было открыто здание, определяемое как дикастерий (здание суда). Основной массив материалов отсюда – это остраконы, представляющие собой: списки мужских имен (от трех до пяти), одиночные имена, нанесенные на остракон в технике граффито или дипинто и отдельные буквы, представляющие собой, видимо, аббревиатуры личных имен.

Граффити частного характера не образуют локальных групп и могут быть распределены только по жанрам: владельческие, торговые, симпозиальные, магические и т.д.

Наиболее представительна группа владельческих надписей (13), ономастикон греческий, без варваризмов; ценность материала состоит в относительно ранней для Северного Причерноморья датировке: в основном объекты относятся к концу VI – началу V вв. до н.э. Очень интересна симпозиальная надпись с посвящением Гигиее и Эроту. Прежде всего, подобные находки для Северного Причерноморья нечасты. Кроме того, необычно сочетание божеств и место нанесения текста.

Магические надписи представлены тремя чернолаковыми фрагментами, оббитыми по краям для придания формы круга (такие амулетного типа остраконы – частая для Ольвии находка), на два из которых нанесены буквенные знаки, один покрыт хаотичными царапинами.

Украшением коллекции является ножка чернолакового килика, на которой по кругу процарапан полный восточно-ионийский алфавит; это не ученическое упражнение, а надпись магического характера, имеющая апотропеическое значение. Граффито содержит вышедшие из употребления буквы: дигамму, коппу, сампи. Обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, очень необычная форма мю, состоящей из 5 линий с длинным росчерком, воспроизводящая финикийский прототип, и в восточной ветви греческих алфавитов не встречающаяся. Во-вторых, непривычная последовательность хи и фи, которую можно объяснить как смешением разных алфавитных рядов, так и банальной ошибкой резчика.

Богомолов А.И.

«Память народа (Народная энциклопедия)»: Воспоминания уральских подростков военного времени о войне в рамках биографических интервью»

Предлагаемый доклад представляет собой материалы обработки воспоминаний (точнее, их части, доступной в данный момент автору), собранных в рамках незавершенного издательского проекта «Память народа (Народная энциклопедия)» в Челябинске в декабре 2001 – феврале 2002 гг. Центром культурно-исторических исследований исторического факультета ЧелГУ. Воспоминания о второй мировой войне не были специальной целью интервьюирования, но лишь одним из фрагментов рассказываемых «жизненных историй».

Авторов проекта интересовала прежде всего история происхождения семьи и т.н. повседневность (семейный бюджет, столовые привычки, досуг, изменения по 10-летиям). Соответствующим образом были сформулированы и анкетные вопросы.

Респонденты расценили общение с ними иначе, чем это планировали организаторы, и строили ответы как «историю жизни», как повествование о своей жизни в целом, используя повод «научить молодежь» (прямые высказывания всех респондентов всем интервьюерам, – часть интервью проводилась с родственниками участников проекта). Респонденты проявляли

желание не столько передать какие-либо рецепты, технологии (если о них и говорили, то мельком, не придавая значения), сколько «транслировать мировоззрение», «научить жизни», тому, как надо и как не следует поступать. Вопросы, пытавшиеся «вернуть респондента в русло проекта», либо игнорировались (респондент выслушивал вопрос и продолжал свой рассказ), либо прерывали эмоциональный контакт, заставляли респондента замолчать, собираться с мыслями и что-то коротко сказать, - а затем продолжить рассказ о себе. В последнем случае ответ на прямой вопрос строился в жанре аргументации.

Все респонденты – люди, в военных действиях участия не принимавшие. В годы войны они были подростками, находились на территории, не затронутой военными действиями (г. Челябинск).

Интересно заметить, что интервьюер вопросов о войне не задавал (не это было предметом интервью). Тем не менее о войне (о своей жизни во время войны и, главным образом, о переменах в своей жизни в связи с ней) упомянул каждый респондент. Война выступает как значимый посторонний фактор, вмешавшийся в обыденную жизнь и изменивший ее в худшую сторону.

Война упоминалась в связи с резким ухудшением жизненных условий (бытовых, жилищных), голодом, жестким принуждением со стороны государства (мобилизация, принудительные работы, запрет покидать место работы и проживания, карательная трудовая дисциплина). Респондент-мужчина, призванный в армию в 1944 г., называет военную службу (его демобилизовали только в 1950 г.) худшим из факторов своей жизни – «вся молодость в армии прошла, и погулять не успел». Война – часть «большой истории», от которой респонденты старались быть подальше.

Родители респондентов перебрались на Урал (на стройки индустриализации), спасаясь от голода и коллективизации. Это переселенцы и ссыльные.

В воспоминаниях челябинских респондентов практически отсутствует «героика» войны, выражения патриотизма, гордости за свою страну, свой город, стойкость и мужество защитников и т.п. Война запомнилась как «негативный опыт», и, вспоминая войну, респонденты говорили о лишениях и ограничениях свободы, которые испытали. Предположительно, причиной этому послужил «косвенный» характер интереса к войне как предмету беседы. Респондентов не спрашивали прямо о том, как они запомнили войну, что они думают о войне (возможно, тогда бы они сказали то, что, как они могли решить, от них хотели услышать). Но в своих жизненных историях они также рассказывали о войне – такой, как она повлияла на их биографии.

Другое предположение – в случае с большинством респондентов «культурная память» о прошедшей войне оказалась вытеснена личными воспоминаниями; их не смогла заместить культивируемая государством и обществом практика воспоминания (в которой места пережитому ими опыту не было).

Болдовский К.А.

ГКО и ленинградское руководство в 1941-1944 гг.

В историографии блокады Ленинграда утвердилось мнение о том, что в годы войны в Ленинграде сформировалась система самостоятельного регионального управления, действовавшая во многих аспектах независимо от центральных органов. Некоторые исследователи, например, А.А. Амосова, даже считают необходимым говорить об особом «ленинградском стиле руководства». Между тем, проблемы, связанные с изучением взаимоотношений между высшими органами управления страной, в первую очередь, Государственным комитетом обороны (далее – ГКО) и руководством Ленинграда изучены далеко не полностью.

В настоящее время наиболее продвинулись исследования, связанные с военными аспектами, в частности вопрос о роли ГКО, Ставки верховного главнокомандования и Наркомата обороны в организации военных операций, направленных на ликвидацию блокады Ленинграда и координации действий Ленинградского фронта и соединений, воевавших со

стороны «Большой земли». Вопросы о роли центральных органов в организации управления, жизнеобеспечения и промышленного производства блокированного города изучены менее подробно.

Источники, ставшие доступными в последние годы, показывают, что в первые месяцы войны, вплоть до середины декабря 1941 г. высшее руководство страны считало, что «ленинградцы» предоставляют в Москву недостаточно полную и достоверную информацию о положении в городе и на фронте. В этом заключалась одна из причин командирования в город представительной комиссии ГКО в конце августа 1941 г. В результате работы комиссии в Москве сформировалось мнение о том, что ленинградские руководители (в первую очередь, А.А. Жданов и А.А. Кузнецов) смогут удержать систему управления от коллапса и наладить работу в новых условиях. Осенью 1941 г. начали формироваться основы новой региональной системы управления. Ленинградскому руководству были частично переданы полномочия по организации эвакуации промышленных предприятий и ценных работников, а также по формированию планов промышленного производства и, частично, по распределению материальных ресурсов между предприятиями, ранее подчинявшихся разным наркоматам. В то же время, ситуация в городе в последние месяцы 1941 г. для верховного руководства была ясна не полностью, несмотря на информацию, поступавшую в Центр по линиям НКВД, уполномоченных ГКО и наркоматов. С достаточной степенью определенности можно утверждать, что более полная картина кризиса в снабжении и других отраслях жизнеобеспечения Ленинграда была предоставлена И.В. Сталину только во время однодневной поездки А.А. Жданова в Москву 17 декабря 1941 г.

В ГКО куратором ленинградского направления, а также Ленинградского и Волховского фронтов, самое позднее с декабря 1941 г., стал Г.М. Маленков, о чем свидетельствуют факты его активного участия в деятельности, в частности, Военного совета Ленинградского фронта, например, указания об отмене шифротелеграммы Г.К. Жукова о расстреле членов семей фронтовых перебежчиков.

Важнейшим примером тесного взаимодействия ленинградского руководства и центральных властей стала подготовка и реализация летом 1942 г. известного решения о «превращении Ленинграда в военный город» (постановление Военного совета Ленинградского фронта от 5 июля 1942 г.). Осуществление мероприятий, предусмотренных этим решением: эвакуация предприятий, учреждений, организаций и незадействованного в военном производстве населения, позволила создать в регионе относительно стабильную систему жизнеобеспечения и военного производства. Подготовка этих решений осуществлялась, в частности, во время длительного пребывания А.А. Жданова в Москве летом 1942 г.

Вопросы деятельности городских организаций и кадровой работы обсуждались и во время полуторамесячного пребывания А.А. Кузнецова в Москве весной 1943 г. Об этом свидетельствует резкое изменение его позиции по вопросам работы с кадрами, проявившееся с конца весны того же года. Многие важные решения, которые, как считалось ранее, были приняты исключительно ленинградскими властями, ставились на рассмотрение только после получения предварительного одобрения Москвы. Это относится, в частности, к широко известному изменению топонимов Ленинграда в начале января 1944 г.

В целом, региональная самостоятельная политика ленинградских властей блокадного периода реализовывалась в тесном взаимодействии с высшими руководителями СССР, а иногда и по их прямым указаниям. «Независимость» ленинградских руководителей проявлялась, главным образом, в отношениях с московскими руководителями среднего звена, например, на уровне наркоматов и аналогичных структур.

Болдовский К.А.

«Личные каналы»: характерные черты дипломатической практики Л.И. Брежнева

Изучение «брежневского периода» истории СССР в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. Это относится и к изучению практик принятия решений в

области международных отношений внутри «социалистического лагеря» и с ведущими государствами Запада.

Во время известного октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС, в ходе которого Н.С. Хрущев был отстранен от власти, одной из важнейших ошибок первого секретаря была названа стратегия в международной политике. В частности, Хрущева критиковали за то, что он, как считали его коллеги по партийному руководству, доверил проведение важнейших переговоров приближенным к нему людям и даже членам своей семьи (речь шла, в частности, об А.И. Аджубее). В противовес этому новые лидеры предлагали «коллективный подход» к решению внешнеполитических задач. В первый период после снятия Хрущева такой подход во многом соблюдался. По прошествии нескольких лет, к началу 1970-х годов, большая часть вопросов внешней политики стала прерогативой узкой группы членов Политбюро ЦК КПСС и, в первую очередь, Л.И. Брежнева.

В настоящее время значительная часть источников, относящихся к международной деятельности генерального секретаря, все еще остается недоступной для исследователей. Однако, даже та небольшая часть документальных источников, которая открыта, дает возможность анализировать эту деятельность. Например, в фондах отделов ЦК отложилась переписка с советскими представительствами за рубежом, которая может стать основой научного исследования.

Для большинства руководителей стран социалистического лагеря вопрос поддержания нужных отношений с СССР сводился, в первую очередь, к необходимости налаживания личных, доверительных связей с Брежневым, который, в свою очередь, также рассматривал межгосударственные отношения через призму дружеских контактов. Это относилось к руководителям ГДР, прежде всего к Э. Хонеккеру, которого, как и руководителя ЧССР Г. Гусака, Брежнев считал, в определенной степени, своим протеже. Аналогичные, хотя и несколько более сложные отношения, сформировались с польским лидером Э. Гереком, сменившим В. Гомулку при поддержке Брежнева в 1970 г. Практически на протяжении всего десятилетия с 1970 г. по начало 1980-х гг. Брежнев имел основания считать, что система отношений с лидерами «братских стран», построенная на личных контактах, в которых он играл роль «старшего брата», дала возможность обеспечивать стабильное, бесконфликтное существование. Время, однако, показало, что ситуация была далека от идеальной. Положение, при котором руководство дружественных стран держалось у власти во многом за счет поддержки лидера СССР, привело к тому, что многие политико-социальные конфликты в этих странах развивались скрыто, что, безусловно, сыграло свою роль в событиях второй половины 1980-х гг.

Можно констатировать, что в отношениях с руководителями социалистических стран подобные практики, построенные на личных связях, способствовали сохранению властных конструкций в этих странах.

Несколько иными были результаты при подобном подходе к контактам с лидерами ведущих государств Запада. Несомненным успехом «личной дипломатии» Брежнева стало налаживание доверительных отношений с канцлером ФРГ В. Брандтом, в том числе и с использованием тайного канала связи, организованного при помощи руководителя КГБ Ю.В. Андропова. Эти отношения способствовали, в частности, подписанию московского договора СССР и ФРГ (1970 г.) о признании послевоенных границ в Европе и взаимному признанию ФРГ и ГДР в 1972 г. Есть основания полагать, что канал обмена доверительной информацией существовал и между СССР и США, по крайней мере, в период президентства Р. Никсона (1969-1974), что также способствовало визиту Никсона в СССР и заключению договора ОСВ-1 в 1972 г.

В то же время, использование подобных «личных контактов» Брежнева свидетельствовало о его непонимании механизмов функционирования политических систем в странах Запада. Расчет на формирование отношений с конкретными лидерами в противовес более функциональной «институциональной дипломатии» иногда позволял достигнуть тактических успехов, но, в долгосрочной перспективе, приводил к тому, что в тех случаях, когда его партнеры уходили с политической сцены, Брежнев оказывался в тупике и не понимал причин, по которым это происходило. Это подтверждает его реакция на отставку Никсона в

результате «уотергейтского дела» в 1974 г. и отставку В. Брандта в том же году после разоблачения восточногерманского разведчика Г. Гийома.

В целом можно утверждать, что «персональная дипломатия» Брежнева способствовала, с его точки зрения, стабильности в международных отношениях, но не давала полной возможности прогнозировать конфликты и предпринимать меры, направленные на их превентивное разрешение.

Булгакова Л.А.

Численность гимназистов и расположение гимназий на территории Российской империи на рубеже двух царствований – Александра I и Николая I

Гимназии являлись средним звеном в системе учебных заведений Министерства народного просвещения и входили в учебные округа во главе с университетами. Учебные округа были учреждены в 1803 г., и их конфигурация неоднократно менялась. В 1824 г. состоялось новое разделение губерний и областей на шесть учебных округов по числу университетов. В С.-Петербургский округ вошли 9 губерний: С.-Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская вместе с временно причисленной к ним Псковской губернией, которую предполагалось присоединить к Дерптскому округу; в Московский – 11 губерний: Московская, Новгородская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская и Тамбовская; в Дерптский – 3 губернии: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская; в Харьковский – 16 губерний и областей: Слободско-Украинская, Черниговская, Полтавская, Киевская, Курская и Астраханская губернии, Кавказская область (с 1822 г.), Грузия, Имеретия, Мингрелия, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии, Бессарабская область, земли войск Донского и Черноморского; в Казанский - 12 губерний: Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская; в Виленский - 5 губерний: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская, Подольская и Белостокская область.

Вскоре в этом разделении учебных округов обнаружились некоторые неудобства, и признано полезным внести в него изменения, «соображаясь с географическим положением губерний и с различиями в вере и языке жителей», что и было сделано в декабре 1826 г. Новгородская губерния из Московского округа вновь перешла в С.-Петербургский, а Смоленская и Калужская губернии из С.-Петербургского округа в Московский; Псковская губерния утвердилась в составе С.-Петербургского округа; Воронежская губерния, смежная со Слободско-Украинской, была переведена из Московского в Харьковский округ, как это было до 31 октября 1824 г. Поскольку эти изменения были внесены в конце 1826 г., присланные из округов сведения о численности гимназистов соответствовали разделению округов, принятому в 1824 г.

На рубеже двух царствований в Российской империи насчитывалось 59 гимназий с 6533 учащимися, включая Волынский лицей с 631 лицеистом. В Харьковском округе было 14 гимназий, в Виленском – 12 (вместе с лицеем), в Московском – 11, в С.-Петербургском и Казанском – по 9 в каждом и в Дерптском – 4.

Численность гимназистов в шести существовавших в то время учебных округах была крайне неравномерной. Более половины учеников (55%) обучались в гимназиях и лицее Виленского (2224, 34%) и Харьковского (1387, 21%) учебных округов. В Виленском округе, который включал в себя территории, отошедшие при разделах Речи Посполитой к России и не находившиеся в составе Царства Польского, действовало множество разнообразных учебных заведений, как светских училищ, содержавшихся духовными обществами, преимущественно католическими и униатскими, так и начальных школ Министерства просвещения. Укоренившийся у поляков обычай обучать детей в учебных заведениях способствовал развитию гимназического образования в этом округе.

Харьковский учебный округ был очень обширным и включал в себя наибольшее число административно-территориальных единиц. Однако, значительное число гимназистов, по-

видимому, было связано не с обширностью округа, а с традициями образования, сложившимся благодаря деятельности выдающихся учебных заведений предшествовавшей эпохи – Харьковского колледжума и Киево-Могилынской академии. Кроме того, в число гимназий этого округа входила гимназия высших наук князя Безбородко, вскоре получившая права высшего учебного заведения. В Московском округе обучался 851 гимназист, в Дерптском – 771, в С.-Петербургском – 653 гимназиста и в огромном Казанском округе, охватывавшем Урал и Сибирь, – 647 гимназистов. Численность гимназистов далеко не соответствовала размерам округов. В самом большом Казанском округе было меньше гимназистов, чем в самом маленьком и крошечном по сравнению с этим гигантом Дерптском округе, в котором наряду с Виленским округом отмечалась современниками склонность местных жителей к образованию. На всю Сибирь имелись только две небольшие гимназии в Тобольске и в Иркутске. Жалкое существование влачила единственная на весь Кавказ (юго-запад Северного Кавказа) гимназия в Екатеринодаре (в 1828 г. закрыта).

Плотность населения играла свою роль, но гораздо важнее были другие факторы: наличие культурных и административных центров, традиции просвещения, потребность местного населения в образовании и его активность в создании учебных заведений. Народы Российской империи находились на разных стадиях общественного развития, многие не имели даже своей письменности, и открытие гимназий не было для них актуальным вопросом. Тем не менее, по числу гимназий страна за короткий срок вышла на уровень, намеченный в 1803 г. Предварительными правилами народного просвещения (надо 42, стало 43).

Васильев Я.А.

Городские общественные ломбарды Новгородской губернии и их деятельность по поддержке малоимущего населения (конец XIX – начало XX вв.)

В эпоху либерализации Александра II для борьбы с ростовщиками усилиями городских властей и благотворителей были созданы муниципальные ломбарды. Они выдавали небольшие ссуды (в основном, в 1–10 рублей) под залог одежды и предметов обихода. Из-за слабости муниципальных финансов они не получили повсеместного распространения, например, в Новгородской губернии они были учреждены в трех уездных городах из одиннадцати: в Новгороде, Тихвине и Старой Руссе. Тем не менее, за время своей работы ломбарды оказали неоценимую финансовую помощь малоимущим горожанам.

Первым в Новгородской губ. и одним из первых в России являлся Тихвинский городской ломбард, открывший свои операции в 1889 г. (один из первых в России) с капиталом в 3 тыс. руб. В 1891 г. был учрежден Старорусский, а 1894 г. – Новгородский ломбарды с капиталами по 5 тыс. руб. В 1912 г. открылся ломбард в г. Белозерске (капитал – 10 тыс. руб.).

Эти ломбарды сильно отличались друг от друга не только по обеспеченности капиталами, размерам оборотов, числу клиентов, но и по постановке дела. Явным лидером по всем операциям, безусловно, считался Новгородский ломбард. Уже в первый год работы он произвел оборот на общую сумму около 60 тыс. руб., получив чистой прибыли до 900 рублей. В дальнейшем операции продолжали развиваться, хотя и достаточно неровно и в 1913 г. составили почти 100 тыс. руб. по обороту.

Успешно работал и Старорусский ломбард, который начал с оборота в 30 тыс. руб. в 1893 г., а в 1913 г. произвел их более чем на 60 тыс. руб., получив чистой прибыли свыше 1 тыс. руб.

В Тихвинском ломбарде дела находились в совершенно противоположном состоянии. Оборотов в 25 тыс. руб. он достиг только в 1894 г., через 5 лет после открытия, после чего идет их постоянное снижение до 8 тыс. руб. в 1913 г. Вообще, практически на всем протяжении своей работы он считался убыточным заведением (за исключением нескольких отдельных лет), например, операционные убытки 1913 г. составили 669 руб., а суммарный убыток прежних лет достиг 2 тыс. руб.

Новгородский и Старорусский ломбарды от прибыли с торгов 2 % перечисляли на городские потребности. К 1914 г. эти суммы составили 967 руб. и 690 руб. соответственно.

Старорусский ломбард ежегодно производил выдачу беднейшим горожанам некоторых невыкупленных залогов и небольших денежных сумм – к 1914 г. это составило 1 тыс. 383 руб.

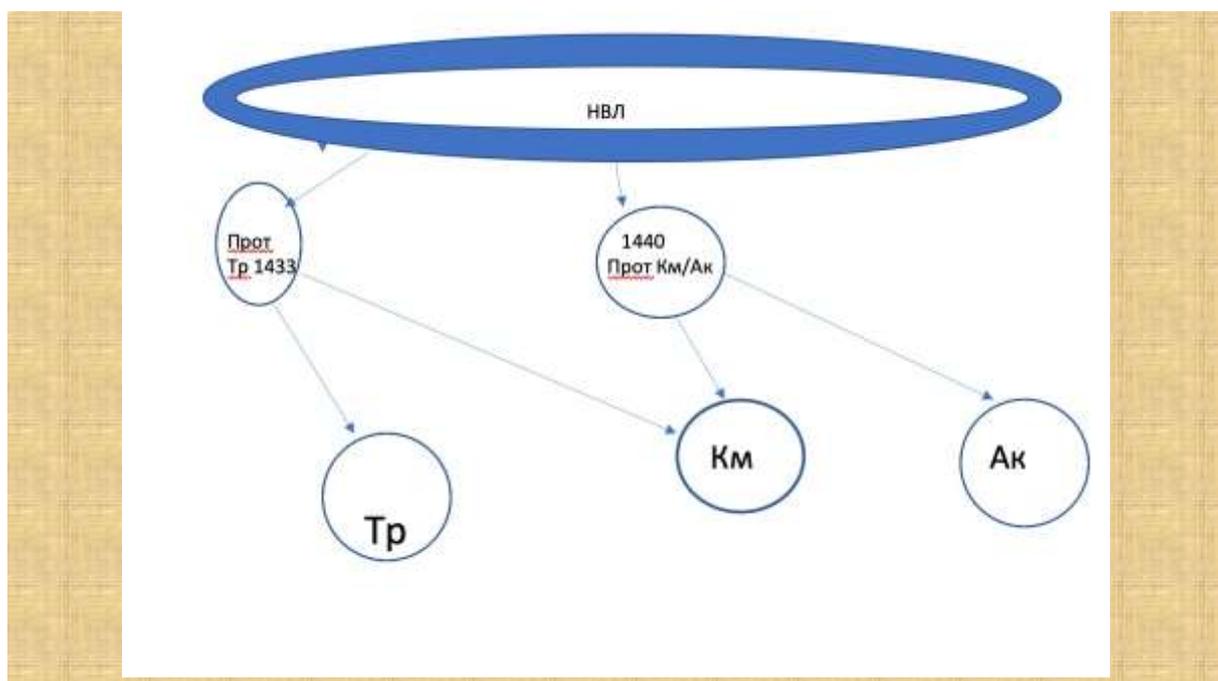
Тихвинский ломбард не имел возможности производить такие отчисления. Для этого, однако, имелись и объективные предпосылки. Так, например, ссуды размером до 10 руб. не приносили ломбардам никакой прибыли, так как расходы от их хранения, перекрывали поступления по процентам. Но в провинциальных ломбардах абсолютное большинство составляли именно выдачи в 1–5 руб. Таким образом, Новгородский ломбард более чем на треть работал в убыток, в Старорусском и Тихвинском этот показатель был еще выше.

Тем не менее, несмотря на все недостатки в своей деятельности, городские ломбарды России и, в частности, Новгородской губернии, продолжали активно работать до 1917 г., оказывая посильную материальную поддержку малоимущим горожанам.

Введенский А. М.

Новгородская первая летопись младшего извода: соотношение трех основных списков (Комиссионного, Академического и Троицкого)

Доклад посвящен одному из ключевых вопросов русского летописания XV века. Вопрос, как соотносится Троицкий список Новгородской первой летописи младшего извода с другими списками — Комиссионным и Академическим в историографии обсуждался не раз. Сравнивая текст Троицкого списка с Комиссионным и Академическим, можно увидеть, что в Комиссионном списке находятся разные блоки текстов, одни из которых близки к Академическому списку, а другие к Троицкому. В части текста Комиссионного списка с середины IX по середину X века наблюдается близость к тексту Троицкого. А в следующем летописном фрагменте — до статьи 980 года, текст Комиссионного близок к Академическому. Вполне вероятно, что на отрезке с 980 по 1015 год (на середине этой годовой статьи заканчивается текст Троицкого списка) составитель Комиссионного списка обращался попеременно то к одному, то ко второму из своих источников. Безусловно, непосредственно составитель Комиссионного списка к Троицкому и Академическому списку обращаться не мог. Следует говорить о том, что он обращался к двум летописным памятникам — один из которых был общим протографом Комиссионного и Академического списков, а второй — общим протографом Комиссионного и Троицкого списков. Комиссионный и Академические списки были написаны в середине — второй половине 1440–х годов, их же общий протограф — около 1440 года, а общий протограф Комиссионного и Троицкого около 1433 года. См. стемма:

Вовин А.А.

Миланские документы XIII века из коллекции Н. П. Лихачева как исторический источник

Рубеж XII – XIII столетий для издания документов по истории средневекового Милана представляет собой важную веху: до 1200 года уже весьма многочисленные сохранившиеся миланские акты все же в основном изданы и включены в научный оборот. Трудями многих специалистов большинство таких документов вслед за публикациями на бумаге издано уже и электронно: более 10000 ломбардских документов включено в электронную базу lombardiabeniculturali.it. Судьба документов после 1200 г. отличается. Общее их количество настолько велико, что никакое всеобъемлющее критическое издание становится уже невозможно. Есть отдельные публикации миланских актов, объединенных общностью происхождения (например, из архива монастыря Св. Маргариты, который активно скупал земли в первой половине XIII столетия). На первый взгляд, в количественном отношении миланские акты из коллекции Н. П. Лихачева на этом фоне выглядят песчинкой в море (три документа за XII век, двадцать девять за XIII). Однако это не совсем так. Миланские акты из Архива СПбИИ РАН при всей своей малочисленности отражают основные особенности развития как частного акта в Милане, так общества, эти документы породившего. Главной историографической проблемой в миланской истории этого периода стоит признать вопрос о том, как получилось так, что сильнейшая, могущественная коммуна Милана, стоявшая во главе победоносной Ломбардской лиги, уже к середине XIII столетия прекратила свое существование, превратившись в синьорию сначала Делла Торре, а потом Сфорци. Обращение к частному акту для изучения социально-политической истории не самый привычный прием, однако, представляется, что он может помочь в получении нового взгляда на эту проблему.

Вовина-Лебедева В. Г.

*К вопросу о борьбе северных крестьян за землю:
по материалам актов Антониево-Сийского монастыря*

В Архиве СПбИИ РАН в фонде Антониево-Сийского монастыря хранится судный список (в копии), касающийся спора крестьян Моржегорской волости с Антониево-Сийским монастырем за земли на берегу Северной Двины и на острове в районе Моржа. Этот документ может быть использован при исследовании вопроса о борьбе крестьян с монастырями за землю. Монастырь обратился с жалобой на крестьян Моржегорской волости, обвиняя их в незаконном пользовании монастырской землей и препятствовании в обработке ее монастырскими крестьянами, и выставил денежный иск. В ходе судебного разбирательства крестьяне волости разделились на две группы: одна часть отказалась от претензий на землю, и лишь не соглашалась платить деньги монастырю. Вторая же часть (крестьяне одной из волостных деревень) настаивали, что земля, на которую претендовал монастырь, исконно их, крестьянская.

Интерес представляет то, как именно крестьяне отстаивали свои интересы: они имели купчие на землю, ссылались на материалы государственных описаний, а также готовы были выставить большое число свидетелей из окрестных волостей. Возможно, благодаря этим обстоятельствам, монастырь отказался от денежного иска. Что касается земли, почти через год крестьяне оформили документально свои отношения по этому делу: первая группа отказалась от претензий письменно (сохранилась отпись), вторая группа оформила отводную грамоту, по которой земли были размежеваны. К сожалению, не представляется возможным сравнить те описания межей, которые изначально обозначил монастырь, и те, что перечислены в итоговой части судного списка и буквально повторены в отводной грамоте. Вследствие этого точно нельзя сказать, получили ли крестьяне спорную землю, и какую ее часть, но это можно предположить.

В историографии существует спор о том, насколько объективен был суд при рассмотрении дел по подобным искам, и можно ли сохранившиеся судные дела использовать для суждений по этому вопросу. Рассмотренный материал дает дополнительный материал, показывающий, что при наличии документальных подтверждений северные крестьяне могли успешно отстаивать свои права и добиваться мирного решения споров.

Гаврилов А.К.

Рус. «христопродавцы» и греч. χριστέμποροι / χριστοκάπηλοι (из истории греко-русских лексических связей).

1. Рассматривается слово «христопродавцы» - эпизод из истории греко-русских лексических связей. Слово это не очень употребительное, но достопамятное. В XIX в. оно относится к вероотступникам или иноверцам, уподобляемым «Иуде» с его тридцатью сребрениками (Мф. 27: 3-5): так, например, у Гоголя и Лескова; у Чехова ту же лексему применяют к (русскому) подрядчику: «голодные маляры едва не били его, обзывали жуликом, кровопийцей, Иудой-христопродавцем» («Моя жизнь»). Это понимание отражают словари русского языка в XX в. (Ушаков, Академический словарь в 17 тт.).

2. У Гоголя в Записках сумасшедшего, 1834-35, читаем: «Аренды хотят эти патриоты. Мать, отца, бога продадут за деньги. Честолюбцы, христопродавцы», а в Мертвых душах Собакевич высказывается о губернских властях: «все мошенники, все христопродавцы». Заметно, что смысл нацелен скорее на продажность и выгоду, чем на предательство, и метит скорее в расхожее корыстолюбие, чем в несказанное, а главное – вполне исключительное злодейство. Тем примечательнее, что у В. Даля, в Словаре которого это слово лексикографически представлено впервые, рядом с предательством Иуды упоминается «корыстное служение алтарю», что несколько странным образом сливает воедино совсем несоразмерные проявления порочности и зла.

3. В картотеке XVIII в. и у Срезневского в «Материалах» интересующей нас лексемы нет в своем месте (она попала в аппарат в конце 3го тома словаря). Зато слово имеется в Словнике староукраїнської мови 14-15 ст. / Словарь староукраинского языка XIV-XV веков. Т.1-2. Київ. 1977 / 1978. Ассоциация с Иудой-христопродавцем в приведенных весьма старинных текстах также представлена, притом тоже в несколько размытом значении.

4. Для анализа семантического развития слова христопродавец следует привлечь давно представленную в словарях древнегреческого языка лексему χριστ(ο)ἔμπορος наряду с близким по смыслу θεοκάπηλος (у славян переданного как богокорчемник, т. е. «богомощенник, -торгаш»). Христианская лексика, как известно, выделена английскими грецистами особо в христианском дополнении к LSJ Джеффри Лэмп: A Patristic Greek lexicon (G.W. H. Lampe), s. v. Здесь отчетливо представлены лексемы Χριστέμπορος и Χριστοκάπηλος. Используя разные словари (Тезаурус, Дюканж, Бауер и Лэмп, а также этимологические и обратные словари), становится ясно, что кроме этой пары к рассмотрению можно привлекать и простое κάπηλος в прегнантном употреблении, и эпитет 'καπλεutos, образующие тот же круг представлений). Греческие свидетельства представлены с конца I - II в. н.э. и до Пселла в XI в.

5. Рассмотрение этого лексического материала обнаруживает, что обе названные экспрессивные лексемы первично означали приторговывание своим духовным саном – то зло, которое в церковной среде со временем стали называть симонией по имени Симона Волхва, с которым боролся апостол Петр (ср. в ВЗ Гиези, алчный слуга пророка Елисея). Со временем - уже в раннехристианском обиходе - ассоциация этого недостойного поведения стала ассоциироваться с более ярким и даже единственным в своем роде поступком Иуды, так что оба круга ассоциаций скрестились и отчасти смешались. Затем названные греч. слова послужили в переводных памятниках образцом для церковнослав. «христопродавец» (калька «богокорчемник» в русском обиходе не прижилась). При этом атмосфера радикального осуждения стала важнее, чем отчетливое правовое содержание.

Гаргянц Г.

Положение композиторов и музыкантов в первый период блокады

Значительную роль в поддержании духа жителей Ленинграда и бойцов Ленинградского фронта сыграли деятели культуры и искусства, в частности, композиторы и музыкальные исполнители. Среди всех композиторов блокадного Ленинграда сегодня символически возвышается Д.Д. Шостакович – автор знаменитой Седьмой симфонии. В тени остается жизнь и

деятельность ленинградских композиторов, не эвакуировавшихся из города. По подсчетам Президиума ленинградского отделения Союза композиторов (далее – ЛССК), в его составе на момент начала блокады осталось около 60 % общего состава композиторов, т.е. примерно 80 человек. Положение оставшихся в городе музыкантов было тяжелым. Четверть из оставшихся умерло от голода в ноябре-декабре 1941 г. У ЛССК не было своего Дома Композиторов и собственной закрытой столовой, не было своего стационара.

Сохранились документы, свидетельствующие о роли ЛССК в улучшении условий жизни музыкантов и организации их работы. Композиторов постоянно привлекали к выполнению поручений Политуправления фронта. В июле 1941 г. была образована «оборонная группа» композиторов под руководством Г.К. Фарди. Композиторы, входившие в группу, стали ставшими впоследствии знаменитыми песни: «Клятва Наркому» (Д.Д. Шостакович), «Мчится эскадрон за эскадром» (В. В. Фризе), «Артиллерийская» (В. К. Томилин). Часть композиторов была задействована Куйбышевским райкомом ВКП(б) для агитационной работы на заводах, фабриках и артелях во время мобилизации в ряды народного ополчения. Композиторы Н. А. Тимофеев, Н. А. Малаховский, Б. Ушаков и Л. Портов были мобилизованы на строительство оборонительных укреплений в районе села Шушары. Зимой были переведены в МПВО. Из мобилизованных композиторов была образована творческая группа Политуправления Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) (Н. П. Будашкин, А. Н. Соколов-Камин, В. Л. Витлин).

В круг обязанностей Президиума ЛССК входил контроль над производством агитационных музыкальных произведений (еженедельные прослушивания и проведение конкурсов), а также организация материальной помощи семьям композиторов, ушедших на фронт. Президиум ЛССК добивался усиленного питания (карточек 1-ой категории) для обессилевших композиторов, в результате чего в ноябре-декабре 1941 г. их получило 13 человек. ЛССК добивался предоставления жилья для тех, кто потерял квартиры в результате бомбежек (Т.С. Бершадская, А.С. Животов). Члены Президиума ЛССК в декабре были прикреплены к стационару, располагавшемуся в гостинице «Астория». Усилиями ЛССК победители конкурсов военной песни получали премирование от Управления по делам искусств и отправлялись на военно-шефские концерты вместе с бригадами артистов театров.

Герд Л.А.

Т. И. Филиппов как церковный политик на христианском Востоке

Тертий Иванович Филиппов (1826-1899) занимал различные государственные должности в Российской империи, был государственным контролером (1889-1899). Известен он также как знаток народных песен и богослов. Не меньшую знаменитость принесла ему церковно-политическая деятельность на православном Востоке. Хорошо сохранившийся архив Филиппова (ГАРФ, ф. 1099) содержит богатые оригинальные и копийные материалы, отражающие его участие во всех значительных событиях христианского мира Османской империи. Филиппов на протяжении десятилетий занимал открыто прогрессивную позицию в греко-болгарском церковном споре; его печатные работы на эту тему дополняются перепиской с патриархом Никодимом и копийными материалами патриарха.

Менее известно участие Филиппова в деле о присоединении несториан к Русской православной церкви, с которым он впервые познакомился еще в 1850-е годы, во время своей службы в Св. Синоде. В архиве сохранилось несколько записок по делу о несторианах и яковитах (исторического и богословского характера), которые были отчасти использованы Филипповым при написании им краткого очерка (опубликованного в «Русском вестнике» за 1862 г.).

Наиболее обширными являются материалы по вопросу о конфискации имений восточных церквей и монастырей в России в 1873 г. Этот шаг был предпринят правительством Александра II в ответ на провозглашение в Константинополе невыгодной для России болгарской схизмы. В течение ряда лет Филиппов выработывал компромиссные решения вопроса, приводя доводы в пользу экономической невыгодности конфискации как для русского

правительства, так и для восточных владельцев. Отдельно он настаивал на возвращении монастырям их имений в Закавказье.

Усилия Филиппова не привели к желаемому им результату. В восточной церковной политике Русское правительство занимало сначала славянофильскую, а позднее имперскую национальную позицию и не было склонно к поддержке греческого духовенства. Идея единого православного дома понималась Филипповым и российскими правящими кругами совершенно по-разному. Филиппов мечтал о возрождении византийской модели с первенством Константинополя, а русское правительство стремилось к политическому объединению восточно-христианского мира во главе с Россией.

Дилигул Е. С.

*Летняя школа по славянской палеографии 2022:
опыт международного сотрудничества*

В последние несколько лет (с 2020 г.) одной из наиболее важных научно-исследовательских тем в Санкт-Петербургском институте истории РАН стало изучение истории европейской письменности в рамках одноименного проекта «История письма Европейской цивилизации». Следуя принципам Н. П. Лихачева о доступности исторического знания для общества и в особенности о доступности источников для исследователей, участники проекта подготовили электронный портал, выполняющий функции прикладного палеографического пособия. В процессе работы над проектом значительное внимание было уделено развитию кириллической письменности, специфике становления и эволюции различных типов почерков, а также вопросам терминологии.

В том же 2020 г. на базе Кирилло-Мефодиевского научного центра и Института математики и информатики Болгарской академии наук началась работа над проектом «Южнославянские писцы и скриптории XIV в. (палеографическая атрибуция и онлайн-репертуар)» (болг. «Южнославянски кописти и скриптории от XIV в. (палеографска атрибуция и онлайн-реперториум)), участниками которого стали 12 исследователей из Болгарии, Италии и Сербии. Координатором проекта выступил профессор Марко Скарпа. Основными целями проекта стали: 1) создание единой базы данных для южнославянских писцов XIV в. 2) составление карты южнославянских скрипториев XIV в. 3) представление полученных результатов (публикация исследований, создание уникального хранилища южнославянских писцов XIV в. за счет использования новых методологических подходов, создание цифровой карты скрипториев).

В 2022 г. коллектив проекта «Южнославянские писцы и скриптории XIV в.» организовал летнюю школу по славянской палеографии, которая прошла в болгарской столице Софии с 25 по 31 июля 2022 г. Помимо Кирилло-Мефодиевского центра и Института математики и информатики Болгарской академии наук организаторами выступили Центр славяно-византийских исследований им. профессора Ивана Дуйчева и Национальная библиотека им. святых Кирилла и Мефодия. Обучение в Софии было организовано не только для того, чтобы ознакомить участников школы с особенностями славянской палеографии, но и для апробации результатов проекта.

В работе школы приняли участие 20 человек из разных стран, чьи заявки получили одобрение исследовательского коллектива проекта: 13 участников из Италии, четыре участника из Болгарии, три аспиранта из Сербии, один участник из Бельгии, один участник из Таиланда и один человек из России. Большинство из них – молодые исследователи, выпускники отделений славянской филологии различных университетов. Многие участники впервые работали с оригиналами рукописных кодексов, а применение методов палеографии как вспомогательной исторической дисциплины не входило в задачи их исследовательских работ. Принимая во внимание это обстоятельство, организаторы школы составили план обучения, который предусматривал знакомство с палеографией с самых азов. Однако благодаря «полевым условиям» обучения и тому, что практически все участники знали славянские языки, отсутствие первоначальных знаний было быстро компенсировано.

Обучение состояло из теоретической и практической частей. Теоретический блок включал в себя лекции, посвященные развитию славянской палеографии как вспомогательной исторической дисциплины, южнославянскому рукописному наследию, типам кириллического письма и южнославянским скрипториям. Несмотря на то, что именно российские исследователи XIX – XX вв. внесли наибольший вклад в развитие кириллической палеографии, особое внимание было уделено деятельности балканских ученых (Божидар Райков, Петар Борчич, Беньо Цонев Елена Коцева и др.). Помимо этого, сотрудники Института математики и информатики БАН рассказали о своем опыте применения компьютерных методов для атрибуции кириллических почерков (устава и полуустава).

Практическая часть состояла из уроков каллиграфии, занятий по атрибуции и описанию почерков в группах, а также работы с базой данных, созданной в рамках проекта «Южнославянские писцы и скриптории XIV в. (палеографическая атрибуция и онлайн-репертуар».

Для ученого историка или филолога (преимущественного молодого), имеющего опыт работы с кириллическими почерками разного времени, участие в школе такого типа полезно и небезынтересно не только в силу расширения своего кругозора и установления новых профессиональных контактов. Такая школа позволяет посмотреть на развитие славянской палеографии с другого ракурса, с Запада на Восток, ознакомиться со взглядами на историю и современное состояние палеографии балканских исследователей, которое не всегда совпадает с мнениями отечественных ученых.

Дмитриева З. В.

Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Матфей (1606–1614): стратегия поведения монашества в эпоху кризисов

Первое десятилетие XVII столетия в Российском государстве отмечено кризисом, который повсеместно наблюдался в жизни русского общества. После «великого» голода 1601–1603 гг. в государстве началась Смута; движение польско-литовских отрядов в отдельных регионах страны продолжалось до 1617–1618 гг. В кризисные годы центрами социальной и экономической стабильности были монастыри, прежде всего расположенные на территории Русского Севера. Кирилл-Белозерский монастырь в голодные годы смог обеспечить хлебом и продуктами потребления всех насельников (численность братии, слуг, работников, нищих в это время превышала 600 человек). Смута и разорение в Белозерском уезде начинается с 1609 г., в 1610 г. был ограблен Череповецкий Воскресенский монастырь, летом и осенью 1612 г. — Белозерск, Вологда, в начале декабря — Воскресенский Горицкий, Ферапонтов и другие монастыри. Удалось устоять только кирилловской братии («литва» и «воровские казаки» несколько раз подходили к крепости, жгли и грабли монастырские житницы и дворы, села и деревни в Белозерском и Вологодском уездах). Защиту монастыря и организацию своевременной доставки продуктов для лиц, находившихся в обители, возглавил Матфей (назначен в Кириллов 2 июля 1606 г.). В Смуту кирилловский собор во главе с Матфеем смог не только сохранить братию, но и выплачивать все государственные «поборы», а также обеспечить «государеву службу». В те же годы по инициативе игумена был проведен беспрецедентный в истории Кириллова сбор денег и драгоценностей для обновления окладов к чудотворным иконам Пречистой Богородицы и преп. Кирилла, по преданию написанной Дионисием Глушицким, изготовлен киот для иконы преп. Кирилла. В монастыре писали иконы, покупали иконные доски, охру, белила, киноварь. По распоряжению игумена и соборных старцев в монастырский синодик без вклада включили имена крестьян, которые «побиты от литовских людей з женами и детми» (более 200 имен). В феврале 1613 г. игумен Матфей участвовал в Земском соборе, избравшем на царство Михаила Федоровича Романова. Последний раз Матфей возглавлял монастырский собор и выдавал деньги на соляные промыслы 8 июля 1614 г., в феврале 1615 г. был хиротонисан в митрополита Казанского. В годы Смуты девятилетнее пребывание Матфея в Кириллове было направлено на установление стабильной жизни и сохранение материальных и духовных ценностей в монастыре.

Друзин М. В.

Князь С. С. Абамелек-Лазарев и Съезд уральских горнопромышленников в конце XIX – начале XX в.

Представительные организации предпринимателей России последней трети XIX – начала XX века не раз уже становились объектом изучения отечественными исследователями: петербургский историк С. Б. Ульянова изучала Петербургское общество заводчиков и фабрикантов (СПб., 1997), екатеринбургский историк Е. Ю. Рукосуев — съезды горно- и золотопромышленников Урала (Екб., 2013, 2015), московский историк А. А. Бессолицын — в целом съезды предпринимателей в России (М., 2020). Однако в названных работах пока не исследовались по крайней мере две значимые проблемы. Во-первых, это соотношение личных интересов предпринимателей, входивших в состав съездовской организации, и ее корпоративного интереса. А во-вторых – реальное влияние съездов представителей торговли и промышленности на корректирование экономической политики правительства. Хочется обозначить две эти проблемы как возможные предметы для исследования в рамках докторской диссертации.

В настоящих тезисах коснусь пока только первой проблемы, которую начал изучать в истекшем году. Е. Ю. Рукосуев в своей работе приводил такую цитату Н. П. Штейнфельда из «Адрес-календаря и памятной книжки Пермской губернии на 1898 г.» о значении съездов: «политика одиночества и эгоизма в горном деле должна уступить место единению на почве общих интересов и взаимных уступок». На деле единение и взаимные уступки достигались с большим трудом. Князь С. С. Абамелек-Лазарев был одним из крупнейших заводладельцев и горнопромышленников Урала, к тому же — богатейшим человеком в России. Князь вступил в число участников Съезда уральских горнопромышленников, собиравшегося в Екатеринбурге (в 1880-1904, 1914-1916 гг.), и согласился в 1897 г. оплачивать деятельность Совета съезда, который функционировал в Петербурге. Однако когда съезд не поддержал его ходатайство перед правительством о гарантии доходности железной дороги, которая должна была соединить Богословский горный округ и княжеский Кизеловский, а позже, уже в первые годы XX в., съезд нашел основания для увеличения железнодорожных тарифов на вывоз каменного угля из Кизеловского округа, как монополиста по его добыче в регионе, С. С. Абамелек-Лазарев призвал своего главноуправляющего перестать платить взносы и в целом думать о выходе из состава съезда. Князь считал, что деятельность съезда оказалась бесполезной для уральской промышленности, и эта организация в скором времени прекратит свое существование. В части железнодорожного строительства лоббистские успехи съезда оказались невелики. В начале XX в. была построена убыточная Богословская железная дорога, под правительственные гарантии, но без ходатайства съезда горнопромышленников: личное «ходатайство» А. А. Половцова оказалось более действенным. Полностью на частные средства была построена линия Лысьва – Бердяуш, о поддержке которой государством безуспешно ходатайствовал съезд.

В свете сказанного, представляется важным проанализировать, каким образом формировалось конвенциональное решение съезда о ходатайстве по тому или иному вопросу, было ли оно действительно результатом соглашения «на почве общих интересов и взаимных уступок»? Или съезд поддерживал тех заводчиков, что имели связи в правительственных коридорах, а выдавливали и старались ухудшить положение тех, кто являлся сильным конкурентом на ниве предпринимательства? На эти вопросы еще предстоит ответить.

Ефимов А.А.

История рассмотрения петиций о затоплении территорий Егерской слободы Петергофа: взаимодействие жителей с властями и предпринимателями

Проблема взаимоотношений государства, частного бизнеса и рядовых граждан в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. может считаться одной из важнейших для исторической науки. В представляемом докладе на основе архивных документов Российского государственного исторического архива рассматривается частный

случай рассмотрения прошений жителей Егерской слободы города Петергофа о переустройстве системы отвода паводковых и дождевых вод.

Первое обращение от Комитета Дома призрения престарелых и увечных в память императора Николая I, инициированное директором Комитета и заведующим хозяйственной частью Дома призрения К.И. Мысловским, последовало 12 августа 1883 г. и адресовалось управляющему городом Петергофом. В поданной бумаге указывалось на регулярные затопления огородов богадельни. По мнению заявителя, причиной была недостаточная пропускная способность труб, проложенных Обществом Балтийской железной дороги в овраге, проходившем от прилегавшего к Дому призрения Черного пруда под насыпью ветки на Ораниенбаум. Ответом на это обращение стало поручение городскому архитектору Петергофа проверить представленную информацию и подготовить свое заключение.

За этим письмом последовал целый ряд петиций в разные учреждения. В начале сентября 1883 г. К.И. Мысловский написал в правление Общества Балтийской железной дороги, в середине того же месяца уже от имени «домовладельцев Егерской слободы» было отправлено прошение в Министерство императорского двора, а 24 сентября 1883 г. повторно обратились в Правление Общества Балтийской железной дороги.

Наиболее действенным стало обращение в Придворное ведомство, которое инициировало целое разбирательство по поднятому жителями Петергофа вопросу. Для рассмотрения петиции в октябре 1883 г. были привлечены чиновники профильного ведомства, Министерства путей сообщения, которые первоначально смогли добиться положительного для горожан решения. Однако летом следующего, 1884 г. железнодорожная компания вернулась к исходной точке, отказавшись от идеи заменить трубы арочным мостовым сооружением.

Не удовлетворенные этим ответом жители Егерской слободы осенью 1884 г. обратились уже к министру путей сообщения. Авторы петиции указывали, что позиция Правления Общества, считавшего, что для отвода воды из Черного пруда проложенные в овраге трубы должны дополняться использованием шлюза между Черным прудом и прудами Английского парка, вредит интересам как простых жителей, так и Придворного ведомства. Заявители считали, что пруды Английского парка служат резервуаром питьевой воды и должны сохраняться чистыми, свободными от стоков из Черного пруда с илом и грязью. Они просили заставить Общество заменить созданную ими насыпь с трубами сводчатой аркой или другим сооружением, открывавшим свободное течение воды.

Рассмотрение новой петиции шло в три этапа до начала лета 1885 г. На первом этапе, в ноябре 1884 г. чиновники были склонны согласиться с мнением железнодорожной компании, что затопления происходили по причине обмеления Черного пруда, а для регулирования водостока стоило задействовать шлюзовое сооружение, соединявшее Черный пруд с прудами Английского парка. На втором этапе, в марте 1885 г. власти пересмотрели свою позицию, признав вариант со спуском воды через пруды Английского парка неприемлемым. Окончательно же позиция чиновников была сформулирована в начале июня. В подготовленном заключении, направленном 12 июня в Петергофскую полицию для передачи заявителям, указывалось, что затопление происходило ввиду низинного расположения участков; увеличение отверстия в насыпи проблемы решить не могло, а устранить ее можно было очисткой пруда и ручья, подъемом уровня участков, которые затоплялись потому, что были в низине, увеличением отверстия шлюза между Черным прудом и прудом Английского парка и понижением его водослива. Таким образом, коренной причиной было провозглашено уменьшение размеров Черного пруда вследствие постоянного поступления отложений и наносов. Соответственно, итогом длительных обсуждений и переписок стало выгодное для «стороны ответчика» заключение, переложившее основную ответственность на самих заявителей и представителей МИДв.

Жуковская Т.Н.

Столичный город и университет: формы взаимодействия и репрезентация академического сообщества в первой половине XIX века

С момента возникновения Санкт-Петербургского университета складывались разнообразные административные, социальные, культурные взаимодействия университетской корпорации с городскими жителями и в то же время коммуникации университета как учреждения – с властями города и высшей администрацией. В начале XIX века университет существовал в достаточно замкнутом пространстве, как в территориальном, так и в социальном отношении, что порождало проблему набора студентов, способных воспринимать университетский курс наук.

По мере развития преподавания университет становился центром притяжения дворянской молодежи, желавшей сделать чиновную карьеру, одновременно расширялись социальные связи и общественное влияние профессоров. Такие формы публичности как открытые лекции и диспуты, участие профессоров в работе других образовательных учреждений, членство в научных обществах и Академии наук, преподавание представителям царской семьи, а также ежегодные торжественные акты и другие университетские коммеморации превращали университет и академическое сообщество во влиятельного актора на культурной и политической карте имперской столицы.

Не менее важным было участие университета в управлении училищами столичного учебного круга, их инспектирование, аккумуляция училищной отчетности, организация распределения на учительские вакансии своих выпускников, которые превращались в агентов университета в губернских центрах. В системе бюрократического управления университет приобретал роль эксперта, благодаря системе лицензирования знаний чиновников, желавших получить чин VIII класса. Столичный университет вел в данном направлении более масштабную деятельность, чем другие университеты, что отражается в количестве выданных им аттестатов и проведенных испытаний. Участие профессоров в работе экспертных ведомственных комиссий, подразделений Министерства народного просвещения, цензурование книг и журналов, издание учебных пособий, в том числе для средней школы, также способствовало росту влияния и упрочению репутации университета.

В то же время увеличение числа студентов и усложнение этноконфессиональной и социальной структуры студенчества делало его взаимодействие с представителями городских социальных групп разнонаправленным и нередко конфликтным.

Ильин П.В.

Новый источник по истории следственного процесса 1825–1826 гг.: реестр предварительных допросов, проведенных В.В. Левашовым и К.Ф. Толем

В докладе сообщается о подготовленной в 2022 г. первой публикации уникального источника, до сих пор обойденного вниманием исследователей и отсутствующего в научном обороте: реестре первичных допросов лиц, привлеченных к следствию по делу декабристов.

Документ отделился от основного корпуса материалов следственного процесса и сохранился в составе бумаг военного и государственного деятеля В.В. Левашова, снимавшего подавляющую часть предварительных допросов (некоторую часть первых допросов 14-15 декабря 1825 г. проводил К.Ф. Толь). Документ, озаглавленный «Список находящихся под арестом по случаю происшествия 14 декабря...», идентифицирован нами как реестр первоначальных допросов, проводившихся в Зимнем дворце, а затем в Большом Эрмитаже на протяжении декабря 1825 г. – марта 1826 г., нередко в присутствии Николая I. Всего в нем помещены 252 записи о проведенных допросах; в дополнительном перечне лиц, избежавших предварительного опроса, содержатся данные о 13 лицах.

В сопроводительной статье к подготовленной публикации приводятся наблюдения над внешним видом документа, устанавливаются условия и цель его создания, хронологические рамки составления реестра, характеризуются место и значение источника в организации

следственного процесса, его документообороте. По результатам наблюдений над текстом рукописи и итогам источниковедческого анализа выяснен наиболее вероятный хронологический промежуток составления реестра: 13-14 января 1826 г. – 11-13 марта 1826 г. При этом привлечены к анализу и учтены разнообразная правка, имеющаяся в рукописи, отразившиеся в документе хронологические указания и, наконец, данные, не вошедшие в реестр.

Оценивается каждый содержательный элемент в структуре реестра, показаны богатые информационные возможности, которыми наделен публикуемый источник. В частности, в реестре оказались отраженными: последовательность первых допросов, первоначальные места содержания арестованных, предварительная оценка следствием «важности» каждого из допрошенных (как участника политического движения и как подследственного), а также указания на особо интересующие следствие обстоятельства (например, информация о лицах, покушавшихся на генерала М.А. Милорадовича и полковника Н.К. Стюрлера).

Как выяснилось, особое значение имела нумерация записей, зафиксированных в реестре, не только отражавшая саму последовательность проведенных допросов, но и служившая основой для первичной (синхронной следственным действиям) группировки и систематизации показаний и других материалов о каждом из прошедших первоначальный допрос подследственных.

Кроме того, в статье характеризуется роль и значение предварительных допросов как иницирующего акта следственных действий, когда деятели следствия и обвиняемый впервые оказывались друг перед другом. Приводятся мемуарные свидетельства, принадлежащие противостоящим сторонам (Николай I, К.Ф. Толь, арестованные подследственные), отражающие характер и обстановку этих допросов.

К статье прилагается первая научная публикация полного текста реестра в сопровождении необходимых текстологических примечаний, археографических справок, а также развернутого реального комментария.

Публикация нового ценного источника, одного из принципиально важных для понимания организации следствия, его первоначальных оценок и установок, последовательности появления тех или иных показаний, позволяет пополнить фонд документальных данных, освещающих ход первого большого процесса над участниками организованного оппозиционного политического движения в Российской империи.

Исаев С.А.

Проблемы перевода политико-правовых терминов при описании процесса выработки Конституции США (1787)

1. Поскольку Конституция США 1787 г. действует более 200 лет, сложилась устоявшаяся традиция передачи на русском языке её основных понятий – таких как «выборщик / избиратель» или «импичмент».
2. Однако в процессе выработки Конституции обсуждались несколько таких проектов и многие специфические детали конституционного устройства, которые в конечном счёте были отвергнуты. Для них такая традиция отсутствует.
3. Иногда передача понятий, фигурирующих в таких проектах, не вызывает затруднений, напр. когда речь идёт о должности Губернатора США в проекте Александра Гамильтона.
4. Одним из самых частотных в обсуждениях было слово *government*. Однако участники обсуждения почти никогда не имели в виду только «правительство» США в современном нам смысле, т.е. президента, госсекретаря и министров. Имели в виду прежде всего Конгресс, затем исполнительную власть и также судей. Поэтому обычно я перевожу это слово как «власть» или «система власти».
5. Под “*branch*” обычно, как и сейчас, понималась «ветвь» власти, т.е. законодательная, исполнительная или судебная. Но нередко этим же словом обозначали разницу между верхней и нижней палатами законодательного собрания.

6. Почти все участники обсуждения рассуждали о том, как организовать власть на общеамериканском уровне. Но обозначали они этот уровень власти самыми разными словами: напр. “general government” – «общая» власть; “continental” – «континентальный», в противопоставлении властям штатов; “national” – «национальная» или «общенациональная». Понятие “federal” – «федеральная», обычное для нашего времени – тогда применялось для обозначения того политического устройства США, которое предполагалось отменить: Конфедерации 1781 – 1787 гг. Я ввожу свой собственный термин – «общеамериканский», хотя у него нет точного соответствия в документах.

7. Общий принцип перевода, которому следую я – смысловой. Применяемое самими американцами слово приводится после русского термина в скобках. В случае кажущегося серьёзного несоответствия приходится давать подробный подстрочный комментарий.

Искюль С.Н.

О происхождении «рисованных» денег в России в 1812 г.

Доклад посвящен происхождению фальшивых ассигнаций, их изготовлению и бытованию в России в 1810-1812 гг. В докладе дается представление о географии изготовления, масштабах распространения фальшивых российских купюр самого разного достоинства не только в Центральной России, но и в других губерниях Империи. В докладе предполагается привести многочисленные данные, выявленные из архивных документов центральных архивов, о социальной вовлеченности в процесс изготовления денежных знаков Российской империи, о совершенствовании самих приемов придания наибольшей достоверности ассигнациям. В докладе приводятся колоритные примеры деятельности фальшивомонетных дел мастеров различных губерний, связанных друг с другом семейными и родственными узами, что на деле предполагало не только обмен опытом, но и передачу друг другу орудий производства, а также участие в оповещении заинтересованных лиц касательно действий полиции.

Калюта А.В.

Дева Мария Гваделупская. Малинче. Льорона: Женские образы в конструировании национальной идентичности мексиканцев

1. Речь идёт о трех женских образах: Девы Марии Гваделупской; Малинче, переводчицы и наложницы завоевателя Мексики Эрнана Кортеса и Льороны; призрака рыдающей женщины, являющегося по ночам, – в построении национальной идентичности современных мексиканцев, включая мексиканскую диаспору в США.

2. В мексиканской историографии со второй половины XIX века сложилось устойчивое представление о том, что все эти образы восходят к женским персонажам доколониального ацтекского пантеона— богини плодородия и деторождения Сиуакоатль и *сиуатетео* — духам женщин, умершим при первых родах. В течение XX века в Мексике и среди мексиканской диаспоры в США благодаря художественной и научно-популярной литературе, театру и кинематографу данное представление прочно укоренилось в массовом сознании и воспринимается как веское доказательство неразрывной связи современной мексиканской нации с идеализированным прошлым, эпохой существования «ацтекской империи».

3. Тем не менее, сравнительный анализ ацтекских и испанских письменных источников второй половины XVI-XVII с работами мексиканских историков, писателей, поэтов, критиков и эссеистов второй половины XIX в. и записями устного фольклора XX-XXI веков ставит под сомнение представление о едином доколониальном происхождении этих образов.

4. Критика использованных в докладе источников также позволила выявить их европейские корни и факт сознательной и последовательной обработки сообщений колониальной письменных источников и устных фольклорных текстов мексиканскими историками, этнографами и литераторами во в конце XIX-XX вв. с целью создания национальных символов, отражающих «травму Конкисты т.е. завоевания территории Мексики испанцами в первой четверти XVI в. и последовавший за этим процессы метисации и

дискриминации со стороны испанских завоевателей по отношению к «нечистокровному» местному населению.

Кантор Ю.З.

Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича 80 лет спустя: неизвестные документы

1. В 2022 году исполнилось 80 лет событию, навсегда вошедшему в мировую историю: исполнению в Ленинграде Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Исполнение этого произведения 9 августа 1942 года в блокадном Ленинграде, в Большом зале филармонии, оркестром Ленинградского радиокомитета под управлением К. И. Элиасберга стало не только уникальным явлением в культуре, но и важнейшим социально-политическим событием периода Второй мировой войны.

2. Ему предшествовали исполнения Симфонии в Куйбышеве, Москве, Лондоне, Новосибирске, Нью-Йорке, Ташкенте. После августовской премьеры на берегах Невы она исполнялась в Свердловске, Чкалове, Омске, Мехико.

3. Историческая карта событий объединяет поколения, позволяя документам, артефактам, исследованиям воссоздать полифоническую картину – Партитуру памяти. Проект «Партитура памяти» предполагал трехчастную «композицию»: всероссийскую научную конференцию, мемориальную выставку и – как ключевое событие – концерт Академического симфонического оркестра филармонии – бывшего Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета в Большом зале филармонии 9 августа 2022 г. Автор идеи и куратор историко-музыкального проекта – Ю.З.Кантор, д.и.н., заместитель директора – главный научный сотрудник СПБНИИ РАН

4. В научной конференции, посвященной Ленинградской симфонии в культурной памяти, приняли участие крупнейшие музыковеды, историки-исследователи Второй мировой (Великой Отечественной войны), архивисты и музейщики. Основные темы – исполнение Седьмой симфонии во время войны и его значение, мемориализация памяти об этом событии, рефлексия на него, неизвестные документы о подготовке и премьерах произведения в РСФСР и за рубежом. Сборник ее докладов в настоящее время находится в печати

5. На выставке в фойе Большого зала (9 августа – 29 октября 2022 г.) были показаны уникальные, ранее не экспонировавшиеся артефакты и выявленные в ходе работы над проектом документы из ведомственных, федеральных и региональных архивов – АВП РФ, Архив УФСБ по СПб и ЛО, РГАСПИ, ЦГАЛИ и др., а также из документальных фондов музеев. Автором проекта начата подготовка монографии, основанной на этих документах.

Ковалев Б.Н.

Алексей Алексеевич Булатов: от «Новгородского Керенского» до «Философского парохода»

Буслай, Садко – это один и тот же человек. Это Алексей Алексеевич Булатов. Он родился в 1877 году в Старой Руссе и зарекомендовал себя как человек исключительно активной гражданской позиции. Он работает в земстве, он активно публикуется на страницах новгородских и общеимперских газет. Он болеет душой за родную землю, говорит о всех проблемах которые существуют и которые нужно срочно решать.

У каждого человека в жизни есть свой звездный час. И таким временем для Алексея Булатова стал март 1917 года, когда его назначили комиссаром Временного правительства по Новгородской губернии. Он стал носителем высшей власти во вверенном ему регионе.

Булатов встречался с Керенским и постарался позаимствовать у нового русского вождя и самое хорошее и самое плохое. Самое хорошее – подчеркнутый демократизм, близость к массам, к народу. Плохое – пустопорожняя болтовня и многочисленные обещания, которые не выполнялись, так выполнить их было зачастую просто невозможно.

С каким восторгом писали о нём тогда новгородские газеты. Казалось, что это человек передвигается по Новгороду исключительно на руках своих поклонников и почитателей.

Газета «Волховский листок» тогда писала: «Губернский Комиссар Алексей Алексеевич Булатов развернул знамя и могуче подняв его над своей обнажённой головой, воскликнул с душевным подъёмом так: «Граждане Великого Новгорода! С этой исторической площади много лет назад благословлялись полки для защиты родной земли и вольности народа, с вручением стяга за святую Софию и господина Великого Новгорода.

Так и теперь, когда пали цепи, на мою долю выпало величайшее счастье передать это стяг от граждан Великого Новгорода своему братски любимому гарнизону, который здесь всех нас объединил, защитил и укрепил новый государственный строй. И я горячо прошу вас сохранить этот стяг за святую Софию и Великий Новгород на страх врагам и для благоденствия свободной матушки России! Ура!»

Но становилось всё хуже и хуже, товары из магазинов исчезали и когда в октябре семнадцатого года власть захватили большевики, о нем никто и не пожалел. Его воспринимали как типичного новгородского Керенского – болтуна и краснобая.

Он не уехал из Новгорода. В 1919 году попытался заняться кооперативными делами, вступил в конфликт с новой властью.

В 1922 году он был на «Корабле философов» выслан из Советской России. Алексей Булатов проходил по списку агрономов и кооператоров под номером 34.

На протяжении почти 20 лет он проживал в Эстонии, занимался повседневными проблемами русской общины. После вхождения Эстонии в состав СССР он был арестован, вывезен в Ленинград и в 1941 году расстрелян.

Так закончилась жизнь этого человека, который хотел сделать много хорошего для новгородчины, но практически ничего не сделал.

Колоницкий Б.И.

Стачки и демонстрации, манифестации и погромы: насилие на улицах Санкт-Петербурга (июль 1914 г.)¹

В июле 1914 г. насилие выплеснулось на улицы Санкт-Петербурга: стачки, митинги и демонстрации рабочих, переросли в массовую забастовку, сопровождавшуюся столкновениями с полицией и войсками. Волнения происходили на фоне международного кризиса, вызванного убийством наследника венского престола. Затем улицы столицы стали местом патриотических манифестаций, сопровождавшихся столкновениями с полицией, которая сдерживала толпы, рвавшиеся к посольствам Германии и Австро-Венгрии. Начало военных действий вызвало новые манифестации, во время одной из них было разгромлено здание посольства Германии.

Для советских историков забастовки июля 1914 г. были важной темой, ее изучали С.Н.Валк, Э.Э.Крузе, И.П. Лейберов, В.Б. Аксенов и др. Этот сюжет привлекал внимание и иностранных исследователей (Л. Хеймсон, Р. Маккин). Хуже изучены патриотические манифестации, лишь в последнее время они стали предметом специального исследования (В.Б. Аксенов, А.Г. Румянцев).

В советской историографии рабочий протест нередко описывался как действия сознательных пролетариев, руководимых большевиками, им противопоставлялись погромные акции «шовинистов». Эту оппозицию – с переменной знака оценки – использовали в 1914 году люди правых взглядов: они осуждали «хулиганов»-забастовщиков и с пониманием относились к разгневанному «молодым русским людям», громившим немецкие предприятия.

Связь стачек, манифестаций и погромов лета 1914 г. нуждается в дальнейшем исследовании. Мы рассматриваем языки описания внутренних конфликтов в условиях международного кризиса. Нас интересуют риторические приемы, которые забастовщики и демонстранты, полицейские и партийные активисты, манифестанты и погромщики использовали для мобилизации своих сторонников и оправдания насилия. Нас интересуют описания насилия в сообщениях журналистов и полицейских отчетах, в письмах и дневниках

¹ Исследование проводится совместно с К.В. Годуновым и К.А. Тарасовым.

современников. Нас интересует влияние городской политической традиции Санкт-Петербурга на конфликты.

Исследовательская задача определяет круг избранных источников. Мы используем материалы перлюстрации корреспонденции, источники личного происхождения, отчеты Охранного отделения, донесения полицейских офицеров. Преимущественное внимание мы уделяем периодической печати, при этом мы изучаем и те издания, которые ранее не привлекали внимания исследователей.

Избранная тактика исследования позволила уточнить общую картину проявлений насилия на улицах российской столицы, также она дала возможность сделать несколько общих наблюдений относительно культуры насилия в довоенном Петербурге.

Важнейшую роль играли слухи, влиявшие и на распространение насилия и на отношение к нему властей и горожан. При описании всех видов насилия использовался широко распространенный дискурс «хулиганства». Наконец, сложившаяся к этому времени политическая топография города влияла и на акции стачечников и манифестантов, и на действия полиции.

Корчилава А.В.

База данных как инструмент для изучения истории бумаги: задачи, структура и разработка

Бумага известна как наиболее часто употребляющийся носитель для записи текста. Многообразие технологий изготовления бумаги составляет материаловедение исторической бумаги, которое ценно не только как источник информации для датировки и локализации рукописей, но и как отражение развития общества, его навыков, бытового ландшафта, и достойно отдельного изучения.

Проведение исследований в области материаловедения требует применения естественнонаучных методов, так как лишь малое количество признаков можно оценить на глаз. Некоторые из этих методов используются в историческом материаловедении и пререставрационных исследованиях, другие мало информативны для исторических исследований или требуют отбора проб значительного размера, что делает их недопустимыми для изучения объектов историко-культурного значения. Кроме того, активно внедряются методы спектроскопии, сканирующая электронная микроскопия, поляризационная микроскопия.

Для исследований с применением естественнонаучных методов базы данных особенно необходимы, так как редко один специалист владеет всеми методами: чаще образец проходит серию исследований у разных специалистов разными методами. В результате информация рассредоточивается, и необходимо свести ее воедино, чтобы получить обобщенные сведения об образце. В Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников была разработана и создана такая база данных для хранения максимально полной информации об исторических образцах бумаги.

База данных представляет собой приложение, которое включает в себя саму реляционную SQL базу данных и сайт для управления и администрирования. Приложение реализовано с помощью высокоуровневого фреймворка Django, который работает на языке Python. Выбор Django обуславливается в первую очередь наличием открытого исходного кода, бесплатной поддержки и открытого доступа к обучающим материалам и документации, удобством в использовании и умеренной гибкостью кода. В Django реализуется как frontend (интерфейс и взаимодействие с пользователем), так и backend (внутренняя часть продукта на сервере) разработка, благодаря чему появляется возможность создавать и управлять сайтом и базой данных в одном месте.

Объекты хранятся в реляционной базе данных PostgreSQL на локальном сервере. Доступ к базе предоставляется с помощью окружения PgAdmin4 и различных SQL запросов. Каждая строка в таблице представляет собой отдельный объект (лист бумаги), а столбцы – его описание и характеристики.

С помощью моделей во фреймворке Django создаются характеристики объекта и каждому полю присваивается свой тип: строка, целочисленные значения, значения выбора, подсчет через формулу, гиперссылка, фотография или файл. База данных хранит в себе как исторические сведения (шифр, краткая историческая справка) о каждом объекте и описание (оттенок бумаги, филигрань, контрмарка и пр.) так и результаты естественнонаучных исследований с применением различных методов (анализ бумаги по волокну, поляризационная микроскопия, элементный состав, сканирующая электронная микроскопия, ИК-Фурье спектроскопия и пр.). Запрос с сайта передается в базу данных PostgreSQL через Django.

В разработке также находится процесс регистрации пользователей, ограничение доступа к редактированию и добавлению объектов, а также стилевые доработки сайта.

Крылов П.В.

Кристина Шведская и борьба за наследство Яна II Казимира в документах папской нунциатуры в Испании из собрания Архива СПб ИИ РАН

В коллекции папской нунциатуры в Испании, хранящейся в архиве СПбИИ РАН, содержатся четыре письма Кристины Шведской, написанные ею в 1672 – 1673 гг. в адрес её римского друга кардинала Децио Аццолино, в которых упоминается бывший король Польши Ян II Казимир Ваза, троюродный брат бывшей королевы Швеции. Письма касаются т.н. «неаполитанских сумм» - денег, одолженных вдовствующей королевой Польши Боной Сфорцей испанскому королю Филиппу II в 1557 году в размере 430 тысяч дукатов. Борьба за возвращение долга стала одной из забот польской монархии вплоть до третьего раздела Польши в 1795 году. Польский историк Клеменс Кантецкий (1851 - 1885) высказывал предположение, что Кристина «могла испытывать интерес» к борьбе за «неаполитанские суммы», учитывая её родственные связи с Яном Казимиром, однако, его версия не получила поддержки в польской историографии ввиду отсутствия документов. Их отсутствие обусловлено тем, что Децио Аццолино уничтожил всю корреспонденцию, найденную им в римской резиденции Кристины после её смерти в 1689 году. Документы из коллекции СПбИИ РАН подтверждают гипотезу К.Кантецкого.

Куликов С.В.

*К истории начального этапа создания Основных государственных законов 1906 г.
(По новым документам из фонда Государственной канцелярии РГИА)*

Наименее изученным этапом создания Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. до сих пор является начальный этап, начинающийся после издания Манифеста 17 октября 1905 г. и длящийся до января 1906 г. Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» обусловил пересмотр прежних Основных законов, так как в нем император Николай II поручал Совету министров под председательством графа С.Ю. Витте подготовить, помимо прочего, превращение учрежденной 6 августа 1905 г. законосовещательной Государственной думы в законодательную. Царь отлично осознавал, что провозглашенное Манифестом 17 октября «обязательство проводить всякий законопроект через Госуд[арственную] думу – это, в сущности, и есть конституция».

Сам С.Ю. Витте в своих воспоминаниях откровенно признавал: «По образованию моего министерства в первые два месяца ни в Совете министров, ни у меня в голове не подымался еще вопрос о необходимости, согласно Манифесту 17 октября и новым законам об учреждении Государственной думы и [Государственного] совета и государственной росписи, составить новые Основные законы, ибо прежние были совершенно поколеблены актами 17 октября». Витте не знал, что к декабрю 1905 г. в распоряжении Николая II были целых три проекта Основных законов, получившие, после делопроизводственной обработки, наименования «№ 1», «№ 2» и «№ 3».

Первый проект составил товарищ (заместитель) государственного секретаря П.А. Харитонов, при участии своего давнего сослуживца по Государственной канцелярии сенатора

Н.П. Гарина, второй – директор Александровского лицея А.П. Саломон, третий – начальник Военно-походной канцелярии царя флигель-адъютант капитан 1-го ранга граф А.Ф. Гейден при участии А.П. Саломона, друга графа.

Делопроизводственная нумерация проектов не соответствовала последовательности их появления, поскольку самым первым, очевидно – по заказу Николая II, составил свой проект А.Ф. Гейден – между изданием Манифеста 17 октября и концом октября 1905 г. Данное предположение подтверждается тем, что законодательными функциями он наделил только Государственную думу. Между тем, 28 октября 1905 г. царь образовал Особое совещание во главе с председателем Государственного совета графа Д.М. Сольского для разработки необходимых изменений в действующем Учреждении Государственного совета, т.е. изменений, вызванных Манифестом 17 октября. Если бы Гейден составлял проект № 3 после конца октября, когда возник вопрос о наделении Государственного совета правами, равными правам Государственной думы, то он, естественно, учел бы это обстоятельство.

Видимо, проект А.Ф. Гейдена, не являвшегося профессиональным кодификатором, не вполне удовлетворил августейшего заказчика, по причине чего в начале ноября 1905 г. Николай II через дворцового коменданта генерала Д.Ф. Трепова, воспользовавшегося посредничеством Н.П. Гарина, и обратился к П.А. Харитонову с повелением составить проект новых Основных законов, над которым Харитонов работал в ноябре и в начале декабря 1905 г. Около первой декады декабря Д.М. Сольский представил императору всеподданнейший доклад, подготовленный государственным секретарем бароном Ю.А. Иксулем фон Гильденбандтом. Барон возглавлял Государственную канцелярию, которая ведала кодификацией и делопроизводством Государственного совета, и являлся непосредственным подчиненным Сольского и начальником – Харитонова.

«В основу преобразований, совершившихся в течение настоящего года, - говорится в докладе, - положена мысль, что в России изменения государственного строя тогда только могут быть плодотворны, когда они исходят от Монарха и им же определены самое их существо и границы. В согласии с таким взглядом предпринят пересмотр существующих законов о Государственном совете. Труд этот ныне близится к окончанию». Сольский имел в виду деятельность возглавлявшегося им Особого совещания для разработки необходимых изменений в действующем Учреждении Государственного совета. «Получив к руководству, относительно своего состава и образа действий, вполне определительные, утвержденные Вашим Императорским Величеством правила, законодательные эти собрания, – полагал граф, – не должны бы иметь повода начать свою деятельность с возбуждения вопроса о пересмотре учреждений Думы и Совета, для приведения их в соответствие с Манифестами 6 августа и 17 октября». Однако эти Манифесты, указывал Сольский, не имеют «исключительным своим предметом порядок составления закона» и их содержание «гораздо глубже и шире», поскольку, «прямо или косвенно», затрагивают «большинство постановлений наших Основных государственных законов». Между тем, для графа представлялось несомненным, что «существование, наряду с законодательными актами последнего времени, узаконений совершенно иного порядка», т.е. старых Основных законов, «не замедлит обратить на себя внимание членов Государственного совета и Государственной думы и вызовет в Совете и в Думе попытки заняться их согласованием». «Какое направление они примут, – отмечал Сольский, – сказать, конечно, трудно». Но тут же он находил возможным предвидеть «уже и теперь неизбежное возникновение, на почве суждений по указанному предмету первостепенной важности, существенных разногласий и в среде каждого из двух законодательных собраний, и между Государственным советом и Государственной думою». «Такие пререкания, – заключал граф, – немедленно подорвали бы правильное взаимодействие обоих установлений и тотчас нашли бы отголосок в стране». Для предупреждения подобных осложнений Сольский и предлагал Николаю II признать желательным «до собрания Государственной думы и Государственного совета в обновленном его составе издать Основные государственные законы в новом изложении, которое явилось бы для всего народа Вашего и для его представителей окончательным и непререкаемым выражением воли государя относительно коренных начал государственного порядка России». В конце доклада граф сообщал императору: «если бы Вам угодно было одобрить мое предположение, то о способе приведения его в исполнение я не

замедлю доложить Вашему Императорскому Величеству». Николай II не заставил себя ждать, тем более что по его заказу подготовкой новых Основных законов уже занимались А.Ф. Гейден и П.А. Харитонов, от которого Сольский и мог узнать о высочайшем повелении, переданном товарищу государственного секретаря Д.Ф. Треповым.

«Вашему Императорскому Величеству, – напоминал Д.М. Сольский в другом всеподданнейшем докладе, подготовленном Ю.А. Иксулем фон Гильденбандтом не ранее 1 января 1906 г., – благоугодно было одобрить мое предположение об издании согласованных с позднейшими изъявлениями Монаршей воли Основных законов Российской империи и повелеть мне доложить о способах приведения этого предположения в исполнение. Затем Ваше Величество изволили приказать мне, предварительно направления дела в Совет министров и Государственный совет, представить мое заключение относительно двух проектов нового изложения Основных законов». «Двумя проектами» Сольский называл проекты П.А. Харитонova и А.Ф. Гейдена, так как далее сообщал: «Вследствие сего, обязуюсь доложить, что, сверх указанных проектов, имеется появившийся в печати минувшим летом, а в последнее время мне доставлен еще один, выработанный директором Императорского Александровского лицея шталмейстером Двора Вашего Величества Саломоном». Под летним проектом Сольский подразумевал проект «Основного закона», опубликованный в № 180 газеты «Русские ведомости» от 6 июля 1905 г. и получивший известность как проект С.А. Муромцева.

Между тем, П.А. Харитонов вспоминал: «18 декабря 1905 г. графом Д.М. Сольским получены были от государя императора три проекта Основных законов <...> Все три проекта переданы были государем графу Д[митрию] М[артынови]чу для представления по ним его заключения». Под «тремя проектами» Харитонов имел в виду проекты свой, А.П. Саломона и А.Ф. Гейдена, очевидно, не зная, что проект Саломона инициирован Сольским и вошел в эту тройку в самый последний момент. Сам Саломон датировал «Предисловие» к своему проекту Основных законов «декабрем 1905 г.», причем его проект был готов не позднее 11 декабря 1905, когда Николай II утвердил новый избирательный закон, постановления которого в соответствующем разделе саломоновского проекта еще отсутствуют.

Подразумеваемая многочисленность проектов Основных законов, Д.М. Сольский обращался к Николаю II в докладе, подготовленном не ранее 1 января 1906 г.: «Такое обилие материалов и важность самого предмета побуждают отнести к нему с особым вниманием. Желательно обсудить вопрос со всех его сторон – исторической, юридической, кодификационной и бытовой. Войти в непосредственные сношения с лицами, обладающими необходимыми сведениями, мне было бы затруднительно. Поэтому я считал бы полезным предоставить специалистам возможность высказаться по поводу имеющихся проектов в предварительной беседе, не носящей официального характера». К обмену мнениями Сольский находил желательным пригласить «высших чинов» Государственной канцелярии, Н.П. Гарина, петербургского и московского губернских предводителей дворянства графа В.В. Гудовича и князя П.Н. Трубецкого, А.П. Саломона, как «автора одного из проектов», профессоров В.И. Сергеевича и И.А. Ивановского, директора 1-го Департамента Министерства юстиции И.Г. Щегловитова, помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Е. Крыжановского, председателя Петербургской городской думы М.В. Красовского, почетного мирового судьи Волоколамского уезда Московской губернии Д.Н. Шипова и гласных городских дум: Петербургской – барона П.Л. Корфа и Московской – А.И. Гучкова. Далее в проекте всеподданнейшего доклада зачеркнуто: «журналиста Суворина». Руководителем собеседованием Сольский полагал необходимым вверить Ю.А. Иксулю фон Гильденбандту при содействии П.А. Харитонova. «Располагая данными, которые должны быть подготовлены в самом непродолжительном времени, я, – подытоживал Сольский, – мог бы, по совещании с председателями департаментов Государственного совета, доложить Вашему Величеству затребованное от меня заключение во всей необходимой его полноте».

Примечательно, что Гудович, Трубецкой, Красовский, Шипов, Корф и Гучков являлись лидерами недавно образовавшегося Союза 17 октября (Партии октябристов), а Шипов, Корф и Гучков – еще и участниками заседавшего в декабре 1905 г. под председательством Николая II Особого совещания, обсуждавшего проекты избирательных законов. Однако в список Николая II не попали как общественные деятели и профессиональные государствоведы, так и бюрократы

из других ведомств. Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт объявил П.А. Харитонову распоряжение Д.М. Сольского «рассмотреть проект № 1» в Совещании, членами которого должны были стать, помимо Харитонова, статс-секретари Государственного совета Н.Ф. Дерюжинский, барон Р.А. Дистерло, А.И. Кобеляцкий, Д.А. Коптев, С.Ф. Раселли, А.Г. Тимрот, помощник статс-секретаря Государственного совета А.Ф. Трепов и сенатор Н.П. Гарин. Таким образом, при создании новых Основных законов Николай II сделал ставку на высших чинов Государственной канцелярии, что, несомненно, объяснялось причинами не столько политического, сколько технического порядка.

Лапин В.В.

Служба армян в армии России как социальный лифт (XIX – начало XX вв.)

Тема политических и демографических последствий Кавказской войны, широко представлена в отечественной и зарубежной литературе. Социальным изменениям, вызванным этой небывалой по длительности войной Российской империи, уделено гораздо меньшее внимание.

Армяне были давними и верным союзником России в изучаемом регионе, сотрудничали с ней в военной сфере, играли важную роль в интеграции этой окраины. В историографии основное внимание сосредоточено на «боевом братстве»: на участии армянских добровольцев в сражениях, на заслугах офицеров и генералов-армян, на помощи христиан Закавказья в деле обеспечения войск.

При этом в тени остаются вопросы, связанные с тем, как активное участие армян в имперском строительстве на пространстве между Черным и Каспийским морем, повлияло на положение этого народа в этом регионе и во всей империи.

Армия России была важным социальным лифтом, причем во время войн движение и «вместимость» этого лифта значительно увеличивалось за счет повышения в чинах «за отличие». С петровской эпохи каждый, выслуживший первый обер-офицерский чин (прапорщик, корнет) или награжденным любым орденом, получал права потомственного дворянства. В 1845 и 1856 гг. эти пороги повышались, но оставались преодолимыми для выходцев из других сословий.

В начале XIX века начался все более ускоряющийся приток армян в состав вооруженных сил России и прежде всего – в Отдельный Кавказский корпус. Подавляющее большинство поступало в полки рядовыми солдатами или юнкерами, и, благодаря боевой активности частей, выслуживали обер- и штаб-офицерские чины.

Инкорпорация армян в состав военной имперской элиты встречала ряд препятствий. Во-первых, на Кавказе (и в России в целом) существовало прочное предубеждение о малой пригодности армян к военной службе, которое опиралось на впечатления об их специфическом поведении в условиях террора со стороны турок, персов и курдов. Во-вторых, нобилитет армяно-григорианского вероисповедания был физически уничтожен еще в XIV-XVI вв., что сильно уменьшало возможность поступать на службу на правах дворянства. В-третьих, в России в целом и на самом Кавказе существовала армянофобия, очень схожая с антисемитизмом.

Все эти препятствия не стали непреодолимым барьером. Сначала десятки, а потом сотни «выходцев из армян» получили обер-офицерские и штаб-офицерские чины. Несколько генералов-армян заняли высокие посты в Военном ведомстве (См. карьеру М.Т. Лорис-Меликова), а их ратные успехи стали неоспоримыми аргументами в борьбе с армянофобией. В Кавказской армии армяне успешно конкурировали с грузинами, а благодаря практике перехода отставных и служащих военных в гражданские ведомства, еще более усилили свои позиции в администрации и экономике края. Все это стало возможным во многом благодаря особым условиям перманентной войны против горцев и против соседних мусульманских держав. Выслуга даже обер-офицерских чинов армянами в годы Кавказской войны, создала для их детей более выгодные стартовые позиции в карьере, что заметно сказалось в притоке армян в военную сферу уже во второй половине XIX века.

Лебедев С.К.

К связям К.А. Скальковского в деловой среде

На коммерческие интересы крупного чиновника Министерства государственных имуществ К.А. Скальковского и, главным образом, на его коррупционные связи с парижскими Ротшильдами обратил внимание А.А. Фурсенко, отметив, что Скальковский более двух десятилетий, вплоть до своей смерти в 1906 г., содействовал нефтепромышленным делам в России этого банкирского дома и регулярно получал от него вознаграждение. Став в 1885 г. товарищем директора, с апреля 1891 г. по май 1896 г. К.А. Скальковский служил директором Горного департамента. После отставки с в 1904 г. Скальковский перешел в сферу торгово-промышленного предпринимательства, занимая важные посты в Никополь-Мариупольском обществе, в Русском для внешней торговли банке (с директорами которого, как и С.-Петербургского Международного банка он был близок еще со времени своей государственной службы).

К.А. Скальковский был известным мемуаристом, публицистом, причём, он писал не только на темы собственно горного дела и экономики, но и внешней политики, и балетного искусства, ценителем и знатоком которого он был всю жизнь, шире – культуры и быта буржуазии «Прекрасной эпохи». Широко распространенный в предпринимательских верхах стиль неформального общения в обстановке деловых обедов ярко запечатлен в записках, карточках и более-менее пространных письмах корреспондентов Скальковского. В его бумагах, среди многочисленных назначенных рандеву с промышленниками, директорами крупных банков в Париже и Петербурге, инвестировавшими в русскую экономику рантье (такими как Нобель, Манташов, Рау, Ломбардо, Юнкер, Варшавский, Мамонтов, Авдаков, кн. Тенишев, Кестлин, Кох, Мураний, оба брата Петрококино, бар. Гинцбург, Бенардаки и др.) сохранились упоминания имен деятелей искусства, как, например, свидетельство о встрече в Париже с главным балетмейстером русского императорского балета М.И. Петипа.

Особенно важными были контакты Скальковского в период экономического кризиса начала XX в., когда директора фирм и банков, попавших в трудное положение (Мамонтов, Авдаков, Мураний и др.), пытались добиться (далеко не всегда успешно) в том числе и через Скальковского поддержки своим делам перед лицом министра финансов С.Ю. Витте.

Бумаги Скальковского в рукописных собраниях ИРЛИ и особенно СПбИИ являются важным источником для экономических историков, изучающих период индустриализации конца XIX-начала XX в., а также буржуазию в России и на континенте в период до Первой мировой войны.

Лукоянов И.В.

Внешняя политика Российской империи 1870-1880-е гг.: новые механизмы и кризисные симптомы

1. В статье «От Берлина к Парижу: новые механизмы внешнеполитических решений в России, конец 1870-х – конец 1880-х гг.», предполагавшейся к публикации в 2022 г., затронуты два сюжета, важных для российской политики второй половины XIX в.: попытка решения Восточного вопроса в связи с народно-освободительной борьбой на Балканах и русско-турецкой войной 1877-1878 гг. (Р.А. Фадеев и Н.П. Игнатъев), а также переориентация Петербурга в Европе от опоры на Берлин к союзу с Парижем, состоявшаяся на рубеже 1880-1890-х гг. (М.Н. Катков). Общим для этих сюжетов оказалось то, что в них решающее значение имели люди, не занимавшие соответствующих должностей; наоборот, главы МИД не всегда ставились в известность о принятых решениях и даже о проведении новой политики.

2. Неожиданный отказ от ведения внешней политики привычным образом отражал растущее недоверие Александра II и Александра III к МИДу как части малоэффективного бюрократического аппарата империи. Но не только. Постепенно становилось очевидным, что в мировой политике всё большее место начинают занимать экономические рычаги и частная инициатива, к чему самодержавие оказалось не готово. Осознание этого вызвало к жизни поиск

новых механизмов. Невозможность копировать европейский опыт по многим причинам (отсутствие публичной политики, отсталость в экономическом развитии и т.д.), одновременно быстро растущая роль общества во всех сферах жизни империи, включая управление, и одновременное нежелание самодержавия поступиться своими прерогативами вызвали к жизни подмену общественной роли действиями отдельных личностей, за которыми верховная власть хотела бы видеть голос публики.

3. Может показаться, что двух примеров недостаточно для того, чтобы надёжно зафиксировать тенденцию. Продолжающийся поиск привёл к тому, что их число стало увеличиваться (А.А. Пороховщиков, Н.И. Ашинов). Выявленный материал позволяет утверждать, что обозначенный процесс – не совпадение, а проявление устойчивой тенденции.

4. Комбинация недоверия к бюрократии вкупе с опорой на квазиобщественное мнение и поиском новых инструментов в политике привели, однако, не к успехам, а к грубым просчётам, ставших следствием выросшей некомпетентности, и неприятным последствиям, которые в более очевидных формах проявились позднее (Н.И. Ашинов).

5. Исследование неизбежно выводит на более общий вывод о кризисе самодержавной власти как государственного устройства Российской империи. Исследования последних десятилетий показали, что его советская трактовка как всеобъемлющего вневременного и непрерывно усиливавшегося процесса не отвечает историческим реалиям. Но качнувшийся в другую сторону маятник историографии требует уравновесить его: симптомы кризиса невозможно отрицать. Вероятно, проблему следует сформулировать иначе: в каких сферах и в какое время этот кризис проявлял себя? Для внешней политики, по-видимому, мы можем говорить о начале процесса как минимум с конца царствования Александра II (получается своеобразная антитеза «великим реформам»).

Мажуга В.И.

*Об авторах глосс и рисунков в Петербургском списке комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum novum* (Научный архив СПб ИИ РАН, карт. 590, п.1)*

В Научном архиве СПбИИ РАН хранится самый ранний список комментария выдающегося правоведа XIV в., которому принадлежит, в частности, первая теория межгосударственного гражданского права, Бартоло да Сассоферрато. В переписке текста приняли участие пять писцов, но участие трех из них было не столь значительным. Одному из двух основных писцов, Карло де Бассакомари, принадлежавшему к болонскому патрицианскому роду Бассакомари, лиценциату римского права, который, однако, зарабатывал на жизнь ремеслом нотариуса и перепиской книг, принадлежит множество рисунков и изысканных орнаментальных украшений в тех частях рукописи, которые он сам переписал. Именно этот писец и иллюстратор оставил запись о том, что работа над основной частью кодекса была закончена в такой-то день 1370 г. В то же время ему принадлежат лишь немногие краткие глоссы, лишённые сколь-нибудь значительного содержания. Еще один писец, как удалось установить в ходе нашего исследования, был никем иным, как педелем Болонского университета Томазо де Малатакис. Он организовывал работу по переписке кодекса в целом и оставил множество интереснейших глосс. В кодексе есть и безыскусные, но любопытные рисунки с текстом, выполненным его рукой, либо рисунки в том же стиле.

Цель моего исследования состоит в том, чтобы вернее определить авторство названных рисунков, так как оценить их достоинство не так просто из-за их соседства с довольно совершенной иллюминацией двух последующих столетий, тоже представленной в нашем кодексе. Изучение самих рисунков сопрягается с разбором текстов, которые они иллюстрируют. Так, удалось, например, установить, что всюду, где появляются изображения разного рода птиц и существ с птичьими признаками, речь идет о темах правовой опеки, совести, о формах дарения, причем оба названных иллюминатора применяют эти образы. Художественную иллюминацию в целом можно оценить как средство указания на основное содержание определенной части текста, оживлявшего его восприятие ученым читателем и позволявшего сделать писцу, редактору или корректору приятную паузу в утомительной их работе над текстом, который занимал порой до 98 строк на странице, изобиловал условными

сокращениями слов и целых формул, а главное, многочисленными ссылками на сходные по тематике места в текстах римского права и признанных комментариев средневековых юристов. Можно сказать, что применение художественных средств имело то же основное назначение, что и особый тип глосс, получивший особое обозначение *notabilia*.

Эти наблюдения подтверждаются и анализом частых в рукописях изображений женских силуэтов и изображений лиц и масок особых типов. Томазо, а с ним и еще один писец, оставили, кроме того, изображение тех конкретных предметов или сцен, о которых идет речь в тексте. Но важно подчеркнуть, что изучение иллюминации в кодексе дает новый важный материал и для более верной атрибуции словесных глосс как таковых. Ведь почерк Томазо де Малатаких бывает трудно отличить от почерка авторов других глосс, внесенных в кодекс в близкое Томазо время.

Миловидов Б. П.

Д. Н. Бологовский в эпоху 1812 года: к истории опалы М. М. Сперанского

Обстоятельства отставки М. М. Сперанского в 1812 г. до конца не прояснены. Это относится и к роли второстепенных фигур данной истории, к которым принадлежит Д. Н. Бологовский. Считается, что, будучи племянником министра полиции А. Д. Балашова, Бологовский оказался вовлечен в политическую борьбу, которая велась вокруг фигуры реформатора. В результате он оказался в числе пострадавших, и наряду с самим Сперанским и М. Л. Магницким отправился в ссылку. Н. М. Лонгинов сообщал С. Р. Воронцову в Лондон слухи, будто директор Особенной канцелярии военного министра А. В. Воейков дал списать Бологовскому секретные бумаги, относящиеся к планам предстоящей войны с Францией, и эти бумаги потом оказались у Магницкого и Сперанского. Вместе с тем, в современной историографии существует мнение, что Бологовский практически не пострадал, поскольку в 1812 г. оказался уже на службе, а следовательно можно думать, что и вина его была не столь уж велика.

Однако дело обстояло сложнее. Бологовский был отправлен в ссылку в Саратовскую губернию, но вскоре ему было позволено жить в Смоленской губернии, в имении своей жены. Саратовский губернатор на основании переписки ссыльного делал вывод, что тот желал отправиться в действующую армию. 12 августа смоленский губернатор донес Балашову, что Бологовский выехал из своего имения и прибыл в Вязьму. На документе имеется помета: «Высочайше повелено объявить губернатору, чтобы на том же основании жительство имел капитан Болговский в Пензе впредь до безопасности его деревень. 22 августа». Но 22 августа русская армия уже отступила на позицию при Бородино, а смоленский губернатор Аш, покинувший пределы вверенной ему губернии, предписание Балашова с изложением императорского повеления получил через Рязань и Нижний Новгород только 22 декабря. Таким образом, контроль над ссыльным был им утрачен, а сам он оказался в главной квартире Кутузова.

Действительно, отставной гвардии капитан в 1812 г. был «фельдмаршалом князем Кутузовым принят в действительную службу с прикомандированием к Московскому пехотному полку». Кутузов же как главнокомандующий обладал на театре военных действий властью императора. В одном из позднейших формулярных списков Бологовского говорилось: «приказом главнокомандующего армиею Кутузова Смоленского принят в службу на вакансию подполковника 1812 г. августа 20», то есть еще до высочайшего повеления об отправке в Пензу. Получилось, что он служил Отечеству на поле брани вопреки воле своего суверена. Но надо отдать Александру I должное — он не потребовал возвращения Бологовского из армии. Начиная со дня Бородинского сражения Бологовский исполнял должность дежурного генерала 6-го пехотного корпуса, которым командовал Д. С. Дохтуров. Не менее 6 раз за 1812-1814 гг. он был представлен начальством к производству в полковники, но высочайшего разрешения на это не последовало. И только в 1817 г. высочайше повелено было о службе его собрать сведения.

Следует обратить внимание на благородную позицию начальников отставного гвардейца — Д. С. Дохтурова, М. И. Кутузова, Л. Л. Беннигсена, высоко ценивших его заслуги и упорно,

раз за разом подававших представления к его производству, пытаюсь преодолеть монаршую немилость. Однако ситуация изменилась только после того, как в 1816 г. на государственную службу были возвращены М. М. Сперанский и М. Л. Магницкий. Вслед за ними был прощен и Д. Н. Бологовский, получивший наконец в 5 февраля 1818 г. долгожданный чин полковника.

Михайлов Н.В.

Настольные реестры фабричных полицейских надзирателей Центрального промышленного района начала XX в. как исторический источник (к проблеме региональных особенностей формирования пролетариата России начала XX в.)

На рубеже XIX-XX вв. институт фабричных полицейских надзирателей имел широкое распространение. Сохранилось же архивных фондов фабричных полицейских надзирателей единицы, и они неизвестны современным исследователям.

В Государственном архиве Ивановской области имеются два небольших фонда: «Полицейские надзиратели при фабриках Товарищества Куваевской мануфактуры, мануфактур Фокиных, наследников Новикова и Ямановских» (ф. 293), «Полицейские надзиратели при фабриках Торгового дома “З. Кокушкин и К. Маркушев” и Товарищества мануфактур Бурылина г. Иваново-Вознесенска» (ф. 348). В составе этих фондов полицейских надзирателей расположенных неподалеку друг от друга иваново-вознесенских фабрик наибольший интерес представляют настольные реестры за 1905 г. в 293-м фонде и за 1900-1915 гг. – в 348-м.

В Государственном архиве Тверской области в фонде полицейского надзирателя при Писчебумажной фабрике Товарищества «М.Г. Кувшинов» (ф. 915), расположенной в 48 верстах от г. Торжка в селе Каменное Тысяцкой волости, Новоторжского уезда Тверской губернии, сохранились настольные реестры за 1907-1909 гг.

Настольный реестр - это книга регистрации входящей корреспонденции, поступившей фабричному полицейскому надзирателю, с указанием адресата, даты обращения, его краткого содержания и отметки об исполнении, движении бумаг. Формуляр, особенности заполнения, уникальность.

Содержание. За редким исключением, когда в реестре фиксировались отдельные происшествия собственно на фабрике, такие как остановка производства, несчастные случаи, кражи и другие правонарушения, основная масса писем поступала полицейским надзирателям с родины занятых на фабриках рабочих – от волостных правлений, судов и местных полицейских органов.

Анализ содержания источника свидетельствует о том, что рабочие Центрального промышленного района начала XX в., как городские (Иваново-Вознесенск), так и проживавшие в фабричных селах (с. Каменное) сохраняли гораздо больше связей с родной деревней, чем это считалось до сих пор. Патриархальные порядки сохраняли свою силу, и власть главы крестьянского семейства поддерживалась всем строем и институтами общинной жизни. Источник рисует как широкий спектр возможностей и главы семейства, и органов общинного самоуправления, так и распространенность практик принуждения рабочего-отходника к неукоснительному исполнению обязательств как по отношению к семье, так и к крестьянской общине.

Мошник Ю.И.

«Не знаю, увижу ли тебя ещё». Коллекция писем 1943 – 1945 гг. вывезенных в Финляндию ингерманландцев в собрании Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге

Осенью 1941 г. около 70 тыс. проживавших на территории Ленинградской области финнов-ингерманландцев оказались в зоне немецкой оккупации. Перемещение их из прифронтовых районов во внутреннюю Финляндию, несмотря на сопряженные с этим трудности, отвечало как интересам финского политического руководства, которое должно было решать проблему трудовых ресурсов (а также демонстрировало заботу о соплеменном народе), так и интересам Германии, имевшей свои планы на освобожденные от коренного населения территории Ленинградской области. Перемещение ингерманландцев в Финляндию

осуществлялось в два этапа в 1943–1944 гг. и затронуло свыше 63 тыс. человек (включая тех, кто ранее был вывезен или добровольно ушел в Эстонию и содержался в концентрационном лагере Клоога, тех, кого вывезли в Германию в качестве «остарбайтеров» и, наконец, тех, кто добровольно согласился уехать в Финляндию, прожив два года в зоне оккупации). Перемещенные ингерманландцы, пройдя через приемочный лагерь и карантин, распределялись группами по разным районам страны, а также направлялись в оккупированную финскими войсками Карелию. Большинство из них было привлечено на сельскохозяйственные работы, на заводы, в частные хозяйства, а молодые мужчины были призваны в финские силы обороны.

Исключительно ценный материал для изучения драматичной истории переселения в Финляндию и последующей репатриации ингерманландских финнов дают источники личного происхождения. В собрании Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ) отложилась коллекция эгодокументов, проливающих свет на социальные и бытовые условия жизни перемещенных ингерманландцев (включая пребывание в лагерях), их родственные и дружеские контакты, взаимодействие с органами власти и финским населением, их настроения и реакции на события, происходящие на фронте и в международной политике. В фонде 507 (Ингерманландский комитет) 4 единицы хранения образованы документами ингерманландцев, относящимися к 1943–1944 гг. Это удостоверения, справки и коллекция писем. Более содержателен фонд 542 (Коллекция писем), в котором 84 единицы хранения – отдельные письма или подборки писем 1943–1945 гг. на финском языке, на ингерманландском диалекте (*Inkerin murte*) и на русском языке. Большинство документов относятся к заключительному этапу Советско-финской войны 1941–1944 гг. и периоду после заключения перемирия, когда стала обсуждаться возможность репатриации ингерманландцев в СССР. Неудивительно поэтому, что важнейшая тема в письмах – тоска по родному дому и обсуждение с близкими проблемы возвращения. Документы красноречиво свидетельствуют о том, что ингерманландские переселенцы так и не смогли начать новую жизнь в Финляндии и считали ее чужой для себя страной, настойчиво подчеркивали национальные различия с финнами и надеялись вернуться домой.

Мусаев В.И.

Поворот советской религиозной политики на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

Антирелигиозный характер государственной политики был очевиден с первых лет советской власти, однако в 1920-е гг. основной удар направлялся против структур бывшей государственной Православной церкви. С конца 1920-х гг. положение начало меняться к худшему для всех религиозных конфессий. «Декларация» 1927 г. заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия привела лишь к относительному и кратковременному успокоению в области государственно-церковных отношений. Новая генеральная линия советского партийно-государственного руководства, намеченная в конце 1920-х гг., была направлена на построение социалистического общества. Составной частью генеральной линии, наряду с индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства, была провозглашена «культурная революция». Преобразования в рамках культурной революции предусматривали трансформацию общественных отношений в социалистическом духе, в том числе ликвидацию всех «пережитков прошлого», к которым относились религиозные представления. Ставилась цель построения атеистического общества. В стране началась активизация антирелигиозной деятельности, борьба с религией была включена в «повседневную общественную работу».

Процессом, сопутствовавшим новому усилению давления на церковь, была ликвидация оппозиции внутри ВКП (б), централизация и консолидация государственной власти. Косвенно это могло оказать влияние и на религиозную политику: в новых условиях не было места не только для существования оппозиции, но и для любых независимых форм общественного сознания. Подготовка к новой антирелигиозной кампании велась с конца 1920-х гг. на законодательном уровне. Ещё 17 мая 1928 г. антирелигиозная комиссия ЦК приняла решение о том, что съезды конфессиональных объединений не могут собираться чаще одного раза в три года, а тиражи религиозной литературы и периодики должны быть сокращены минимум в два

раза. В начале 1929 г. правительство приняло решение о выработке специального документа, который должен был стать единым руководством к действию в церковных вопросах. 24 января 1929 г. было утверждено правительственное постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», разосланное в феврале 1929 г. в местные партийные комитеты. Это постановление фактически давало добро на широкое применение административных и репрессивных мер в борьбе с религией. Задачи, сформулированные в документе, стали определяющими в церковной политике государства в последующие годы и санкционировали силовое давление на церковь.

1 марта 1929 г. первичным профсоюзным организациям был разослан циркуляр ВЦСПС № 33 «Об усилении антирелигиозной пропаганды». В нем было, в частности, записано: «VIII съезд профсоюзов обратил особое внимание профорганизаций на необходимость усиления идейной борьбы с религиозным мировоззрением, в частности, с развитием баптизма, учения евангелистов и т. п. Профсоюзы во всей своей культурно-просветительной работе должны терпеливо и неустанно разъяснять всё реакционное значение какой бы то ни было религии, являющейся всегда в руках господствующих классов оплотом классового угнетения, могучим средством обмана и политической темноты широких масс трудящихся. Идейная борьба должна быть направлена прежде всего на раскрытие классовой антипролетарской сущности этих учений, а также на разъяснение того, что в настоящий момент церковь и различные религиозные секты служат прикрытием для антисоветской работы кулацких и капиталистических элементов в стране и международной буржуазии».

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. закрепляло вытеснение религиозных организаций из всех сфер общественной жизни и вводило жесткие ограничения на их деятельность. В соответствии с данным постановлением, религиозные организации могли проводить молитвенные собрания, пользуясь определённым церковным имуществом (которое, впрочем, считалось национализированным), назначать церковных служителей. Однако им запрещалось иметь кассы взаимопомощи, содержать дома престарелых, открывать библиотеки, библейские, литературные и прочие общества и кружки. Запрещалось издание религиозной литературы, преподавание религиозных предметов в специально не предназначенных для этого заведениях. Религиозным общинам была вменена обязательная регистрация религиозных общин, объединений, согласий. Быть членом общины разрешалось только с 18 лет. Общие собрания религиозных общин могли проводиться лишь с разрешения представителей исполнительной власти. Лица, принявшие культовое здание в пользование, обязывались «беспрепятственно допускать во всякое время... уполномоченных... к периодической проверке и осмотру». Деятельность общин была ограничена удовлетворением религиозных потребностей в стенах молельных домов: миссионерская работа, религиозная пропаганда запрещалась. Районы деятельности проповедников и наставников (пресвитеров) ограничивались местожительством членов обслуживаемых ими общин и местонахождением молитвенного дома. В постановлении ещё раз подчёркивалось стремление государства всеми средствами пресекать влияние церкви на обучение и воспитание подрастающего поколения. После выхода постановления со всеми общинами были заключены новые договоры на использование церковных зданий, но не бессрочные, как раньше, а только на определённые сроки.

Особое место в истории борьбы против религии занял XIV Всероссийский съезд советов, проходивший с 10 по 18 мая 1929 г. На съезде, наряду с задачами социально-экономического и культурного развития страны, значительное внимание было уделено религиозному вопросу. Особенно это выразилось в докладе председателя Совнаркома А. И. Рыкова и наркома просвещения А. В. Луначарского о текущих задачах культурного строительства. Докладчики исходили из тезиса, что в условиях обострения классовой борьбы религия и церковь оказываются на стороне сил, препятствующих социалистическому строительству. Поэтому необходимо активизировать классовую борьбу и на «фронте отражения религиозной опасности». На основании решений съезда советов были внесены изменения в Конституцию РСФСР. Новая редакция статьи 4 Конституции, принятая съездом, гласила: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной

пропаганды признаётся за всеми гражданами». Новая формулировка звучала иначе по сравнению с прежней о свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды: теперь речь шла только о свободе исповеданий, но не религиозной пропаганды. Вскоре подобные изменения были внесены в конституции других союзных республик. Центральный совет Союза воинствующих безбожников, комментируя изменения, внесённые в текст Конституции, подчёркивал, что свобода религиозного исповедания означает, что деятельность общин верующих должна ограничиваться проведением богослужений и выполнением религиозных догматов в среде своих единоверцев. Привлечение в свою среду новых сторонников, особенно из подрастающего поколения, не может быть под защитой закона. Любая религиозная пропаганда и агитация, включая миссионерскую работу, трактовались как нарушение закона и подлежали преследованию.

Законодательство в области религиозных вопросов развивалось и далее. В январе 1930 г. было издано распоряжение о выселении священнослужителей из всех национализированных помещений. Секретное постановление Президиума ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа за 1930–1931 гг.» разрешало превышение налога на священнослужителей по сравнению с налогом на крестьян до 100 %. Антирелигиозная комиссия ЦК 6 февраля того же года приняла решение: «Признать, что в связи с развёртыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства от 8 апреля 1929 г. подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода». Тогда же право окончательного решения вопросов о закрытии культовых зданий было передано краевым и областным советам. Через несколько дней, 11 февраля 1930 г., появилось постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных организаций». Согласно постановлению, «в целях борьбы с попытками враждебных элементов использовать религиозные объединения для ведения контрреволюционной работы», правительствам союзных республик предлагалось при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных Советской власти лиц» и отказывать в регистрации тем религиозным объединениям, в которых не соблюдалось это условие.

Таким образом, новое наступление Советского государства на религию и церковь было тщательным образом спланировано и подготовлено, и с рубежа десятилетий оно началось по всем фронтам.

Носова Е.И.

Серебро для дождя: анализ вислых печатей венецианских дождей естественнонаучными методами

Серебряные дождевые печати выбраны для подробного изучения, так как они стоят особняком по своей форме и материалам не только в венецианской, но и во всей сфрагистической традиции Западной Европы. Никакие другие печати не имеют схожей конструкции. Они имеют вид полых серебряных коробочек, через которые пропущены шелковые шнуры. Внутренняя полость заполнена неким веществом, которое по внешнему виду, твердости и характеру сколов напоминает смолу.

В ходе трасологического анализа было установлено, что изображение наносилось методом тиснения. Тиснение проводилось с лицевой стороны. В большинстве случаев детали изображения и легенды наносились с помощью отдельных пуансонов, а не с единой матрицы. Каждой букве соответствовал один пуансон. В двух случаях могла использоваться единая матрица. Коробочка монтировалась разными способами: пайкой, завальцовкой и сочетанием этих двух методов. Одна из печатей, возможно, подвергалась починке.

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФЛА) показал, что коробочка изготовлена из медно-серебряного сплава (Ag 94,5-83,55%) в различном процентном соотношении с незначительными примесями Zn, Pb, Fe, Ni, Au. Содержание серы, видимо, стоит отнести к поверхностным коррозионным пленкам. Три печати содержат ртуть (до 3%). Однако визуальный осмотр не подтвердил версию об амальгамировании, так как отсутствуют

характерные потертости. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Ик-Фурье спектроскопия показала, что внутренний наполнитель состоит не из смолы, как можно было предположить на основе органолептического анализа, а из пчелиного воска, вступившего в реакцию с металлом, в результате чего образовались соли свободных жирных кислот, содержащихся в воске.

Наконец, не менее важным представляется реконструкция процесса крепления печати к грамоте в канцелярии. Надежность крепления печати была принципиальной: она обеспечивала защиту от подделок, не позволяя снять печать и прикрепить ее к другому документу. По-видимому, последовательность соединения деталей была следующая: сначала изготавливалась незакрытая коробочка, состоящая из одной пластины и гурта, затем через отверстия пропускался шнур, идущий от грамоты, затем заливалась восковая масса. Наконец, коробочку закрывали, заворачивая часть пластины на гурт. Этот процесс был значительно более трудоемкий, чем традиционное скрепление грамот свинцовыми или золотыми печатями, которые оттискивались цельной матрицей.

Три печати существенно отличаются тем, что шнур в них не закреплен, а ходит свободно. В сочетании с другими элементами это свидетельствует о том, что печать была закреплена на документе ненадежно: ее можно было снять. Таким образом, эти печати не выполняли свои основные функции - защиты документы от фальсификации

Омельченко Д.М.

Рецептурный средневековый сборник «Marrae Clavicula». Вопросы перевода и интерпретации

Средневековый латинский рецептурный сборник, известный как «Marrae clavicula», никогда целиком не переводился на русский язык. Однако ценность его для понимания средневековых технологий несомненна.

Значимость «Marrae clavicula» обусловлена, в первую очередь, древностью содержащихся в книге рецептов. Дело в том, что существует временной зазор в полтысячелетия между античными текстами, посвященными различным ремёслам, и самыми ранними средневековыми текстами на эту тему. Древнейшие сохранившиеся источники на греческом языке, которые содержат рецепты и руководства о том, как работать с металлами, минералами, пигментами, как окрашивать различные материалы – это Лейденский и Стокгольмский папирусы. Они датируются III в. н.э. Следующие подобные сборники появляются лишь в конце VIII в., и уже на латинском языке. Один из них – это «Marrae clavicula», который исследователи склонны считать раннесредневековым переводом утерянного позднеантичного алхимического трактата, изначально написанного на греческом языке. Возможно, название греческого оригинала этого сборника можно было бы перевести как «Ключик к мастерству».

Первое упоминание о «Marrae clavicula» встречается в начале IX в. Сохранилось несколько списков этого сборника. Наиболее полный относится к XII в. и в настоящее время хранится в Музее стекла в Корнинге (США). С его цифровой копии, выложенной в открытый доступ, и предполагается делать перевод.

Перевод с латинского будет прокомментирован специалистами Лаборатории. Вводную статью предполагается посвятить, прежде всего, интеллектуальному контексту, в котором стало возможно появление такого рода сборника. Также будет очерчен круг предполагаемых источников этого сборника, даны необходимые текстологические, лингвистические и палеографические комментарии.

Работа над переводом и комментариями позволит решить несколько задач:

1. Реализация установки на междисциплинарные исследования. Очевидно, что интерпретация средневековых рецептов невозможна без взаимодействия историков и специалистов физико-химического профиля.
2. Уточнение латинско-русского словаря средневековых технических терминов может стать подспорьем для специалистов, занимающихся вспомогательными историческими дисциплинами.
3. Введение в научные оборот малоизвестного источника по истории средневековых технологий.

Павлов А. П.

Испомещение членов Государева Двора в Белозерском, Вологодском, Галичском и Пошехонском уездах в царствование Михаила Федоровича

В годы Смуты произошло катастрофическое запустение земель и разорение дворянства. Уже с начала царствования Михаила Федоровича правительство, нуждаясь в военной и политической опоре, проводило политику по наделению новыми поместьями уездных дворян и членов Государева двора.

Наделения новыми поместьями осуществлялись главным образом путем раздачи черных и дворцовых земель в северных и северо-восточных районах страны, в том числе в Белозерском, Пошехонском, Вологодском и Галичском уездах.

Прояснить вопрос о масштабах испомещения членов Государева двора в Белозерском, Вологодском, Галичском и Пошехонском уездах позволяет, в частности, анализ территориального размещения выслуженных вотчин, пожалованных за московское осадное сидение в «королевичев приход» 1618 г. Из 388 думных людей и высших московских чинов (стольников, стряпчих и московских дворян), за которыми, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа, числились выслуженные вотчины за службы в «королевичев приход», 127 человек (32,7 %) владели вотчинами в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах.

Из 626 московских дворян, подавших в 1632 г. сказки о своих земельных владениях, треть (208 человек, или 33,2 %) показала за собой поместья и выслуженные вотчины в интересующих нас уездах.

Поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах составляли значительную долю в землевладении знати. Всего, по материалам писцовых книг 20-х – 30-х гг. XVII в., мы имеем сведения о земельных владениях в разных уездах 488 представителей знатных княжеско-боярских родов, из которых у 209 человек (42,8 %) встречаем поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах.

Таким образом, политика правительства царя Михаила Федоровича по испомещению верхушки служилых людей на черносошных и дворцовых землях в северных районах страны (в Белозерском, Пошехонском, Вологодском и Галичском уездах) проводилась весьма активно и земельные владения в этих новых районах заняли значительную долю в общем землевладении членов Государева двора.

Пиотровская Е.К.

Из истории одной византийской медали по описанию в бумагах митрополита Евгения Болховитинова из Архива СПб ИИ РАН

В бумагах митрополита Евгения Болховитинова, часть которых хранится в Архиве СПб ИИ РАН и входит в коллекцию Н.П. Лихачева, можно обнаружить записи о находке золотой византийской медали на Подоле в Киеве.

Загадкой является прочтение имени императрицы и определение других фигур, представленных на находке. Митрополит Евгений Болховитинов предполагал, что изображение связано с именем византийской императрицы Евдоксии (IV в.).

Однако, погружение в исследовательский процесс предполагает и иное прочтение, и отдельные уточнения.

Проничева К.В.

Участие России во Всемирной выставке 1862 года (по материалам РГИА и АВПРИ)

Лондонская выставка 1862 г. стала второй Всемирной выставкой, в которой участвовала Россия (пропустив Парижскую выставку 1855 г. по причине Крымской войны). Инициатором второй, как и первой, Лондонской выставки 1862 г., стал принц Альберт, который

скоростижно скончался в декабре 1861 г., что отрицательно сказалось на подготовке выставки в самой Англии и на отношении к ней со стороны (о чем свидетельствуют, в частности, депеши российского посла в Лондоне барона Ф. И. Бруннова за 1862 г.).

Россия приняла участие в выставке 1862 г. из политических соображений, с целью наладить отношения с Англией после военного противостояния 1853-1856 гг. В целом, взяв за основу принципы организации русского отдела, усвоенные в ходе подготовки к выставке 1851 г., Россия хоть и поразила зрителей своими мозаиками и другими художественно-промышленными изделиями казенных заводов, все же представила менее зрелищную экспозицию, чем на первом европейском смотре.

Особенностью выставки 1861 г. стало активное участие в ней Академии художеств (59 картин, 16 скульптур), чьи профессора почти в полном составе проигнорировали предыдущую выставку 1851 г., за исключением вице-президента Императорской Академии художеств графа Ф. П. Толстого. Поэтому европейцы впервые познакомились с русским изобразительным искусством лишь в 1862 г., и, как отмечал в своем письме профессор Ф. И. Иордан, которому было поручено заниматься организацией русского художественного отделения, «много видно было удивления, когда публика увидела перед собою в первый раз русскую школу и в ней столько достойных произведений».

Доклад представляет результаты архивной работы, проведенной в РГИА и в АВПРИ в 2022 году.

Проскурякова М.Е.

Обучение детей военнослужащих при гарнизонных полках в 1719–1740 гг.

Доклад посвящен проблеме комплектования гарнизонных частей грамотными и подготовленными к военной службе кадрами. В период с 1700 по 1740 гг. было опубликовано несколько указов, которыми регламентировались занятия сыновей военнослужащих. В докладе будут прослежены основные мероприятия властей по созданию профессионального военного сословия и обучению будущих унтер-офицеров, писарей, музыкантов и мастеровых при гарнизонных полках. В 1700 г. дети беглых крепостных, принятых на службу в воинские части, были освобождены от повинностей отцов; в 1719 г. солдатских сыновей исключили из числа податных сословий; и в том же 1719 г. сыновья всех военнослужащих нижних чинов получили доступ к военному образованию при полках. Издание указа о солдатских сыновьях в 1719 г. стало одним из мероприятий в череде решений, направленных на создание системы военно-учебных заведений в России. Соответствующие распоряжения были подтверждены в 1721 и 1726 гг. Обучение детей из военных семей при полках, начало которому было положено в 1719 г., получило окончательную институционализацию в 1731–1732 гг. Важным этапом в истории образовательных центров при гарнизонах стал Воинский штат 1731 г., определивший число малолетних солдат в каждом полку. Следующим шагом явился сентябрьский указ 1732 г., которым было объявлено об учреждении школ при гарнизонных воинских частях и принципы их пополнения воспитанниками. Разосланная по гарнизонам в октябре 1732 г. «Инструкция» офицеру-наставнику подкрепила сентябрьский указ и определила правила и условия обучения в школах. Решения 1731 и 1732 гг. не претерпели значительных изменений в законодательстве следующих лет. С помощью нововведений 1700–1740 гг. власти планировали решить острую проблему нехватки грамотных и квалифицированных унтер-офицеров. Им, как командирам низшего звена, следовало иметь навыки в письме и счете для выполнения повседневных служебных обязанностей.

В фокусе внимания автора находятся образовательные учреждения в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Результаты государственной политики изучены на основании отчетных документов о работе местных гарнизонных школ. Первые свидетельства обучения сыновей военнослужащих в Выборгской и Кексгольмской крепостях относятся к 1724 г. и содержатся в Журнале входящих бумаг Выборгской провинциальной канцелярии. В 1724 г. дети военнослужащих уже проходили обучение при гарнизонных полках в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Часть школьников с первого дня в школе получала жалованье,

будучи причисленными в полковой штат. Другие учеников не были официально приписаны к школе и не имели казенного кошта. Уроки посещали и дети обер-офицеров, и дети нижних чинов. Школьный курс начинался с изучения азбуки. Решение о переходе от одного предмета к другому принимал комендант крепости и полковые офицеры в связи с успеваемостью воспитанника. Для взрослых солдат, обучавшихся в Выборге инженерной науке, экзаменом являлась экспертиза чертежей. К середине 1720-х гг. в Выборге и Кексгольме сложилась практика обучения в школах и содержания школьников, которая в дальнейшем была закреплена законодательно. Это касалось системы зачисления «солдатских сыновей» на обучение с учетом их социального происхождения. Уже в первые годы существования школ были разработаны правила материального содержания учащихся, регламентированы учебные программы и проверка знаний. В целом концепция формирования новой социальной группы — сыновей военнослужащих — и их профессиональная подготовка к службе в армии успешно реализовывалась в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Гарнизонные школы были созданы для пополнения воинских частей грамотными унтер-офицерами, писарями, музыкантами, мастеровыми. Воспитанники двух Остзейских гарнизонных школ были готовы к исполнению такой службы и очень востребованы 1730–1740-е гг.

Пянкевич В.Л.

Письменные обращения горожан к руководителям блокадного Ленинграда

(Пянкевич В.Л. «Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!») Письменные обращения жителей блокадного Ленинграда к городской власти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 3. С. 1138-1153).

Основной корпус источников составили около 400 писем, датированных октябром 1941 – декабрем 1943 гг., сохранившиеся в архивном фонде Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта (ЦГАИПД СПб). Кроме того, использовались свидетельства об апелляциях горожан к руководителям Ленинграда из официальных документов, дневников, писем периода блокады, воспоминаний и интервью более позднего времени.

Направленные ключевым чиновникам городской власти письма были весьма эмоциональны, нередко исповедальны. Уже в приветствии могла присутствовать не терпящая отлагательств просьба. Главной причиной большинства письменных обращений блокадников к власти имущим была одна – угроза голодной смерти, но поводы были разными.

Чаще других с ходатайствами обращались актеры, художники, литераторы, ученые, учителя, преподаватели вузов. Значительную группу авторов писем составляли участники революции, гражданской войны, бывшие сотрудники партийно-государственного аппарата. Среди обращавшихся к властям за помощью были жены и дети известных людей, а также блокадники, не принадлежавшие к книжно-письменной культуре.

Многие авторы писем, осознавая прагматичность и утилитарное отношение власти к горожанам, стремились убедить адресата в своей нужности и ценности. Иногда, полагая, что собственных заслуг для получения поддержки недостаточно, ходатаи представлялись в качестве жен, матерей, отцов фронтовиков.

Чаще всего за помощью к властям обращались горожане, получавшие продовольственные карточки иждивенцев и служащих, которые обычно просили выдать рабочую карточку. Иждивенцы завидовали получателям рабочих карточек. Однако недовольство могло возникать и среди горожан, находившихся в одном статусе.

Особую группу составляли письма, авторы которых не просили ничего лично для себя, но ради общественного блага предьявляли претензии к согражданам, призывая, а порой и требуя от власти принять меры. Например, реквизировать запасы продуктов питания у эвакуирующихся. Авторы писем во власть были особенно критичны по отношению к работникам снабжения и торговли. Крайне тяжелое положение, в котором оказалось большинство горожан, порождало и недовольство властью. Такие критические, обычно анонимные, послания поступали с ноября 1941 до июля 1943 г.

Итогом рассмотрения обращений могло быть оказание продовольственной поддержки, но чаще ответ был отрицательным. Решение об оказании помощи определялось полезностью, настойчивостью ходатай, его известностью, а также личными предпочтениями или опасениями власть имущего. Впрочем, оказание помощи не обязательно вело к спасению, а некоторые деятели культуры и искусства Ленинграда выжили несмотря на то, что не были поддержаны. Отношение руководителей города к просителям, голодающим согражданам, определялось нетерпимостью к «слабовольным». В соответствии с властными установками, советский человек, ленинградец должен был быть героем-победителем, но никак не слабым «моральным дистрофиком» и жертвой. Обращаясь к власти, человек просил защитить право на жизнь, веря в сочувствие и участие в своей судьбе, хотя блокадники все чаще понимали, что надеяться надо прежде всего на себя.

Раздорский А. И.

Таможенные книги России XVI–XVIII вв.: количественная, хронологическая и географическая характеристика

Таможенные книги — основные массовые источники по истории торговли России XVII — первой половины XVIII в. Количественная, хронологическая и географическая характеристика корпуса этих документов в масштабах всей страны до сих пор отсутствует.

С начала 2000-х годов автор доклада занимается выявлением, учетом и систематизацией таможенных книг, хранящихся в центральных и региональных архивах. В представленном докладе изложены основные результаты проделанной работы.

Собранные данные о количественном, хронологическом и географическом составе таможенных книг носят сугубо предварительный характер и не претендуют на исчерпывающую точность и полноту. Это связано прежде всего с тем, что они получены главным образом в результате обследования архивных описей, а не просмотра самих документов *de visu*. В описях же, как известно, встречаются лакуны и неточности, хотя они, сколь мы можем судить на основании собственного опыта, все же не носят фатального и массового характера. В ряде случаев имеются сложности с интерпретацией информации о таможенных книгах, приведенной в описях.

Всего к настоящему времени выявлено свыше 4 тыс. таможенных книг по 320 пунктам, из которых 267 пунктов принадлежат к Европейской части страны и 53 — к Сибири. К XVI–XVII вв. относятся 1929 книг (1031 — к Европейской части, 884 — к Сибири; 14 книг не локализованы), к XVIII в. — 2040 книг (1472 — к Европейской части, 558 — к Сибири; 10 книг не локализованы). Не датированы 35 книг (6 — по Европейской части, 27 — по Сибири; 2 книги не локализованы). Всего, таким образом, по Европейской части выявлено 2509 книг, по Сибири — 1469 книг; 26 книг не локализованы.

Древнейшей дошедшей до нашего времени (в отрывках) таможенной книгой является книга Морёвской слободы (Деревская пятина Новгородской земли), датируемая 1599 г. Этот единственный известный источник рассматриваемого типа, относящийся к XVI в., хранится в Архиве СПбИИ. Повсеместное ведение таможенных книг было прекращено в результате реализации Таможенной реформы 1753–1757 гг., ликвидировавшей внутренние таможи. Но при этом составление особых конских книг продолжалось как минимум до начала 1770-х годов.

По трем пунктам выявлено свыше 200 таможенных книг (Тюмень, Тихвинский посад, Хлынов), еще по трем — свыше 100 (Илимск, Мангазея, Сольвычегодск). По 75 пунктам имеются таможенные книги как XVII, так и XVIII в., по 96 — только XVII в., по 146 — только XVIII в. К числу городов, по которым имеются только таможенные книги XVII в., относятся, в частности, Вологда, Орел, Смоленск, Тверь, Торжок, Тотьма. Только за XVIII в. выявлены таможенные книги, например, по Архангельску, Астрахани, Казани, Нижнему Новгороду, Туле.

Крупнейшее собрание таможенных книг сконцентрировано в РГАДА. В этом архиве выявлена 3181 книга (79,4 % от их общего количества). Помимо РГАДА эти источники выявлены еще в 15 архивах, библиотеках и музеях. Наиболее крупные собрания имеются в Архиве СПбИИ (свыше 300 книг) и Государственном архиве Тюменской области (свыше 200).

При рассмотрении вопроса о составе таможенных книг следует учитывать, что во многих таможенных составлялось сразу несколько синхронных книг разных типов. В XVIII в. количество разнотипных синхронных таможенных книг, составленных в одной таможне, могло исчисляться десятками. Так, например, в московских таможнях в 1730–1740-е годы ежегодно велись приходо-расходные книги около 30 типов.

Каждая подобная таможенная книга образует самостоятельную архивную единицу хранения и учитывается при подсчете источников как отдельный документ. Поэтому наряду с учетом общего количества таможенных книг целесообразно вести параллельный учет годовых комплексов таможенной приходо-расходной документации. Один такой комплекс может состоять из одной или нескольких синхронных таможенных книг, относящихся к одному пункту. Всего выявлен 2291 годовой комплекс. Наибольшее количество таких комплексов выявлено по Илимску и Тюмени (по 85), Мангазее (63), Енисейску и Тихвинскому посаду (по 60), Сольвычегодску (57), Великому Устюгу и Сургуту (по 50).

Есть основания полагать, что основной корпус таможенных книг к настоящему времени выявлен. В архивах могут быть найдены еще неучтенные таможенные книги (что подтверждает, например, факт обнаружения в 2019 г. в РГАДА ранее неизвестной таможенной книги Великого Новгорода 1677/78 г.), однако их количество едва ли будет сколько-нибудь значительным. Уточнить и пополнить уже имеющиеся сведения о количественном, хронологическом и географическом составе таможенных книг можно будет в ходе подготовки сводного каталога этих документов, потребность в котором, на наш взгляд, очевидна.

Рогозный П.Г.

Образ Иисуса Христа в пропаганде большевиков в годы Гражданской войны

Даже у учившихся в школе в советской время остался в памяти образ Иисуса Христа, идущего впереди красногвардейцев в поэме Александра Блока «Двенадцать». Многих тогда удивляло соседство основателя христианства с революционными солдатами.

Между тем образ Иисуса Христа становился деятельной фигурой в пропаганде новой власти. Еще более ясней Блок высказался в это же время в своем дневнике. «“Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем».

И если Блок был беспартийный и печатался в газете левых эсеров, то другой поэт, известный своей религиозностью, Николай Клюев даже вступил в 1918 году в партию большевиков и пытался соединить в стихах учение Христа и новую власть.

Атеистические взгляды лидеров большевиков Ленина и Троцкого конечно известны, однако и они вынужденно и временно отказались от пропаганды своих взглядов, и даже главная газета большевиков «Правда», всячески осуждая «церковников», упрекала их в том, что они отошли от учения Христа.

Даже Петербургский комитет большевиков призывал «не смешивать поповскую веру с христианством».

Дело доходило даже до того, что человек начинающий говорить об Иисусе Христе мог восприниматься как представитель новой власти. «А ты не большевик будешь?»

Попытки антирелигиозной пропаганды действенной в рабочей среде, в крестьянской, даже сочувствующей новой власти, вызывало озлобление.

По сути антирелигиозная пропаганда вполне заменялась антиклерикальной в духе русской радикальной интеллигенции, разделявшей Христа и церковь. («Христос первый провозгласил лозунги свободы, равенства и братства»).

Даже такая антицерковная акция новой власти, как вскрытие мощей, обставлялась своеобразной риторикой в духе времени, что «попы обманывают народ, забыв заветы Иисуса Христа. Они ввали вам про нетленные мощи».

Особенно образ Иисуса Христа активно использовался большевиками в провинции и в местах боевых столкновений периода Гражданской войны.

Во-первых, в своей пропаганде большевики отвергали сам факт каких-либо гонений на религию вообще.

Во-вторых, в своей пропаганде большевики объясняли «почему попы пошли против Советов? Потому что забыли заветы Христа и думают только о своих доходах».

Следует отметить что в церковной прессе была отмечена попытка новых властей «сделать Иисуса Христа первым большевиком».

И хотя в целом религиозный фактор в Гражданской войне занимал незначительное место, однако такого рода пропаганда была наиболее действенна.

Румынская М. Н.

Подготовка публикаций сотрудников СПбИИ РАН в 2022 г.

Около 4-х лет идет работа по подготовке к изданию дневников архивиста-палеографа Николая Васильевича Тимофеева (1869–1942), который около 30 лет работал у гр. С.Д.Шереметева, председателя ОЛДП, заведовал его личным архивом (1899–1917), затем сотрудника Археографической комиссии, БАН, Историко-археографического института (с 1932 по 1934 г. заведовал архивом) и ЛОИИ (1936–1939). В 2022 г. была продолжена расшифровка и электронный набор дневников, который сейчас завершен. Дневники охватывают период с 1902 по 1942 г.

В 2022 г. летом в Библиотеке Российской академии наук состоялся научный семинар памяти ведущего научного сотрудника БАН, кандидата исторических наук, в течении шестнадцати лет возглавлявшей Научно-исследовательский отдел редкой книги Елены Алексеевны Савельевой (внучки Н.В.Тимофеева), где родственниками были переданы цифровые копии еще трех дневников 1904, 1905 и 1942 годов. Электронный набор этих дневников также завершен.

Дневники 1904 и 1905 годов подробно отражают ходившие в Петербурге слухи, а также известия из газет о русско-японской войне 1904–1905 гг., волнениях и забастовках 1905 года. Довольно подробен в бытовом плане блокадный дневник, где Н.В. также уделяет много внимания известиям из газет о событиях на фронтах, нормам выдачи продуктов, слухам о смертности в городе. Последняя запись в дневнике 16 марта 1942 г. Через две недели, 1 апреля Николай Васильевич скончался от голода.

Всего в публикацию войдет 22 дневника-книги объемом около 45 п. л. Основная проблема состояла в подготовке научного комментария. В связи тем, что создан авторский коллектив для подготовки комментариев, сейчас ведется сверка текстов с цифровыми копиями дневников, уточнение ранее не верно прочитанных фраз и слов. Продолжена работа над составлением, уточнением и дополнением именного аннотированного словника. Объем аннотированного словника сейчас составляет 1 п. л., т. е. более 600 имен. Вероятнее всего, он увеличится в процессе уточнения и дополнения.

В 2022 г. вышли в свет две книги с грифом СПб Института истории, в подготовке к печати которых я принимала непосредственное участие.

Книга И.П. Медведева «Историки в истории: поиски и свершения: Сборник статей» объемом 528 с. вышла в Москве в «Издательском доме ЯСК». В книге собраны статьи разных лет, открывающие малоизвестные и неизвестные факты научной деятельности ученых-византистов XIX – первой трети XX в., связанных с петербургской школой византиноведения. Мое участие заключалось в составлении сборника, поиска материала по библиотекам, электронный набор и вычитка текстов, на конечном этапе – корректура макета сборника.

Монография М.Б.Свердлова «Российская историография второй половины XVIII века» объемом 544 с. вышла в издательстве «Нестор-История» уже после кончины автора, в конце лета 2022 г.

В связи со сложившимися обстоятельствами – болезнью М. Б., мне пришлось подключиться к работе над книгой. Последний этап работы – подготовка макета монографии к печати, т.е. три корректуры, одна из которых фактически была редакторско-корректорской и в

самом начале согласовывалась с автором (в дальнейшем этой возможности не было). Самой сложной оказалась работа после правки монографии редактором и корректором издательства.

Рупасов А. И.

Проблемы перспективного планирования развития экономики Северо-Западного региона РСФСР (вторая половина 1920-х гг.)

В основе разработок перспективных планов развития Северо-Западной области, к которым приступили на рубеже 1924–1925 гг., лежала оценка промышленного и сельскохозяйственного потенциала, а также динамики численности населения, определение сезонности высвобождаемых рабочих рук. Что касается последнего, то сколько-нибудь точных данных о масштабах механического движения сельского населения области и размерах отхода, как временного, так и окончательного не имелось, что и вынуждало основывать планирование в области рынка труда только на косвенных данных.

Восстановительная стоимость средств производства Северо-Западной области оценивалась приблизительно в 1 млрд червонных рублей, в силу этого необходимость ускорения «развертывания ленинградской промышленности» ставила трудновыполнимую задачу изыскания этих финансовых средств. Покрытие потребностей промышленности в оборотных средствах Центром признавалось недостижимым, а ее краткосрочное банковское кредитование недостаточным. В качестве ресурсной базы получения этих средств при планировании исходили из туманных перспектив наращивания областного экспорта. При этом, основным поставщиком экспортных товаров должно было стать сельское хозяйство, а получаемая валютная выручка должна была почти полностью поглощаться областной промышленностью и только частично идти на приобретение товаров народного потребления (в последнем случае предусматривались меры перекрытия поступления этих товаров на рынок, т.е. речь шла, в основном, о распределении через контролируемые государством, рабочими кооперативами и профсоюзами структуры).

При планировании «ускорения темпа развертывания ленинградской промышленности» признавалось, что главными условиями успеха (помимо финансирования) станут: перераспределение центром госзаказов, развитие портового хозяйства, изменение тарифной политики наркомата путей сообщения, модернизация ленинградского железнодорожного узла, обеспечение сырьем (импортным), резкое увеличение энергообеспеченности и др. Считалось, что частично решение финансирования промышленности за счет уничтожения конкуренции между обществами взаимного кредитования (ОВК) и «государственным кредитным аппаратом в деле привлечения сбережений населения во вкладные операции».

Однако даже попыток областной плановой комиссии определить масштаб необходимых в подъем сельского хозяйства финансовых средств даже не предпринималось, хотя и ставился вопрос о «проектируемых мероприятиях в области сельского хозяйства и по укреплению крестьянского хозяйства», под которыми понималось систематическое развитие крестьянского молочного хозяйства, так и развитие сети маслодельных заводов, расширение площади посевов и сбора технических культур, введение в обиход крестьянских хозяйств улучшенных орудий земледелия, «укрепление жизнеспособных и устойчивых крестьянских промыслов», создание колонизационного земельного фонда и мелиоративных земель.

Отдельной проблемой в планировании экономического развития области являлось планирование так называемой колонизации Карело-Мурманского края, так или иначе, но создававшее трения с руководством Карельской автономии. Устранение этих трений виделось через освобождение властей Карелии от такой трудновыполнимой задачи, как снабжение населения колонизируемых территорий.

Совокупность проблем, с которыми в разработке перспективных планов экономического развития региона столкнулось Северо-Западное областное экономическое совещание, осложняемых диктатом Центра при определении параметров этого развития и его сдержанностью в отношении просьб региональных властей о дополнительном финансировании, превращало сам процесс выработки этих планов в некую фикцию. На практике это планирование сводилось к согласованию довольно ненадежной информации, получаемой от

губернских экономических совещаний, с присылаемыми из Центра нормативами. Ущербность этой практики выявилась довольно быстро, поставив под вопрос саму необходимость существования СЗОЭКОСО.

Рупасов А.И.

Ленинградский городской и областной государственные арбитражи: практика и противоречия во взаимоотношениях

Начиная с 1943 г. процесс восстановления предвоенной правовой дисциплины предприятий и организаций Ленинграда постепенно становился все более очевидным. Это отразилось на деятельности городского и областного государственного арбитража. Распространенная ранее практика неучастия сторон по объективным или необъективным причинам в заседании государственного арбитража ушла в прошлое, заинтересованность в урегулировании взаимоотношений через процедуры госарбитража резко возросла. Кроме того, обязательность заключения предприятиями и организациями договоров об оказании услуг, как и право арбитража отслеживать выполнение своих решений и решений Ленгорисполкома и Леноблисполкома (что ранее не входило в его компетенцию) практически перестали оспариваться. Государственный арбитраж стал значительно активнее прибегать к возбуждению дел по собственной инициативе (практика т.н. сигнализации).

Фактически государственный арбитраж все более превращался в орган государственного управления, хотя, по мнению юристов, в соответствии с советским законодательством он таковым органом не являлся, административной властью не обладал, а следовательно, не обладал и правом распоряжения. Однако, добившись права контроля и используя право сигнализации о дефектах в хозяйственной деятельности предприятий и организаций, арбитраж де-факто приобрел статус органа управления.

Одной из проблем в решении некоторых споров между предприятиями и организациями являлись взаимоотношения между городским государственным арбитражем и областным государственным арбитражем в вопросах подсудности. Нередко, в силу тех или иных причин, дела, которые по своей подсудности должны были рассматриваться областным государственным арбитражем (в основном речь шла о предприятиях союзного и республиканского подчинения, кроме того, практически все предприятия города, работавшие на оборону, были выведены из сферы подсудности городского арбитража), оказывались рассмотренными в заседаниях городского госарбитража, а последний, даже зная, что вторгается в сферу подсудности областного госарбитража, тем не менее принимал дела к рассмотрению. Обуславливалось данное явление бытовавшим среди управленческих кадров ленинградских предприятий представлением, что именно городской госарбитраж лучше способен отстаивать интересы города.

Однако, восстановление правовой дисциплины, насколько можно судить, происходившее на всей территории государства, обуславливало осторожность городских властей, проявленную в отношении инициативы главы городского госарбитража, предусматривавшую изменение подсудности подсудности в сторону ее расширения. Формальный отказ в одобрении этой инициативы отнюдь не препятствовал тому, чтобы на практике ленинградский городской госарбитраж приобретал черты административного органа, органа управления.

Сазонова Т. В.

Монастырские ярмарки в Белозерском уезде в XVII в.

В XVII столетии в Белозерском крае насчитывалось более 20 монастырей, среди которых и крупный и влиятельный Кирилло-Белозерский монастырь, и небольшие пустыни. Они были не только духовными, но и экономическими центрами, проявлением чего являлись ярмарки, проводившиеся у стен обителей в дни памяти святых основателей или престольных праздников.

Ярмарка у стен Кирилло-Белозерского монастыря проходила трижды в год: в июне — Кирилловская, в августе — Успенская и в ноябре — Введенская. У стен Кирилло-Новоезерского монастыря ярмарки проходили весной: на дни памяти преподобного Кирилла Новоезерского 4 февраля и Алексея человека Божия 17 марта.

На ярмарке монастыри собирали полавочный сбор, также получали доход от ярмарочной харчевни и «поваренной избы». Доход получали не только монастыри, у стен которых проводились ярмарки: известно, что деньги от перевоза через Шексну составляли важный источник дохода Горицкого девичьего монастыря, когда большое количество людей ехало на ярмарку в Кирилло-Белозерский монастырь; белозерские кабацкие целовальники устраивали кабаки под стенами монастырей, что приводило к конфликтам, подробности которых также отражены в источниках. Так, например, известно о нескольких пожарах в Горицком монастыре, вызванных «пьяными людьми», несмотря на прямой запрет ставить кабаки у стен девичьего монастыря.

Ярмарки имели в первую очередь местное значение. Основными покупателями на ней выступали крестьяне окрестных деревень. Для них ярмарка была удобной возможностью приобрести необходимые товары. Однако во второй половине XVII в. монастырские ярмарки вышли за рамки узколокального явления, на что указывает состав участников, включающих жителей как северных уездов, так и «нижних» городов вплоть до Москвы.

По мнению А. Х. Горфункеля, исследовавшего хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря, «монастырская ярмарка теряет значение узко местного рынка и становится важным торговым центром объединяющим население ряда северных уездов, обеспечивающим налаживание торговых связей с отдаленными пунктами Русского государства».

Сафонов М.М.

Опочивальня Павла I 11 марта 1801 г.

Будучи наследником престола вел. кн. Александр намеривался превратить строящийся Михайловский замок в музей изящных искусств и «публичную книгохранительницу». Однако, когда он стал императором благодаря убийства его отца, этим планом не суждено было осуществиться. После дворцового переворота 11 марта 1801 г. Михайловский замок стал местом паломничества всех любопытных. Особой популярностью пользовалась опочивальня Павла I — место цареубийства. Очевидцы на местах показывали, как все произошло, хотя многих предметов там уже не было. Вдова Павла вывезла личные вещи убитого со следами преступления и поместила их перед входом в свой кабинет в Павловске. В последнем варианте своего завещания вдовствующая императрица завещала их своему второму сыну вел. кн. Константину Павловичу. Этому факту историки никогда не придавали важного значения. Современные исследователи считают Константина «единственным не замешанным» в убийстве Павла членом императорской фамилии. Так, например, Н.Я. Эйдельман, автор наиболее обстоятельного исследования событий в Михайловском замке, утверждал, что Константин в ту мартовскую ночь «спал как сурок». Историк основывался на записках А.Ф. Ланжерона, кои считал самым «важным источником». Эти записки содержали записанный мемуаристом рассказ Константина о том, что в ночь переворота «он спал, как спят в 20 лет». Большинство историков событий 11 марта также высоко оценивали этот источник, содержащий сведения о том, что Александр заранее дал согласие на убийство отца. Мне удалось установить, что пресловутые записки Ланжерона в действительности являются литературной мистификацией, имевшей целью отомстить императору Александру за несправедливую отставку французского эмигранта. На самом деле Константин, будучи шефом Конного полка, несшего караул перед опочивальней царя в ночь убийства, сделал всевозможное, чтобы оставить отца без вооруженной охраны. Не посчастливилось обнаружить в архиве и опубликовать приказ Павла о высылке этого полка из Петербурга в ночь на 12 марта, последний документ убитого царя. Так что кровь отца лежала и на цесаревиче. Не в меньшей степени, чем на его старшем брате. Таким образом носившие следы крови вещи Павла, завещанные матерью Константину, служили немым укором своему второму сыну. Нет никаких сведений о том, что в Стрельне Константином в своем дворце был

создан мемориал Павла. После смерти цесаревича вещи его отца были переданы в Гатчину, где до Отечественной войны 1941 г. существовала мемориальная комната Павла I. Но подлинность хранившихся в ней вещей вызывает сегодня много вопросов.

Что же касается событий в опочивальне 11 марта, то за 50 лет, которые я посвятил расследованию переворота, мне удалось обнаружить и опубликовать дневниковую запись рассказа Константина об убийстве отца, сделанную бывшим воспитателем цесаревича К.И. Остен-Сакеном 15 апреля 1801 г. Это - один из самых ранних документов о цареубийстве, исходящих, к тому же от члена императорской фамилии, ненавидевшего своего отца. Благодаря этой записи мне посчастливилось точно установить фамилии 6 лиц, проникших в императорскую спальню (среди них ранее неизвестный персонаж подполковник Кирасирского полка Лашерн фон Герцфельдт), существенно уточнить конкретный ход событий, там развернувшихся, узнать, кто нанес первый удар и определить имена 3 убийц императора. Осенью 1801 г. они были удалены со службы, а дверь в опочивальню в Михайловском замке надолго заколотили.

Седов П. В.

Заговор при входе в судебную палату начала XVIII в.: из документов Успенского Тихвинского монастыря

Традиция историко-юридического изучения судопроизводства Московского государства уделяла наибольшее внимание истории учреждений и законодательства. Неформальная сторона судебных отношений изучена крайне слабо, что связано с плохой сохранностью источников частного происхождения.

Компенсировать утрату источников личного происхождения частично помогают монастырские архивы, сохранившиеся в несравненно лучшей степени, что позволяет в деталях проследить неформальные, закулисные обстоятельства судебных процессов.

Такой подход к проблеме вызвал решительные возражения со стороны Л. А. Тимошиной. С ее точки зрения, привлечение монастырской переписки для изучения судебных дел «после, разумеется, их тщательного источниковедческого анализа возможно, но основой подобных исследований должна оставаться приказная документация» (Тимошина Л. А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 276–277). Трудно согласиться с подобным делением источников на «удобные» и «неудобные» для исследователя. Получается, что те источники, которые подтверждают выводы Л. А. Тимошиной, следует взять за основу, а те, которые опровергают эти выводы, необходимо использовать во вторую очередь.

Данное сообщение призвано обратить внимание на неформальную сторону судебной практики, связанную с переживаниями челобитчиков. Обнаруженный в фонде Успенского Тихвинского монастыря заговор на вход в судебную палату начала XVIII в. отражает восприятие судопроизводства, когда многое зависело не от челобитчика и даже не от закона, а от произвола судьи. Такая ситуация порождала практику подношений чиновникам, а если это не помогало, то и обращение к потусторонним силам, о которых люди того времени никогда не забывали.

Сиренов А.В.

Некрополь суздальского Рождественского собора в XVI–XVII вв.

Собор Рождества Богоматери в Суздале принадлежит к числу выдающихся памятников домонгольского владими́ро-суздальского зодчества. Он находится на территории так называемого суздальского Кремля – древнего детинца, где позднее был расположен Суздальский архиерейский дом. Первый каменный храм на этом месте построили еще в начале XII в. Его упавшие стены до настоящего времени сохраняются в толще культурного слоя. Нынешнее здание собора воздвигнуто в 1223 г. при князе Юрии Всеволодовиче [Воронин, с.

19]. От того времени сохранились стены высотой до аркатурного пояса, остатки стенных росписей и двое дверей, выполненных в технике «золотой наводки». Рождественский собор серьезно пострадал в 1445 г. во время штурма Суздаля войском под командованием сыновей хана Улу-Мухаммеда. Охвативший город пожар привел к тому, что в соборе «начаша святительские гробы горети изнутри и падати», а само здание рухнуло. Собор был восстановлен только в 30-е годы XVI в., оставаясь кафедральным для суздальских архиереев и служа некрополем для них и для потомков суздальских удельных князей – для представителей родов князей Шуйских, Скопиных-Шуйских, Горбатовых, Ногтевых, а также для князей Бельских – Гедиминовичей, получивших вотчины в Суздальском уезде.

По летописным данным, в Рождественском соборе были похоронены сын Юрия Долгорукого Святослав в 6682 (1174) г., вдова князя Михалки Юрьевича Февронья в 6710 (1202) г., нижегородский князь Борис Константинович и, вероятно, другие суздальские удельные князья.

В настоящее время некрополь суздальского Рождественского собора представлен несколькими каменными саркофагами, двумя надгробными плитами, одной надгробной и четырьмя настенными надписями.

По письменным источникам можно реконструировать состояние некрополя в середине – второй половине XVII в. Так, у алтаря на вскрытии покоились мощи святых епископов Феодора и Иоанна. У западных столбов в наосе находились гробницы еп. Симеона (ум. в 1515 г.), еп. Пафнутия (ум. в 1570 г.) и архиеп. Арсения Эласонского (ум. в 1626 г.). Несколько севернее – гробница еп. Тихона (ум. в 1786 г.). У восточных столбов в наосе – гробницы еп. Герасима (ум. в 1615 г.), архиеп. Софрония (ум. в 1654 г.), архиеп. Галактиона (ум. в 1609 г.). В западном притворе – три гробницы князей Скопиных-Шуйских. В южном притворе – шесть гробниц князей Бельских. В северном притворе – погребения митр. Илариона (ум. в 1705 г.), архиеп. Софрония (ум. в 1654 г.) и еп. Афанасия. У южной стены собора располагались погребения князей Горбатовых-Шуйских. Вдоль северной стены – погребения князей Шуйских и князей Ногтевых. В Благовещенском приделе находились гробницы митр. Сильвестра (ум. в 1760 г.) и еп. Геннадия (ум. в 1775 г.).

В XVII в. в соборном некрополе не числится ни одного древнего погребения за исключением двух епископских – епископов Феодора и Иоанна, историчность которых до сих пор не доказана. Остальные погребения относятся к XVI–XVII вв. Таким образом, некрополь Рождественского собора оформился уже после восстановления самого здания, т.е. после 30-х годов XVI в. Представляется необычным, что суздальские вотчинники XVI в. князья Шуйские, Скопины-Шуйские, Горбатые, Ногтевы и Бельские свои родовые некрополи устроили не в Спасо-Евфимиеве монастыре, а в кафедральном соборе. Нормативным для XVI в. было появление боярских родовых некрополей именно в крупных монастырях. Здесь же встречаем редкое исключение из этого правила, и оно заслуживает внимания. В кафедральных соборах хоронили в основном епископов, однако старинные кафедральные соборы имели и княжеские некрополи. Таковы соборы во Владимире, Твери, Рязани. Характерно, что некрополь московских князей изначально был расположен в монастырском храме Спаса на Бору. Однако в начале XVI в. Василий III озаботился статусом великокняжеского некрополя, и после постройки нового здания Архангельского собора туда были перезахоронены представители разных ветвей московской династии. Таким образом, был сформирован великокняжеский некрополь. Архангельский собор со временем получил статус кафедрального, что было также необычно, поскольку его настоятель был епископом без епархии. Вероятно, эти усилия великокняжеской власти по устройству статусного родового некрополя вызвали подражание и в среде тогдашней элиты. Суздальские князья, составлявшие единый клан при великокняжеском дворе, а также ставшие суздальскими вотчинниками их политические противники Бельские избрали восстановленный древний суздальский собор местом своих родовых некрополей. Это подчеркивало их знатность, выделяло из числа других представителей Боярской думы и государева двора, что имело, можно думать, особенное значение на рубеже 30–40-х годов XVI в., когда основными действующими лицами во внутренней политике страны были представители кланов Шуйских и Бельских.

Смирнов К.А.

Разработка программного обеспечения для визуализации гиперспектральных данных

На настоящий момент в методах машинного обучения и интеллектуального анализа изображений исследуются возможности применения метода гиперспектральной визуализации для различных задач. В то время, как глаза человека и обычные камеры видят изображение только в трех широких диапазонах частот света, гиперспектральные камеры делят спектр света на гораздо большее число полос, не ограничиваясь только видимым спектром. Данный подход позволяет оперировать разностью отражательной способности, зависящей от длины волны, материалов в сцене, что, например, позволяет реализовывать задачи от чтения угасших текстов до классификации данных.

Обычное цветное изображение является результатом объединения 3 изображений в оттенках серого, где каждое такое изображение отвечает или за красный, или за зеленый или за синий цветовой канал. То есть цветное изображение состоит из 3 каналов. Считается, что изображение, число каналов которого не превышает 10, называется мультиспектральным, а если число каналов больше 10, то оно называется гиперспектральным. Следовательно, можно ожидать, что содержание информации в гиперспектральном изображении будет очень большим, и чтобы собрать и обработать всю эту информацию необходимо воспользоваться методами статистической обработки данных.

Наиболее популярным методом работы с многомерными данными является метод главных компонент или PCA. Помимо широкого применения PCA для многомерного анализа его часто используют в качестве исследовательского инструмента для гиперспектральных изображений. При помощи PCA получают максимальное количество информации от гиперспектральных данных в адаптированном под восприятие человека виде. То есть, после использования PCA вместо большого количества каналов, из которых состоит гиперспектральное изображение, получают небольшое количество каналов, где вся информация из каналов гиперспектрального изображения «концентрирована» в каналы, полученные PCA. PCA сокращает количество времени, которое необходимо на анализ, объединяя разрозненные данные на одном изображении.

Было разработано программное обеспечение для удобной работы с гиперспектральными изображениями, которое включает в себя выше перечисленные возможности, а именно просмотр по каналам гиперспектрального изображения и результаты обработки изображения методом PCA, а также некоторые другие инструменты, повышающие удобство просмотра изображения, такие как CLANE и объединение каналов в псевдоцветное изображение.

В итоге, при помощи гиперспектральной камеры Specim IQ, которая получает данные в диапазоне, примерно, от 400 нм до 1000 нм, снимается документ. Получившиеся гиперспектральные данные передаются на компьютер. Далее, пользуясь разработанным программным обеспечением, пользователь может открыть и посмотреть по каналам получившиеся гиперспектральные изображения, посмотреть результаты обработки PCA, выбрать необходимые результаты и сохранить их.

Смирнов Н. Н.

Альбер Тома в Москве в апреле 1917 года

Основные источники – дневник А. Тома, опубликованный в 1973 г. в журнале «Cahiers du monde russe et soviétique», v.14, №1-2, p.152-157; личный фонд А. Тома в Национальном архиве Франции (AN. 94 AP); отчеты бельгийского консула в Москве Альбера Ремса (см.: Moscou – 1917

Rapports d'Albert Remes, consul général du Royaume de Belgique Édition établie, présentée et annotée par Gaël-Georges Moullec. SPM. 2020. P.152-161); периодическая печать Москвы и Петрограда («Московские ведомости», «Пролетарий», «Речь» и др.) от 7-13 мая 1917 г.

Прибытие и первый день пребывания в Москве (7 мая 1917 г.) – встреча на вокзале, беседы с гражданскими и военными властями города, французскими офицерами и членами французской колонии в Москве. Митинг-концерт в Большом театре, организованный Бундом.

Второй день пребывания в Москве (8 мая 1917 г.) – беседы в комитете общественных организаций. Визит в Совет солдатских депутатов для встречи с представителями этого Совета и Совета рабочих депутатов.

Третий день пребывания в Москве (9 мая 1917 г.) - Беседы с М. М. Федоровым (ЦВПК) и Е. Смирновым (редакция газеты «Власть народа»), представителями польского консульства. Встречи в центральном военно-промышленном комитете, земгоре. Встречи во французском консульстве. Участие в вечернем заседании Московской городской думы для получения звания «Почетный гражданин города Москвы». Отъезд из Москвы в Киев.

Срединская Н.Б.

Concessio feudi в Ферраре XIV в.

Средневековая Феррара неоднократно предоставляла материал для рассмотрения наиболее дискуссионных моментов, связанных с поземельными отношениями, и в частности, со значением вассально-феодальных связей в городе и его округе. Тревор Дин, автор книги «Земля и власть в позднесредневековой Ферраре» (Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The Rule of the Este, 1350-1450. Cambridge, 2002) считает, что в Италии феодальное господство было реальностью. Это мнение идет вразрез с тенденцией медиевистов Северной Европы минимизировать его значение или писать так, как если бы феодалы и вассалы никогда не существовали. «Феодальный век», как считает Т. Дин, явно не заканчивается к концу XII столетия. Автор не отрицает, что феодализм в середине XV в. конечно, отличался от феодализма середины XIII-го, но, по его мнению, в Северной Италии он не был разрушен. Исследования поземельных отношений в Ферраре XIV в. показывают, что феодальные узы являлись там лишь частью картины; проблема, однако, состоит в том, чтобы установить, насколько велика была эта часть в жизни средневековой Феррары. Приблизиться к решению этой проблемы может рассмотрение формуляра подлинных, не публиковавшихся ранее феррарских актов инвеституры феодалом из Архива СПбИИ РАН.

Инвеститура правом феодала, возобновление права феодала. Высокородный и славный господин Альдобрандино, маркиз д'Эсте [АЛЬДОБРАНДИНО III], сын доброй памяти покойного господина Обиццо, маркиза д'Эсте, [ОБИЦЦО III], действуя также от имени своих братьев Николо, Фолько, Уго и Альберто инвестирует Пьетро Канино и его племянника Джованни Валенте де Делакорис из Бондено земельным держанием по праву феодала: участок включает пашню, лес и заболоченные места в Бондено, в месте, называемом Альтедо. Акт характеризует предоставляемые в феодал земли. Площадь пожалованного участка не названа, но можно предположить, что имение, включавшее пашню, лес, болото, достаточно обширно и могло предоставить обладателю немалый доход. Речь идет не только о пашенной земле и лесе, не меньший доход могли предоставить valli болотистые почвы феррарской округи: там устраивали солеварни и рыбоводческие хозяйства. То, что в феодал предоставлялась земля, а не, скажем, право на часть десятины, характеризует политику синьоров д'Эсте, обладателей громадных земель. Передавая в феодал земли, д'Эсте привлекали сторонников. Это и помогло раннему установлению синьории д'Эсте в Ферраре и тому, что синьория была самой прочной и долгой в Италии – она продержалась 300 лет. Пьетро и Джованни Валенте приносят на Евангелии клятву верности по обычаю вассалов.

Предлагаемый акт относится к числу канцелярских, или публичных актов, он издан в канцелярии маркизов д'Эсте, о чем говорит подпись нотариуса. Однако документ не скреплен ни подписью маркиза Альдобрандино, ни печатью – действительность ему придает сочетание нотариального знака в верхней левой его части и подписи нотариуса. Этим, по крайней мере внешне, документ похож на нотариальный, частный акт.

Далее в акте указано, какие права вассалы получают на пожалованные им земли. Они предоставлены «им, их законным детям и потомкам мужского пола для обладания, держания,

владения и пользования плодами»... (то есть всеми доходами) *iure feudi* – по праву феода. Отметим, что право распоряжения (продать, подарить землю, переданную по праву феода), к правомочиям вассалов не относится.

Продолжает ту часть акта, которая характеризует основания, на которых вассалы получают земли маркизов д'Эсте, требование никоим образом не наносить ущерба имуществу и правам синьоров: «настоящая инвеститура да не причинит и не сможет причинить никакого ущерба самим господам маркизам и их правам на этот феоде».

Сравнение рассматриваемого акта 1353 г. с сохранившимися образцами показывает следующее: в акте 1353 г. не расписаны обязательства синьоров по защите прав вассалов в суде и пр., гораздо менее подробно обозначены обязательства вассалов; формуляр *Concessio feudi* в нашем документе сокращен.

На основании рассмотрения только одного документа вряд ли возможно делать выводы, можно лишь с осторожностью предположить, что он подтверждает мнения исследователей, основанных на других источниках, о предоставлении синьорами д'Эсте своих земель в феоде вассалам как на основе их власти и могущества. Также можно предположить, что рассмотрение формуляра актов инвеституры феоде на более солидной источниковой базе может открыть новую сторону проблемы.

Стефаненко А.Ю.

Трудовые мобилизации населения в блокадном Ленинграде

Несмотря на то, что одной из магистральных тем истории Великой Отечественной войны являлся трудовой подвиг населения, трудовые мобилизации не стали предметом специального изучения. В исследовательской литературе преобладали количественные характеристики проделанной мобилизованными работы, без характеристики основных кампаний и анализа реализации решений высших органов власти на местах.

Ленинградское руководство еще до Великой Отечественной войны было вынуждено прибегать к ситуативному использованию трудовых мобилизаций. В условиях третьей пятилетки предприятия города и области испытывали нехватку техники, квалифицированных специалистов, а также чернорабочих. Вместе с тем, у ленинградских руководителей возникла идея создания местной ресурсной базы, которая позволила бы не зависеть от привозного топлива (угля, нефти). Следствием этого стало преобладание исключительно экстенсивных методов добычи ресурсов, требующих привлечения значительного количества рабочих рук. По этой причине быстрый переход к интенсивным методам работы в условиях войны был невозможен.

Война показала отсутствие продуманного плана мобилизации населения на трудовые работы. В отличие от мобилизаций в Красную Армию, отправка на строительство оборонительных рубежей в Ленобласти и внутри Ленинграда показала, что отсутствуют заранее составленные списки лиц, подлежащих мобилизации на трудовые работы и списки на бронирование; нет единой структуры, которая бы осуществляла контроль на всех этапах. Именно в период лета-осени 1941 г. возникли два основных метода мобилизации населения: небольшие «летучие отряды» из высококвалифицированных специалистов и массовые мобилизации населения на различные работы.

К декабрю 1941 г. стало очевидно, что необходимо прибегать к массовым мобилизациям населения на лесо- и торфозаготовки, так как город испытывал острую нехватку топлива, от которого зависело функционирование предприятий. При этом если в начале кампании приоритет отдавался рабочим законсервированных учреждений, то в последующие годы к трудовым мобилизациям стали привлекать трудящихся всех предприятий Ленинграда. Рабочие переписи 1942 г. свидетельствуют, что на каждом заводе города имелись лица, числящиеся на заготовке дров или торфа.

Характерной чертой трудовых мобилизаций в годы блокады являлся отход от репрессивных методов, преобладавших в первые месяцы Великой Отечественной войны, к стимуляции работников посредством всевозможных поощрений. Важным стало и постоянное

продление сроков мобилизации, а затем и закрепление мобилизованных за штатами предприятий.

Снятие блокады не привело к отмене трудовых мобилизаций. Они продолжали использоваться вплоть до конца 1940-х гг., что обуславливалось нехваткой рабочих рук и возвращением к довоенной идее создания местной ресурсной базы.

Таценко Т.Н.

Имперский суд в конфликтах ганзейских городов с императорской властью в начале Нового времени (по материалам Научно-исторического архива СПб ИИ РАН)

Создание имперского суда было провозглашено в 1495 г. на рейхстаге в Вормсе римским королем Максимилианом, впоследствии императором Максимилианом I. Он был создан в рамках так называемой имперской реформы для предотвращения вооруженных конфликтов в империи правовым путем. Имперский суд, дословно «Императора и Священной империи палатный суд (des Kaisers und des Heiligen Reichs Cammergericht)» предназначался для имперских сословий, лиц и институтов (князей, владетельных государей, городов), имевших имперский статус. Он был апелляционным судом первой инстанции, куда также могли обращаться и лица, подсудные судам низшей юрисдикции, но не получившие там удовлетворения своим искам.

В ЗЭС Архива СПб РАН хранятся несколько подлинных документов, в которых в той или иной степени нашла отражение деятельность имперского суда в начальный период его истории. Два из них касаются дел, связанных с ганзейскими городами (446/21, 424/1). Первый, наиболее содержательный из них, представляет собой однолистный печатный мандат короля Максимилиана от 5 июня 1497 г. об опале ганзейских городов Данцига и Эльбинга.

Из мандата мы узнаем, что опала связана с делом некоего имперского подданного Томаса Йодека, который в 1496 г. обратился в имперский суд с жалобой на Данциг и Эльбинг «по поводу задержанных и конфискованных у него [названными двумя городами] грузов с зерном». Йодек купил в Мазовии 600 ласт пшеницы, которые на судах были направлены вниз по Висле для вывоза через порты, контролируемые Данцигом и Эльбингом. Грузы были, однако, задержаны властями Данцига и Эльбинга и конфискованы из-за запрета вывозить зерно за границу для предотвращения его вздорожания на внутреннем рынке. В мандате отмечены два вызова представителей Данцига и Эльбинга как ответчиков в имперский суд, которые оба города проигнорировали.

Они отказались подчиниться имперской юстиции, ясно дав понять, что не считают себя членами империи. Следствием этого стало появление репрессивного мандата короля Максимилиана. Империя издавна пыталась утвердить свою юрисдикцию над богатыми ганзейскими городами, основываясь на спорном утверждении о том, что земли Западной Пруссии, в пределах которых лежали оба города, некогда были имперским леном, что Данциг и Эльбинг не признавали. Власти империи слишком были заинтересованы в налогах богатых ганзейских городов в пользу империи. Подобная коллизия отражена и в документе 424/1 от 1509 г., где речь идет о попытках Максимилиана обращаться с ганзейским Гамбургом как с членом империи.

Текст мандата обращен ко всем «нашим и Священной империи подданным», чтобы мобилизовать их на неукоснительное исполнение мер опалы, своеобразных санкций, направленных на экономическую изоляцию Данцига и Эльбинга, что грозило им колоссальными потерями. Стратегия убеждения мандата основывалась на авторитете имперского суда, его действенность была связана с тиражированием посредством печати и широким распространением повсюду в империи. Так наш экземпляр по свидетельству дорсальной надписи был напечатан в Любеке, главном городе Ганзейского союза, где находились его судебные органы.

Имперскую опалу было трудно осуществить на практике. Прежде всего ганзейские города, и первый из них – Любек, старались всячески уклоняться от ее исполнения, грозившей стать нешуточным тормозом для экономической жизни в Балтийском регионе. Польский король

Иоганн Альбрехт, в номинальной юрисдикции которого находились Данциг и Эльбинг, грозил в ответ на возможное применение мер опалы предпринять репрессии против немецких купцов на своей территории.

Твердюкова Е.Д.

Деятельность Всесоюзного объединения «Торгмортранс» в Прибалтике в конце 1980-х годов

Экипажи советских судов, заходивших в иностранные порты, получали в качестве суточных иностранную валюту, которая затем обменивалась на чеки серии «А» Внешторгбанка СССР. Этими чеками они могли расплатиться в специализированных магазинах республиканских управлений торговли и продовольственного снабжения флота (В/О «Торгмортранс»). Такие магазины в 1963 г. были открыты в ряде портовых городов СССР и получили название «Альбатрос». В 1987 г. торговая деятельность объединения позволила пополнить союзный бюджет на 227 млн инвалютных рублей.

Наличие в стране магазинов, доступных только узкому кругу лиц, провоцировало социальную напряженность, порождало общественное недовольство. Руководство страны, в свою очередь, в существовании специализированной системы распределения усматривало опасность перетекания дефицитных товаров на теневой рынок и извлечения нетрудовых доходов. Этими обстоятельствами была обусловлена масштабная проверка практики торговли на валюту и на чеки, проведенная в начале 1988 г. Комитетом народного контроля. В ходе проверки ставился, в частности, вопрос о целесообразности полной отмены реализации товаров на чеки серии «А» или сохранения ее только в отношении автомашин, кооперативных квартир, дачных участков, путевок и иных дорогостоящих товаров и услуг, пользовавшихся повышенным спросом населения.

В прибалтийских республиках, располагавших крупными портами на побережье Балтийского моря, специализированная торговля была особенно востребована. Например, в Литовской ССР с 1981 по 1987 гг. общая площадь магазинов, торговавших на чеки Внешторгбанка серии «А», увеличилась более чем втрое, товароборот вырос в 6,6 раза, достигнув суммы 23868,1 руб.

В документах, поступивших из Комитетов народного контроля Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, отмечался увеличивавшийся с каждым годом «разрыв» между покупательными фондами местных жителей и расходами их на покупки в республиканских системах госторговли и потребкооперации. Вывоз товаров (в первую очередь, промышленного производства) за пределы республик в течение 1980-х годов увеличивался и превышал ввоз. Так, по данным начальника Управления организации торговли Латвийской ССР Э. Озолиньша, в 1988 г. вывоз непродовольственных товаров составил 328 млн руб. (почти 28 % общего товарооборота по системе республиканского Минторга). Это увеличивало дефицитность местных рынков и делало магазины чековой торговли особенно притягательными (в Риге, к примеру, чеки серии «А» можно было приобрести «с рук» за 10–12 руб.).

Однако региональные управления В/О «Торгмортранс» в своей деятельности сталкивались с серьезными проблемами, обусловленными в значительной степени неравноправностью их во взаимоотношениях с Центром. Республиканские Министерства торговли не участвовали в отборе товаров по образцам, предложенным иностранными фирмами, они могли работать лишь с теми коллекциями, которые были представлены им Минторгом СССР. Это способствовало тому, что 10–12 % завозимых товаров попадали в разряд труднореализуемых и передавались в магазины госторговли для продажи за рубли. Так, в течение 1987 и января 1988 г. магазином «Альбатрос» в Таллинне было развалючено и передано в розничную сеть товаров на сумму – 179,6 тыс. руб., в Клайпеде – 200,5 тыс. руб.

Валютные цены устанавливались на союзном уровне, причем утвержденные прейскуранты приходили нередко с большим опозданием (например, на парфюмерию, поступившую на базы В/О «Торгмортранс» Литовского морского пароходства в марте 1986 г., ценник был спущен только в апреле 1987 г.), а стоимость многих товаров оказывалась

чрезмерно завышенной (что неудивительно, поскольку вся выручка изымалась в союзный бюджет).

Отмечая эти и другие организационные недостатки, финансовые, торговые и контрольные ведомства всех республик, где имелись спецмагазины «Альбатрос», выступили за их сохранение при условии реформирования системы. Причем предложения, исходившие из прибалтийского региона, отличались наибольшим радикализмом. Представители Латвии, Литвы и Эстонии считали необходимым внести в практику работы В/О «Торгмортранс» следующие изменения: полностью передать в ведение республиканских Советов Министров вопросы организации торговли на чеки, разрешив им создавать республиканские объединения (фирмы) на полном хозрасчете, самокупаемости и самофинансировании, самостоятельно устанавливать цены на все виды товаров и услуг, привлекать работников местных управлений к отборке образцов импортных товаров; установить значительные валютные отчисления в республиканские фонды (с возможностью направлять часть валютной выручки в пользу местных производителей для повышения их заинтересованности в выпуске пользующихся спросом товаров).

Многие из этих предложений были одобрены еще до создания концепции экономической реформы, подготовленной Государственной комиссией Совета Министров СССР к декабрю 1989 г. и ориентированной на создание социалистического рынка при сохранении основ плановой экономики. Правда, в Прибалтике концепция реформирования социалистических методов хозяйствования очень быстро сменилась призывом к экономическому суверенитету, население республик уже нельзя было убедить в преимуществах социализма.

Тихонова М.В.

Проезжие (отпускные) памяти середины XVII в. Якутской воеводской избы (по материалам Архива СПбИИ РАН)

Документы Якутской воеводской избы, появившиеся в результате деятельности русской администрации, сохранились до наших дней в составе фонда № 1177 РГАДА численностью более 5 тысяч единиц хранения за период 1636 – 1718 гг. В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН находятся 1128 единиц хранения в фонде № 160 Якутской воеводской избы, большинство из которых относятся к XVII веку. Таможенная документация как источник по изучению торговли позволяет определить место Якутского уезда в частности и Сибири в целом в торговых связях в России середины XVII века. В таможенной документации, представленной в 160 фонде в архиве нашего Института, одними из самых многочисленных являются проезжие (отпускные) памяти (грамоты) – документы, составлявшиеся на вывозимый из данного пункта товар, в которых указывались дата, фамилия и имя предьявителя проезжей, перечень, количество, таможенная оценка вывозимых товаров, отметки об уплате пошлин. Они комплектовались по годам и были небольшими по объему (в 1 – 2 сстава, очень редко больше). На многих полностью или частично сохранились таможенные печати.

Основным источником для этого доклада послужили проезжие памяти, составленные в Олекменском остроге в 1640 – 1641 годах в период, когда место таможенного головы занимал Дружина Трубников. Каждая из этих памятей «отпускала» (отсюда термин «отпускные памяти») торговых или промышленных людей на соболиный промысел вниз по Лене реке. Далее шло перечисление вывозимого с собой имущества (хлебного запаса и промышленных товаров) и его таможенная оценка.

Развитие русской торговли за Уралом началось со скупки мехов у местного населения. Торговля с коренными жителями края носила преимущественно меновой, а не денежный характер. Местные «иноземцы» выменивали пушнину («мягкую рухлядь») на муку, котлы, топоры, ножи, железо «в прутьях», оловянную посуду, одежду, украшения и т. п. В документах о сибирской торговле перечисляется, по сути дела, весь набор нужных для повседневной жизни вещей — одежда, обувь, посуда, охотничий и сельскохозяйственный инвентарь, оружие, украшения, иконы, книги и т. д. Видное место среди провозимых на восток товаров заняли

продукты питания. Особенно выгодна для торговых людей была продажа муки /хлеба. Цены, складывавшиеся в различных сибирских городах на одни и те же виды продукции, ясно показывают причины, побуждавшие торговых людей закупать товары для их перепродажи. Пуд муки по мере удаления от европейской части России увеличивался в цене практически в геометрической прогрессии. Обратимся к проезжим из Олекминского острога: в одной из них промышленный человек Семенка Александров с товарищами отправляется на соболинный промысел и везет с собой 117 пудов ржаной муки по таможенной оценке на 175 рублей 16 алтын и 4 денги. Присутствие в сумме мелких денежных мер дает основание говорить о том, что таможенная оценка осуществлялась не в приблизительных цифрах и претендовала на рыночную объективность. Математические расчеты выводят стоимость пуда ржаной муки в 1,5 рубля. Казалось бы, вполне конкретная цифра. Однако уже в одной из следующих проезжих мы читаем: «а с ним хлебного запаса и промышленного заводу 35 пуд муки и 15 сажен сетей неводных и того по таможенной оценке на 48 рублей и на 25 алтын», что ставит под большой вопрос стоимость пуда муки, полученную в ходе проведенных ранее расчетов. Этот вопрос пока остается открытым и требует дополнительных вводных данных.

После цифр таможенной оценки хлебного запаса и промышленных товаров в заключительной части отъезжих грамот шли отметки об уплаченных (или отложенных) пошлинах. Обложение сибирских промыслов "десятой" (10%) пошлиной было повсеместным, причем ее взымали натурой. Помимо этих основных статей обложения, в Сибири сохранялось большое количество мелких сборов, которые торговые и промышленные люди должны были уплачивать в каждом таможенном пункте (городе), причем тяжесть и неудобство их уплаты усугублялись местными особенностями. В исследуемых нами проезжих памятях можно наблюдать следующие отметки, касающиеся взимания пошлин. Государева десятая пошлина с промышленных товаров и продовольствия не взымалась с формулировкой: «десятые пошлины не взято, потому как он будет с промыслу, и с него возмется г(осу)д(а)р(е)ва десятая пошлина мяхкою рухлядью». При этом если одновременно указывалось наличие с собой пушнины, то после описания ее количества следовала фраза: «с той мяхкой рухляди Государевы десятой пошлины взято сполна». Также в каждой памяти упоминается «отъезжая пошлина», в большинстве размером в алтын с человека. Однако единообразия во взимании этой пошлины не наблюдается. В каждой третьей грамоте после фразы «десятые и отъезжие пошлины не взято» мы встречаем упоминание об алтыне, взятом в качестве «отъезжей пошлины».

Целью доклада является попытка структурировать и проанализировать проезжие (отпускные) памяти (грамоты) середины XVII в. Якутской воеводской избы (по материалам Архива СПбИИ РАН).

Травин И.Д.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток...»: американские и индийские документы в составе Архива СПбИИ РАН (архивоведческие очерки)

Коллекция 38 (Материалы по истории Индии) и коллекция 40 (Письма и документы политических и церковных деятелей Бразилии, Канады, Мексики и США) не относятся к числу самых объемных среди документов, хранящихся в СПбИИ РАН, но без сомнения являются одними из самых экзотичных. Само их нахождение в составе Западноевропейской секции Архива является довольно ироничным. Конечно, Н. П. Лихачёв в силу своих интересов коллекционировал прежде всего документы, связанные с историей Средневековой Европы, но, само собой, без документов из других частей света, история которых неразрывно связана с Европой, нельзя подробно изучить историю письма.

Коллекция 38 состоит из одного картона, содержащего 10 документов. Преимущественно это документы по истории англо-майсурского конфликта конца XIX в. Однако, кроме этого, в коллекции находятся документы, относящиеся к истории Гаити, Мадагаскара, Таити и Патагонии. Таким образом, правильнее было бы называть данную коллекцию «Материалы по истории Индий», имея в виду не только Ост-Индию, но и Вест-Индию, регион Тихого океана и Южную Америку.

Коллекция 40 состоит из одного картона, содержащего 19 документов. Эти материалы можно разделить на 4 категории: документы, относящиеся к Соединённым Штатам Америки, Мексике, Бразилии и Канаде. Главным образом это, как и указано в названии коллекции, письма политических и церковных деятелей. И, таким образом, данное собрание можно с полным правом называть коллекцией, посвящённой Америке как части света.

В ходе обработки данных коллекций описания единиц хранения были уточнены и расширены, а многие персоны и места идентифицированы.

Фомин А.Ю.

К вопросу о реформе Академии Генерального штаба после Русско-японской войны

После Русско-японской войны остро встал вопрос о реформе Николаевской академии Генерального штаба – «кузнице» кадров высшего командного состава русской армии, откровенно не лучшим образом проявившего себя на Дальнем Востоке. Продолжавшаяся в течение нескольких лет работа официальных комиссий, собиравших суждения авторитетных специалистов о ситуации в Академии, не привела к выработке четкого плана реформ. Серьезные преобразования начались в Академии по инициативе «снизу». В 1909 г. группа «молодых» профессоров во главе с Н. Н. Головиным задалась целью усилить прикладную составляющую программы Академии, сократив количество лекционных часов в пользу практических занятий по тактике, на которых офицеры в небольших группах учились совместно вырабатывать решения боевых задач. Головин и его товарищи ориентировались на методики, принятые в аналогичных Николаевской академии учебных заведениях Франции и Германии. Им удалось заручиться поддержкой тогдашнего начальника Академии Д. Г. Щербачева, однако «старшие» профессора и некоторые влиятельные члены Конференции академии (нечто наподобие одновременно ученого и попечительского совета) категорически выступили против нововведений. Они усмотрели в планах Головина и его сторонников покушение на традиции русской школы «военного искусства» и прямую угрозу своему авторитетному положению.

Поддерживавший «старших» профессоров «заведующий обучающимися в Академии офицерами» полковник М. Д. Бонч-Бруевич был вхож в дом министра Сухомлинова, которого хорошо знал по службе в штабе Киевского военного округа. Согласно воспоминаниям сторонника Головина А. К. Кельчевского, Бонч-Бруевич указал Сухомлинову на «опасный» образ действий «молодых» профессоров, разрушавших традиции Академии, не считаясь с авторитетом старших по службе и начальства, уподобив их турецким военным заговорщикам. После личной инспекции министра и его доклада императору лидеры «младотурок» и покровительствовавший им Щербачев были удалены из Академии, а ее начальником стал далекий от военной науки «свитский» генерал Енгальчев. Таким образом, изначально как будто совершенно не политический спор о подходах к преподаванию обернулся борьбой за власть между сторонниками «прогрессивных» реформ и бдительно охранявшими свои главенствующие позиции консерваторами.

Ходяков М.В.

Кондитерская промышленность Ленинграда в годы блокады

Мифологизация «кондитерского вопроса» в Ленинграде периода Великой Отечественной войны была обусловлена недоступностью многих архивных материалов. Серьезных научных исследований, посвященных деятельности шоколадных и кондитерских фабрик Ленинграда в годы блокады, историки пока не создали. Анализ этой малоизвестной страницы истории ленинградской блокады осуществлялся автором на основе фондов Ленинградского областного управления пищевой промышленности, а также Статистического управления г. Ленинграда ЦГА СПб. Отдельными фондами в данном архиве представлена деятельность Ленинградских государственных фабрик имени Крупской и Самойловой. В фонде

Главного управления кондитерской промышленности РГАЭ отложились приказы и распоряжения Главкондитера, касающиеся кондитерского производства Ленинграда, отчеты о работе фабрик имени Самойловой, Микояна, Крупской, сведения о наличии рационализаторских предложений и внедрении их в производство.

Отдельного внимания заслуживают вопросы планирования работы ленинградских предприятий, находившихся в структуре Наркомата пищевой промышленности СССР (в союзном подчинении). Утверждение планов их работы и деятельность возьмет в свои руки местное партийное руководство.

В ноябре-декабре 1941 г. обозначилась необходимость консервации ряда производств, сотрудники которых в массовом порядке привлекались к оборонным работам. Несмотря на объективные трудности, все кондитерские фабрики наряду с изготовлением основной продукции включились в выпуск продовольствия и медикаментов для действующей армии, осваивали производство витаминизированных напитков и товаров широкого потребления. Тем не менее, в начале 1942 г. недостаток сырья, электроэнергии и топлива привел к приостановке большинства фабрик, производивших шоколад и конфеты. Постепенное восстановление их работы началось только в 1943 г. после прорыва блокады.

Выпускавшаяся в ограниченном количестве разнообразная кондитерская продукция не могла удовлетворить спрос на нее всего населения города. Значительная часть ее предназначалась для тех родов войск, которые вели военные действия в особо тяжелых условиях. Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на очевидные факты продовольственного неравенства военного времени (включавшие специальное снабжение партийно-советской номенклатуры), у нас нет оснований говорить о «сладкой жизни» руководителей блокадного Ленинграда как основе социальной политики Смольного.

Чистиков А.Н.

Влияние идеологии на качество жизни советского человека «хрущёвского десятилетия»

Понятие «качество жизни» используется в научной литературе уже несколько десятков лет, однако единого понимания среди учёных нет. Часть из них акцентирует внимание на материальных (объективных) характеристиках, другая – на духовных, вкладывая в них разный набор компонентов. В последнее время стал преобладать комбинированный подход. Согласно ему, качество жизни – социально-экономическая категория, характеризующая совокупность объективных условий и субъективных оценок, обуславливающих ту или иную степень удовлетворённости людей своей жизнью. В число стандартных показателей это определение включает отдых и досуг.

Важную роль в формировании и повышении качества жизни отдельного человека или группы людей играет государственная политика. Для Советского государства одним из определяющих политику факторов была марксистско-ленинская (коммунистическая) идеология. Программа КПСС 1961 года определяла марксизм-ленинизм как цельную и стройную систему философских, экономических и социально-политических взглядов. Главным в идеологической работе виделось воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистическое отношение к труду и общественному хозяйству, полное преодоление буржуазных взглядов и нравов, гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры.

Решение этих задач составляло часть государственной политики, в том числе в области отдыха и досуга советского человека. С одной стороны, она выражалась в создании определённых материальных условий для развития духовной культуры и личности. С другой – накладывала несомненные ограничения, стремясь исключить влияние буржуазной идеологии, как её понимало партийно-советское руководство. В основе политики лежал принцип невозможности мирного сосуществования в идеологической области, неоднократно подчёркиваемый Н.С. Хрущёвым.

Особенно ярко эта политика проявлялась в отношении влияния западной культуры на досуг советского человека. Появившаяся с 1956 г. возможность более частых, чем ранее, поездок за рубеж ограничивалась определёнными условиями и сопровождалась

рекомендациями по «правильному поведению» за границей. Кинопрокат при выборе иностранных фильмов отдавал предпочтение картинам социалистических стран, ставя фильмы из развитых капиталистических стран на последнее место, отказывая им в широкой рекламе, либо сопровождая её критическими разъяснениями с политически позиций. Подобные ограничения существовали и при выборе творческих коллективов, приглашаемых в СССР, выпуске зарубежной художественной литературы. Немалое влияние на оценку ряда культурных явлений и направлений оказывали позиция или мнение отдельных представителей партийно-советского руководства, включая Н.С. Хрущёва.

Вместе с тем экономика иногда преобладала над политикой, что, в частности, выражалось в организации фестивальных кинонедель, приглашении в СССР популярных музыкальных коллективов или певцов из капиталистических стран (например, джаз-оркестра Бенни Гудмена, Поля Робсона).

При изучении качества жизни советского человека «хрущёвского десятилетия» нельзя не учитывать существенного – как положительного, так и отрицательного – влияния марксистско-ленинской идеологии на организацию досуга в СССР.

Чистиков А.Н.

Связь в блокированном Ленинграде: итоги и перспективы изучения

Накануне Великой Отечественной войны к органам связи Ленинграда относились Главный почтамт с районными отделами, Ленинградский центральный телеграф, Управление Ленинградской телефонной сети, Ленинградская междугородная телефонная станция, Ленинградская радиодирекция, Ленинградская городская розничная контора «Союзпечать» и некоторые другие. В годы войны и блокады поле деятельности учреждений связи Ленинграда сузилось, но основные направления работы сохранились.

Изучение советской и российской историографии показало, что проблемам связи в блокированном и военном Ленинграде историки не уделяли пристального внимания. Не касаясь обобщающих трудов, в которых эти вопросы изучались как один из многих элементов жизни ленинградцев, отметим, что в специальных исследованиях основной акцент был сделан на анализе работы Ленинградского радио, поскольку именно оно являлось главным средством коммуникации между властными органами и жителями города, именно оно исполняло основную информационную и агитационно-пропагандистскую функцию (см. работы П.А. Палладина, А.И. Рубашкина, В.Л. Пянкевича и др.). В 2000-е гг. появились основанные частично на неопубликованных материалах исследования о работе радиовещательных станций в блокадном Ленинграде (см. работы Н.А. Борисовой, Т.Г. Скородумовой). Были изучены процессы перемещения радиостанций из Ленинградской области в город, вопросы строительства и восстановления радиовещательных станций в 1941–1943 гг.

Исследование роли городской печати в жизни военного Ленинграда ограничилось несколькими работами А.П. Шапошниковой (ещё конца 1970-х гг.) и небольшой статьёй А.В. Зотовой о «Союзпечати» в эти годы. Выводы первого автора соответствовали политическим установкам тех лет; второй автор ограничился кратким пересказом содержания отчётов о производственно-финансовой деятельности дирекции «Союзпечати» за 1942–1945 гг. Перу А.В. Зотовой принадлежит также небольшая статья о телефонной связи в блокированном Ленинграде, основанная на материалах отчётов о работе ленинградских органов связи.

Дальнейшее изучение деятельности учреждений связи Ленинграда периода войны и блокады должно опираться на недавно опубликованные («Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда» (Т. 1-3), «Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета» (Т. 1-2)) и отложившиеся в петербургских (и московских) архивах документы. Наряду с делопроизводственными документами (прежде всего отчётами органов связи и протоколами их партийных заседаний), отложившимися в нескольких фондах ЦГА СПб и ЦГАИПД СПб, несомненную ценность представляют стенограммы работников почтамта, радиодирекции и пр., записанные в 1943–1947 гг. (Ф. 4000 ЦГАИПД СПб), а также некоторые материалы из личных дел руководителей этих учреждений в ЦГАИПД СПб и Центральном музее связи им. А.С. Попова. Предварительный анализ ряда упомянутых материалов показал,

что они позволяют более подробно восстановить процесс деятельности органов связи Ленинграда на всём протяжении военного времени.

Шепилова Е.М.

Идентификация техники печати портрета Есенина С.А.

Исследуемый портрет Есенина С.А. не входит в число широко известных фотопортретов поэта. Портрет представляет собой погрудное изображение поэта, одетого в гимнастерку. Изображение имеет форму овала. Под портретом подпись «Сергей Есенин в 1925 г.», выполненная типографским способом. Изначально предполагалось, что это фотография, однако визуальный осмотр и органолептическое обследование ставят под сомнение это утверждение. Портрет не наклеен на лист, а отпечатан на нем и составляет с ним единое целое.

Бумага, на которой напечатан портрет С. А. Есенина, принципиально отличается от фотобумаги: она не имеет ни баритового, ни эмульсионного слоя, тонкая и рыхлая, не такая плотная и жесткая, как фотобумага. Расположение овала не по центру листа, а со смещением влево, неровный левый обрез, более интенсивное пожелтение бумаги листа вдоль верхнего, правого и нижнего обреза дает основание предполагать, что лист с портретом С.А. Есенина вырезан из печатного издания: книги, журнала или брошюры. Размер листа с портретом С. А. Есенина (112×157 мм) соответствует так называемому «малому размеру», закреплённому в государственном стандарте, определяющем форматы книжных и журнальных изданий.

Технико-технологические исследования бумаги листа показали, что композиция бумаги состоит из смеси технической целлюлозы хвойных и лиственных пород древесины и древесной массы. Средняя толщина листа составляет 95-100 мкм, а масса 1 м² – 97 г. Бумага не содержит оптических отбеливателей, что было установлено по отсутствию её флуоресцентного свечения в ультрафиолете. Анализ результатов исследования и сопоставление их со значениями свойств типографской и офсетной бумаги, утверждёнными государственными стандартами на данные виды бумаги, позволяет определить бумагу листа с портретом С.А. Есенина как офсетную для печати массой 100 г/м².

Для идентификации техники нанесения изображения на поверхность листа было проведено исследование методом микроскопии в прямом и косо падающем отраженном свете, для этого был использован микроскоп ЛОМО МПС-2 вар. 5. Исследование показало, что изображение выполнено черной краской, что характерно для фотомеханического способа печати. На поверхности изображения просматривается рельеф бумаги, видны волокна. Высокое качество изображения, тонкая передача полутонов, отсутствие при этом регулярного растра, периодической точечной структуры полутонового изображения, характерного для офсетной печати, и наличие четкого узора ретикуляции желатинового слоя позволяет утверждать, что портрет С.А. Есенина создан методом фототипии.

В ходе исследования методом микроскопии в нижней левой части портрета была обнаружена ретушь, причем нанесена она непосредственно на фотографию, с которой была сделана матрица для данной фототипии, о чем свидетельствует ретикуляционный узор желатинового слоя, равномерно расположенный как по всей поверхности портрета, так и по ретуши.

Что же скрывает ретушь, стало понятным, когда в результате поиска аналогий обнаружилось, что исследуемый портрет С.А. Есенина является выкадровкой (вычленение фрагмента фотографии) из парного портрета с П.И. Чагиным, ретушью закрыта часть светлой рубашки последнего, близко стоявшего к С.А. Есенину. Известны ещё 2 фотографии, оформленные так же, как и исследуемый портрет, на которых С.А. Есенин и П.И. Чагин идентично одеты и причесаны. Первая – известный портрет поэта в расстегнутой гимнастерке, а вторая – парный портрет, где улыбающийся С.А. Есенин сидит за спиной у П.И. Чагина. Эти фотографии сделаны в студии Лаврентия Георгиевича Брегадзе в Баку. Они воспроизводятся в полном собрании сочинений Сергея Есенина, там же приводится их подробное описание с цитированием надписей на обороте. По надписям на обороте фотографий, воспоминаниям П.И. Чагина и письму Г. А. Бениславской С. А. Есенину от 10–12 декабря 1924 г. время создания фотографий ограничивается периодом между 20 сентября и 1 октября 1924 г. Все выше

перечисленное говорит о том, что все три фотографии были сделаны во время одного и того посещения фотоателье. Следовательно, подпись под портретом содержит неверную информацию.

Таким образом, установлено, что исследуемый портрет С.А. Есенина напечатан типографским способом, методом фототипии и является выкадровкой из парного портрета с П. И. Чагиным, сделанного в бакинском фотоателье Л. Г. Брегадзе в конце сентября

Шишкин В.В.

Содержание французских документов XVI в. из коллекции Н. П. Лихачёва: первые наблюдения

Картон 338 западно-европейской секции коллекции Н. П. Лихачева, озаглавленный как «Франция: письма и автографы королей (а также аристократов, дипломатов, ученых, философов и других французских деятелей)» на деле содержит документы самого разного характера, подписанных Франциском I (4 ед.), Генрихом II (8), Карлом IX (5), Генрихом III (9), Генрихом IV (7). Из 32 описанных документов 12 являются пергаменными грамотами, главным образом, приказами королей по финансовым вопросам. Из общего числа перлюстрированных автографов, помимо приказов, выявлено 4 личных послания короля, в том числе 2 полных автографа, 8 официальных писем, заверенных государственными секретарями, одно королевское поручение, одна военная инструкция, три циркулярных письма, одна королевская декларация, изданная в разъяснение королевского эдикта, а также письма, адресованные за рубеж: 3 – французским послам и дипломатическим агентам при папском дворе, 2 – герцогу Феррарскому, 1 – властям г. Берна, по одному – к английскому двору и к испанскому королю, и 1 – правителю Марокко. Содержание большей части документов, в подавляющем случае, подлинников, так или иначе связано с реформационным движением в Европе и Религиозными войнами во Франции.

Ярмолич Ф.К.

Социализация советского горожанина в 1950 – 1960-е гг. (на материалах Ленинграда)

Вопросам социализации в научной и научно-популярной литературе уделяется значительное внимание. Однако до середины 1960-х гг. в научном сообществе существовало представление, что этот процесс характерен только для одной возрастной группы – молодежи. После публикации работ американского ученого О.Г. Брима-младшего, в которых доказывалось, что механизмы социализации сопровождают человека на протяжении всей его жизни, научное сообщество пересмотрело свои представления об этом социальном явлении. В Советском Союзе проблему социализации личности одним из первых рассмотрел Б.Д. Парыгин в середине 1960-х гг.

Появление в советском научном сообществе нового научного направления вызвало дискуссии. Часть ученых обращало внимание, что процессы инкорпорирования человека в социальное пространство в советской науке изучаются в рамках таких категорий как «воспитание» и «формирование личности».

После продолжительной дискуссии в научном сообществе пришли к общему выводу, что процесс социализации несколько шире, чем воспитание и формирование личности и его следует рассматривать как «результат и механизм приобретения личностью социального опыта в процессе жизнедеятельности».

Интеграция человека в социальное пространство в Ленинграде осуществлялась многими институтами (семья, школа и т.д.), в том числе и культурно-просветительскими учреждениями. Среди которых наиболее важное значение отводилось клубным организациям. Это объяснялось тем, что они располагали широким набором форм отдыха, создающих условия для интеграции ленинградцев в городскую социум. Однако на протяжении 1950 – 1960-х гг. клубные организации испытывали материально-финансовые, кадровые и иные трудности, которые влияли на исполнение ими возложенной на них роли социализации жителей Ленинграда.